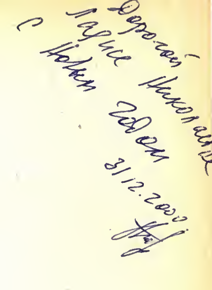
И. С. НИКИТИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Центра

Центрально-Черноземное книжное издательство

Воронеж — 1972

И. С. НИКИТИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Избранные произведения» печатаются по тексту: «И. С. Никитин. Полное собрание стихотворений». Москва—Ленинград, «Советский писатель». 1965 г.

И. С. НИКИТИН

Благодарная память нашего народа свято хранит имя замечательного русского поэта И. С. Никитина, имя дорогое и близкое сердцу каждого советского человека.

«Поэт яркий и социально значительный» [1], как назвал его А. М. Горький, Никитин заслужил поистине всенародное признание. Глубоко жизненное творчество этого художника слова тесно связано с демократической поэзией 50—60-х годов XIX века, с дальнейшим развитием русского освободительного движения, литературы и общественной мысли.

Ранние годы поэтической деятельности Никитина проходили в сложных социальных и эстетических исканиях. На его нелегком творческом пути имелось немало сомнений и ошибок, но душой и мыслями он всегда был со своим народом. Принадлежащие Никитину жанровые портреты, сцены и зарисовки из быта крестьянской и городской бедноты исполнены искреннего сочувствия к ее бесправию, безысходной скорби, нищете. Из самой глубины сердца шли строки стихов поэта о «бедности голодной», «несмелой» и «забытой». Никитин думал прежде всего именно о народе, о страдании пахаря, пряхи, ремесленника, бобыля.

Высокохудожественны по своим неповторимым краскам и по богатству звуков пейзажи Никитина. Великолепный художник русской природы, он с проникновенным лиризмом и теплотой воспроизвел знакомые и дорогие нам с детства картины родной земли.

В деле сближения народно-разговорного и литературного языка Никитин шел по пути своих великих предшественников и современников — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Кольцова. Подобно им, он стремился к освещению коренных явлений жизни, черпал в ней темы и образы, совершенствовал поэтический строй своей речи. Многие его стихи, превосходные по просто-

[1] «Советское искусство». 1936. № 23(315).

те языка и напевности, по яркости и выразительности образов, широко распространились в народе.

Все это свидетельствует о непреходящей ценности поэтического наследия Никитина — замечательного художника русского слова.

*
* *

Иван Саввич Никитин родился 21 сентября (3 октября нов. ст.) 1824 года в Воронеже, в зажиточной мещанской семье. Отец Никитина, Савва Евтихиевич, торговец и владелец небольшого свечного предприятия, имел характер крутой и властный. О матери поэта, Прасковье Ивановне, сохранилось не много сведений. По отзывам современников, «это было существо кроткое и безответное». Учился Никитин в Воронежском духовном училище (1833—1839) и духовной семинарии (1839—1843), но не окончил ее. Разорение отца, смерть матери и тяжелые семейные обстоятельства вынудили Никитина стать содержателем постоялого двора. И сколько горького и трудного выпало на его долю!

«Бывало, — рассказывал поэт, — пойдешь, нарубишь дров, затопишь сам печку, сваришь обед с грехом пополам, на стол соберешь и накормишь извозчиков. Потом, намаявшись днем-то, вечером сядешь за книгу или за писанье. Но долго не сидишь, потому что дорожишь сальным огарком. Только что заснешь, тебя уже будят, — ворота отпирай да рассчитывайся...» [2]

Молодые годы с обычным для них звонким радостным смехом, ощущением счастья, светлыми мечтами и надеждами прошли мимо Никитина. От этих лет остался у него холод на всю жизнь. Позже, в своем стихотворении «Бедная молодость, дни невеселые...», поэт писал:

---

2 См.: В. Тонков. Никитин. Воронежское обл. кн. изд-во, 1945, стр. 17.

Глянешь назад — точно степь
неоглядная.
Глушь безответная, даль
безотрадная
Нет в этой дали ни кустика
зелени.
Все-то зачахло да сгибло
без времени...

Нужна была постоянная напряженная борьба за свое существование. Не отыскивая легких путей в этой борьбе, Никитин говорил впоследствии, что он, окрепший «под бурей искушений», во всем обязан только своим собственным силам, только своей собственной энергии.

Поэт мог бы сказать о себе и словами из письма А. П. Чехова: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости» [3].

Тем важнее подчеркнуть, что наперекор тяжелым жизненным условиям Никитин настойчиво стремился к творческому труду, который для него был поистине равен подвигу. «Я здешний мещанин, — писал он редактору местной воронежской газеты В. А. Средину. — Не знаю, какая непостижимая сила влечет меня к искусству... Какая непонятная власть заставляет меня слагать задумчивую песнь, в то время, когда горькая действительность окружает жалкою прозою мое одинокое, незавидное существование!» [4].

Печататься Никитин начал в 1853 году. В литературной деятельности молодого поэта горячее принял участие кружок воронежских интеллигентов во главе с советником губернского правления Н. И. Второвым (1818—1865).

На первых порах поэтический голос Никитина не всегда звучал самостоятельно и оригинально. Он пишет ряд подражательных стихотворений, проникнутых религиозными и идиллическими

3 А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 291.

4 И. С. Никитин. Избранные соч. М.—Л., Гослитиздат, 1948, стр. 202. В дальнейшем цитируется по этому изданию.

мотивами («Монастырь», «Присутствие непостижимой силы...», 1849, «Ночь на берегу моря», «Дуб», «Вечер», «Ключ», 1850, «На западе солнце пылает...», 1851, «Кладбище», 1852, и др.).

Идейно-тематическому содержанию этих произведений полностью соответствовала и их художественная форма. Никитинские стихи насыщаются такими эпитетами, словосочетаниями, как «святое безмолвие», «сладостная сень», «сладкие слезы», «вечный сон», «отрада тайная», «таинственный страх».

Но в те же относительно ранние годы своего творческого пути Никитин пристально вглядывается и в окружающую его горькую жизнь трудового народа. У поэта намечаются темы и образы, которые станут преобладающими в зрелую пору его творчества. В этом отношении наиболее показательно стихотворение «Тишина ночи» (в первой редакции — «Ночь», 1849), где Никитин пытается показать печальную долю осиротевшей дочери городского бедняка:

И в цепях разврата
Не узнав любви,
Рано без возврата
Сгубит дни свои.

Здесь уже выражена та мысль, которую несколько позднее разовьет поэт в стихотворении «Три встречи» (1854), посвященном трагической участи так называемой падшей женщины. Сочувствуя ей, Никитин укажет на нее как на жертву тяжелых социальных условий:

Из дому вас беспощадно
Выгнал за долг ростовщик;
С горя, в тоске безотрадной,
Умер отец твой старик.

Важно отметить, что с таким же глубоким пониманием горестной судьбы несчастной, душевно изуродованной губительными условиями тогдашней действительности, писали в ту пору только поэты русской революционной демократии — Н. А. Некрасов («Когда из мрака заблужденья...», 1845) и М. Л. Михайлов («Надя», 1847).

С начала 50-х годов в творчестве Никитина все более проявляется стремление к реализму. В его стихотворениях «Зимняя ночь в деревне» (1853), «Жена ямщика», «Внезапное горе» (1854), «Уличная встреча» (1855) рассказывается о нищенской, тяжелой жизни городской и деревенской бедноты. Среди них по чрезвычайной остроте своего социального смысла особенно выделяется стихотворение «Мщение» (1853), повествующее о грозной расправе бесправного крестьянина с жестоким и развратным помещиком-крепостником. Мужик в отместку за побои и оскорбления его дочери

Поднялся, вскочил
В спальню темную, —
Не вставать теперь
Утром барину...

Значительное место заняла в творчестве Никитина и глубоко волнующая его тема Родины. Правда, в ряде военных стихов поэта («Война за веру», 1853, «На взятие Карса», 1855, и др.) обнаруживаются и малохарактерные для него ошибочные, консервативные взгляды. Но Никитин до сих пор продолжает жить в сознании людей советского общества не этими, явно слабыми и давно забытыми стихами, а такими, как «Русь» (1851), где прославляется стойкость и мужество народа в его справедливой борьбе за свою землю. Определяя свое сыновнее отношение к Родине, поэт писал:

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

Решающую роль в формировании эстетических взглядов Никитина и его реалистического метода сыграл общественный подъем 60-х годов. Суро-

ный отзыв Н. Г. Чернышевского о первом сборнике никитинских стихотворений (1856), в котором критик осудил поэта за подражательство, надуманность тем и образов, во многом помог Никитину стать на путь решительного преодоления зависимости от представителей, выступавших под знаменем так называемого «чистого искусства».

Сами обстоятельства жизни приводили Никитина к непосредственному сближению с простыми людьми. Как содержатель постоялого двора он общается с крепостными крестьянами, бурлаками, дворовыми, ремесленниками, ямщиками. По свидетельству очевидцев, «Иван Саввич знал всех извозчиков, которые останавливались на его постоялом дворе. Они ему сказывали, словно родному, про свои дела» [5].

Вспомним и наиболее характерное для Никитина стихотворение «Полночь. Темно в горенке...» (1856), явившееся взволнованным откликом на его встречи и душевные беседы с людьми подневольного труда. Находясь под тягостным впечатлением рассказа заезжего бедняка, Никитин писал:

Экая бессонница,
Скука и тоска!
Диво! все мне чудятся
Речи мужичка.

Ясно обозначившийся путь к реализму проходит у Никитина под знаком напряженного творческого труда, поисков не только важных тем современности, но и новых средств и приемов художественной изобразительности. Глубоко проникая в мир задавленного нуждою и бесправием трудового народа, Никитин учится говорить от его лица и его языком. В связи с этим особенно следует отметить, что в ряде стихов поэт не только раздумывает о печальном положении нищего пахаря, но и определяет свое отношение к крепостнической действительности, которая вы-

[5] Г. Фомин. Воспоминания об И. С. Никитине. Литературный сборник «Проселочные дороги». Воронеж, 1914, стр. 279—280.

зывает у него картины беспросветной жизни крестьянина в курной, грязной избе при свете дымной лучины. Таково, например, стихотворение «Ночлег в деревне» (1857—1858), в котором скорбные строки исполнены чувством понстине сердечной боли за страдающий народ:

Закоптелые полати,
Черствый хлеб, вода,
Кашель пряхи, плач дитяти...
О, нужда, нужда!

С еще более социально заостренным изображением обездоленности крестьян встречаемся мы в стихотворении «Пахарь» (1856). Изображение безмерно тяжелого, рабского труда:

Конь идет — понурил голову,
Мужичок идет — шатается... —

сочетается в нем с резким протестом против крепостного права:

Уж когда же ты, кормилец наш,
Возьмешь верх над долей
горькою?..
Из земли ты роешь золото,
Сам-то сыт сухою коркою!

Тот же вопрос ставится Никитиным и в заключительных строках стихотворения «Соха» (1857).

Уж и кем же ты придумана,
К делу навеки приставлена? —

спрашивает поэт. И здесь же, поднимаясь до осознания причин нищенской голодной жизни народа, иносказательно заключает:

Кормишь малого и старого,
Сиротой сама оставлена...

Земледелец у Никитина — «богатырь в безысходной беде». Обладая неиссякаемой трудовой энергией, скованной, однако, крепостническим гнетом, он, по словам поэта,

Крепче камня в несносной истоме,
Крепче меди в кровавой нужде.
«Нищий», 1857.

Присущая народу бодрость духа хорошо воспроизведена Никитиным и в «Песне бобыля» (1858), каждая строка которой насыщена определенным социальным смыслом:

Он идет да поет,
Ветер подпевает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Трудящиеся люди в творчестве Никитина — носители подлинной человечности. Именно у этих людей поэт находит высокие моральные качества и духовную красоту. Вспомним убедительную и предельно сжатую характеристику молодого крестьянского парня в стихотворении «Пряха» (1857—1858):

Человек ли утопает,
Иль изба горит,
Что б ни делал — все бросает,
Помогать бежит.

В то же время безобразными, уродливыми чертами наделяет Никитин помещиков-крепостников, сельских начальников, купцов. Угнетатели народа грубы, жадны, жестоки, развратны. Характерно в этом отношении изображение деспота-старосты — грозы крепостных рабов:

Он идет по улице —
Без метлы метет;
Курица покажется —
В ворота шмыгнет.
«Староста», 1856—1858.

Художественная индивидуальность Никитина особенно ярко выразилась в поэме «Кулак» (1857), в которой многосторонне раскрыта власть нужды, тяжесть семейно-бытовых отношений, трагизм бесправия женщины. Следуя демократическим принципам критического реализма, Никитин ввел в поэзию новое лицо из мещанской среды — духовно обедненного, изуродованного общественным устройством мелкого торгаша-перекупщика Лукича. Н. А. Добролюбов оценил поэ-

му «Кулак» как оригинальное произведение, «полное истинно гуманных идей» [6].

Никитин не смягчает красок в изображении своего основного героя. Показывая его жестоким самодуром, откровенным мошенником, грубым, невежественным и в то же время жалким, несчастным человеком, доведенным жизнью до последней степени мучительного унижения, поэт с тоскою и болью в сердце говорит о тех чувствах человеческого достоинства, которые были попраны современными ему губительными жизненными условиями:

Ты сгиб. Но велика ль утрата?
Вас много! Тысячи кругом,
Как ты, погибли под ярмом
Нужды, невежества, разврата!

Повышенная восприимчивость Никитина к горькой доле захваченных страшным бытом людей порождала у него все новые и новые многозначительные вопросы, когда же это кончится:

Когда блеснут лучи рассвета..,

. . . .

Когда минет проказа века
И воцарится честный труд...

Здесь у поэта, несомненно, определилась своя, выстраданная им тема.

Я воплощал боль сердца
в звуки! —

говорит Никитин и заканчивает следующим нелегким для него признанием:

Моей душе была близка
Вся грязь и бедность кулака!

По-другому даны положительные образы поэмы. С большой правдивостью, с тонким пониманием женской души изображает поэт жену Лукича, Арину, до крайности забитую и запуганную своим мужем.

---

6 Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. 3, 1934, стр. 383.

С горячим сочувствием рисует Никитин образ дочери кулака Саши. По своему характеру она принадлежит к тем людям, которые, испытывая на себе семейный гнет, не могли быть счастливы. Саша восстает против брака по принуждению, но у нее недостает силы противостоять произволу своего отца. Подавленная его жестокой властью и робкой мольбой матери, она покоряется, уступает. Сашу ждет мрачная, холодная жизнь с нелюбимым мужем, богатым, расчетливым и жадным купцом.

Внимание Никитина к участи придавленных, униженных обитателей убогих домишек свидетельствовало об очевидном развитии реалистических тенденций в его творчестве. Идейно-художественный рост поэта сказался именно в настойчивой разработке им темы «маленького человека», ставшей в ту пору одной из основных тем передовой русской литературы. Гоголь в повести «Шинель» (1842), несколько позже Достоевский в «Бедных людях» (1846), не говоря уже о Некрасове, каждый по-своему обнажили страшные судьбы людей петербургских углов. В образе никитинского кулака есть также свои специфические черты. С каким бы литературным персонажем мы ни сравнивали Лукича, он все же остается единственным и неповторимым художественным образом в нашей литературе.

Сатирическим негодованием проникнуты страницы поэмы, изображающие бытовой уклад и нравы купцов и чиновников провинциального города России середины XIX века.

Существенным дополнением к нарисованным в поэме картинам природы и быта является изображение городских окраин, где Никитин увидел прежде всего тюрьму и рядом с ней колокольни церквей, овраги, грязные пустыри, плетни, заборы, бани и убогие лачуги с ютившейся в них беднотой.

Из тесных и пыльных переулков и улиц поэт ведет нас в шум городской ярмарки с ее пестрым морем голов, людским говором, перебранкой и спором торгашей и цыган, народными зрелищами, пением слепцов, балаганами, лавками и па-

русиновыми палатками, путаницей крестьянских возов с поднятыми оглоблями телег.

Поэма показательна и со стороны живого, общенародного языка, полностью соответствующего ее идейному содержанию. Для реалистической характеристики действующих лиц Никитин использует приемы диалога, широко вводит разговорную интонацию, что придает стихам поэмы простоту, образность и выразительность.

* * *

1859—1861 годы были для Никитина временем напряженного творческого труда и большой культурной деятельности. Захваченный общественным движением этих лет, поэт стремится отдать все свои силы делу просвещения народа. В феврале 1859 года Никитин открывает в Воронеже книжный магазин-библиотеку. Он хотел в качестве книготорговца помогать распространению среди населения произведений художественной литературы.

В 1859 году вышел последний прижизненный сборник стихотворений Никитина, для которого он отобрал лишь то, что казалось ему наиболее ценным из всего им написанного. Основную часть сборника составили такие широко распространенные произведения поэта, как «Пахарь», «Соха», «Нищий», «Дедушка», «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», «Мертвое тело», «Старый слуга» и другие, написанные, по определению Н. А. Добролюбова, «на тему горьких и беспомощных страданий бедняка» [7].

Идейно-творческий рост Никитина выразился именно в глубоко осознанном им изображении социальных явлений, в постановке более острых вопросов и противоречий окружающей его действительности. В стихи поэта вошли поистине потрясающие мучения простых людей городских окраин и крепостной деревни, где «бедность голод-

7 Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. 2. Гит. изд., стр. 579.

ная», «бедность забытая», где безысходная печаль живет годами, где все слезы выплаканы. Кровной связью Никитина с народом объясняется здесь и правдивость художественных образов, и проникновенная драматизация сцен. В данном случае мы видим подлинно новый принцип подхода к изображению подавленного нуждою обездоленного люда. Он сказывается уже в том умении, с каким поэт воспроизводит однообразную, исполненную безмолвного горя, тоскливую жизнь девушки-швеи, когда в глухую бессонную ночь

Осталося к подушке
Припасть — и зарыдать.
«Мать и дочь», 1860.

Личное художественное видение горькой человеческой судьбы позволило Никитину по-своему раскрыть и душевное состояние полумертвого от голода и болезней портного, пришедшего на кладбище с просьбой вырыть ему могилу. Какая страшная по существу картина!

«Зароют, друг мой, я не спорю.
Ведь дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдет она?
Кого?.. Уж пособи ты горю!» —

говорит приниженный своей нищетою бедняк.—

«Платить-то нечем... Я бы рад,
Я заплатил бы... вырой, брат!..»
«Портной», 1860.

Тем же горячим сочувствием униженному, угнетенному человеку согреты строки никитинских стихотворений «За прялкою баба в поняве сидит...», «Поминки», «На пепелище» (1860). Перед нами возникают печальные картины изнурительного труда и быта крестьян в старой дореволюционной России. Светлый облик матери-крестьянки, нарисованный Никитиным: «Ее уста спеклися кровью, Работой грудь надорвана...» — заставляет читателя не только представить себе, но и пережить, перечувствовать безрадостную участь простых русских женщин при царизме.

Вполне реальными и конкретными жизненными

впечатлениями внушена Никитину и последняя редакция поэмы «Тарас» (1860), в которой наряду с изображением невыносимо тяжелого положения народа:

И бродит люд как испитой —

выражен резкий протест против подневольного крепостного труда. Говоря о печальной судьбе героя поэмы Тараса, так и не нашедшего счастья, Никитин спрашивает:

А радости? Иль нет их в темной
доле,
В суровой доле мужика?
Иль кем он проклят, проливая
в поле
Кровавый пот из-за куска?..

Тарас погибает, спасая тонущего в Волге товарища. Но громче гибели Тараса звучит в поэме именно этот вопрос, перерастающий в страстный призыв к настойчивым поискам иных, более верных путей борьбы за справедливую жизнь.

Резкая оценка общественного неустройства, в условиях которого гибнет бесправный оскорбленный человек, нашла свое яркое проявление в стихотворении «Хозяин» (1861). В нем с исключительной смелостью обнажено господство грубой силы, жестокости, невежества, откровенного цинизма. Отсюда и гневные проклятия поэта-гуманиста мрачному дому-тюрьме, заключавшему в себе черты сходства с политической системой самодержавно-крепостнического строя. Здесь также подавлялась глубоко страдающая человеческая личность, растаптывались обогревающие душу чувства любви, сердечного участия, духовной красоты:

Угрюм твой вид, как гроба вид,
Как место казни, где стоит
С железной цепью столб позорный
И плаха с топором лежит!..

Для изображения порабощенного народа Никитин воспользовался образом прикованного и истекающего кровью сокола:

Сидит он уж тысячу лет,
Все нет ему воли, все нет!

Но эта песня не только печали, она и песня, зовущая к светлому простору лучшей жизни:

Летят в синеве облака,
А степь широка, широка...

Особенно революционно звучали стихи Никитина «Постыдно гибнет наше время!..», «Тяжкий крест несем мы, братья...», «Падет презренное тиранство...», впервые напечатанные лишь в 1906 году. Никитин писал о крепостнической Руси как о царстве «взяток и мундира», «скорби и цепей», как о стране, где гнет и застой, где «мысль убита, рот зажат». Чувство гнева против помещиков-крепостников сливалось в этих стихах с чувством непреклонной веры в освобождение труженика-народа:

Уж всходит солнце земледельца!
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...
(«Падет презренное тиранство...»)

Никитин хорошо знал, что в предстоящей борьбе за обновление родины большая роль будет принадлежать молодому поколению. «Да, читайте, учитесь, — говорил поэт, обращаясь к молодежи, — великое поприще ждет вас, великое и трудное» [8]. Те же мысли высказаны Никитиным в его стихотворении «Обличитель чужого разврата» (1860):

Перед нами — немые могилы,
Позади — одна горечь потерь...
На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь.

Глубокое раздумье Никитина о путях возрождения своей страны вызывало у него пристальное внимание к педагогической теме. В 1860 году Никитин заканчивает свое прозаическое произве-

[8] Из сообщений С. Н. Прядкина. Бесплатное приложение к газете «Воронежский телеграф», № 234. 1911, стр. 6—7.

дение «Дневник семинариста», где вопросы воспитания тесно связываются с вопросами формирования нового человека.

Талант Никитина не смог проявиться во всей своей полноте и силе. Он умер 16 октября (28 нов. ст.) 1861 года, 37 лет, в наиболее зрелую пору своей поэтической деятельности.

Поэт был похоронен на воронежском Новомитрофаньевском кладбище, рядом с могилой любимого им А. В. Кольцова. В 1911 году в Воронеже Никитину поставлен памятник.

*
* *

Никитин — поэт-реалист. Одним из его заветов являлось требование художественной правды. Осудив свои ранние подражательные стихи, он решительно обратился к той постылой современной ему действительности, где

И горе, и разгул, кровавый пот
трудов,
Порок и плач нужды, оборванной
и бледной...

Никитин сумел глубоко почувствовать всю безмерность народной скорби и выразить в своих стихах то, что было выстрадано, пережито им, что вошло в его сердце, о чем он не мог не сказать. Сочетая в себе горячую любовь к порабощенному и униженному в то время бесправному человеку с гневом к тем, кто был повинен в его страданиях, поэт мечтал о радостной и разумной поре.

Строки его лучших стихов были исполнены веры в человека-труженика и в будущее его развитие.

В Никитине — истинном патриоте своей родины — жила настоящая, глубокая любовь к русской земле. Страстное желание видеть ее свободной и могучей придало большую силу его обличениям «презренного» тиранства.

Родная земля нашла свое особенно яркое изображение в пейзажной лирике Никитина. Нари-

сованные им милые и близкие его сердцу картины природы принадлежат к лучшим образцам русской классической поэзии. Как хороша, например, степь в незаконченной поэме «Поездка на хутор». Ее не спутаешь ни с какой другой: это степь знакомого нам с детства края, со своими неповторимыми красками, звонкими, веселыми голосами:

Высоко, высоко в небе точка
дрожит,
Колокольчик веселый над степью
звенит.
В ковыле гудовень — и поют,
и жужжат,
Раздаются свистки, молоточки
стучат...

Никитин заставляет нас почти зрительно представить себе всю беспредельную ширь степей, которые как-то по особенному радостны, прозрачны и светлы:

Облака в синеве белым стадом
плывут,
Журавли в облаках перекличку
ведут.
Не видать ни души. Тонет в золоте
день,
Пробежать по траве ветру
сонному лень...
. . . .
На все стороны путь: ни лесочка,
ни гор!
Необъятная гладь! неоглядный
простор!

Столь же великолепны описания летнего вечера, вызывающие в нашей памяти дорогие нам места на земле, где мы родились и выросли. Живописность сочетается в этих стихах с не менее превосходным звуковым оформлением картин. В третьей, например, строфе стихотворения «Помнишь? — с алыми краями...», заметно окрашенной звуком «с», никитинский лиризм хорошо чувствуется в таких музыкальных выражениях:

При заре румяный колос
Сквозь дремоту улыбался;
Лес синел. Кукушки голос
В сонной чаще раздавался.

Никитин слышит, как «едва упадет насекомым подточенный лист», улавливает теплое дыхание ветерка. Достаточно вспомнить стихотворение «В чистом поле тень шагает...», чтобы убедиться в том красочном характере, какой носят в ряде никитинских стихов образы одухотворенной природы:

За курганом, за холмами,
Дым-туман стоит над нивой,
Свет мигает полосами,
Зорька тучек рукавами
Закрывается стыдливо.

Но едва ли не самым замечательным из стихотворений Никитина, живописующих природу, является его известное всем «Утро» («Звезды меркнут и гаснут...»). Впечатление от рассвета усиливается в этом стихотворении частым повторением гласной «а», на которую падает ударение:

Белый пар по лугам расстилается,
По зеркальной воде, по кудрям
лозняка
От зари алый свет разливается.

А когда мы читаем:

Дремлет чуткий камыш. Тишь —
безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо
тебе вдруг
С листьев брызнет роса
серебристая,—

то невольно ощущаем не только легкий шорох камышей и кустов («чуткий», «тишь», «чуть»), но и росную свежесть заливных лугов, и бодрящий предрассветный холодок:

Потянул ветерок, воду
морщит-рябит...

Никитину удается насытить свои стихи предельно выразительными образами. Отметим кстати, что художественное своеобразие поэта обнаруживается здесь также и в области рифмовки и строфики, мелодики и инструментовки стихов. В них громко звучит каждое слово:

А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички
песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.

При этом особенно важно подчеркнуть, что природа у Никитина во многих случаях тесно связана с человеком, его трудом и отдыхом. В степной дали тонет печальный напев ямщика. У дымящихся костров поют косари. На речном берегу слышится говор рыбаков. Вспомним стихотворение «Утро», где краски, образы рассвета сливаются с торжествующим пробуждением жизни:

Потянул ветерок, воду
морщит-рябит,
Пронеслись утки с шумом
и скрылися.
Далеко-далеко колокольчик
звенит.
Рыбаки в шалаше пробудилися...
. . . .
Едет пахарь с сохой, едет — песню
поет...

Художественное своеобразие Никитина проявилось и в тех пейзажных зарисовках, в которых красота живой природы составляет отчетливый контраст социальному неустройству того времени. Сколько, например, солнечного света и радости в широко известном стихотворении «Утро на берегу озера». Но здесь же и безмолвное переживание крестьянской девочки-сироты, раскрытое в точно найденных поэтом словах:

И слеза у ней дрожала
В глазках голубых.

Поэзия Никитина развивалась под непосредственным и сильным воздействием народного творчества. Еще в сравнительно ранних своих стихотворениях («Жена ямщика», «Зашумела, разгулялась в поле непогода...» и др.) Никитин осваивал мотивы и образы народных лирических песен. Но наибольший интерес поэта к устному творчеству падает на годы расцвета и зрелости его реализма. Дух и колорит подлинно народной поэзии особенно хорошо воспроизведены в «Песне бобыля», явившейся одним из ярких свидетельств художественного мастерства Никитина. Причем близость к народному творчеству проявилась здесь в чрезвычайно характерном для поэта влечении к народным пословицам и поговоркам («Ни кола, ни двора», «Гол как сокол»). При этом такие народные изречения, выражающие презрительно-негодующее отношение к грабителям народа, как, например, «Богачу-дураку и с казной не спится...», не могли не отвечать настроениям трудящихся масс. Столь же широкое признание получило его стихотворение «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», согретое искренним сочувствием к придавленному нищетой деревенскому люду.

Пользуясь живой народной речью, Никитин умело передает и повествование несчастной вдовы, и воспоминание одинокой матери, старухи-пряхи, дворового, ямщика, крестьянина, швец, бурлака. Иногда это веселая, бодрая речь, порой — печальный певучий рассказ. Язык этих стихов сохраняет особенности разговорной интонации и разговорного словаря. Обращаясь в поэме «Поездка на хутор» к народному языку, Никитин отбирает такие слова, которые наиболее точно рисуют невыносимо тяжкие условия жизни бесправного барского слуги («собакой жил», «как пес», «как щенок», «растянут, выдерут изрядно», «ошибся — в зубы» и т. п.). С такой же взволнованной речью удрученного бедняка мы встречаемся и в стихотворении «Полночь. Темно в горенке...» («Сын-ат... Сын-ат, батюшка... От холеры... да!»).

О скудости, бедности, нищете деревенской жиз-

ни, воспроизведенной в стихах Никитина, постоянно напоминают нам «избитые лаптишки», «дырявые рубашки», «закоптелые полати», «дымная лучина», ветхость тесных и темных избушек.

Новаторство Никитина ярче всего проступает в стихах эпического склада, представляющих собой отдельные сценки и зарисовки из быта крестьян или городских бедняков. Построенные в основном на устном народном сказе, в котором диалог персонажей становится ведущей формой развития действия, они вобрали в себя жизненные факты и явления того времени. Таковы почти полностью драматизированные стихотворения «Ночлег извозчиков», «Ссора», «Упрямый отец», «Последнее свидание», «Порча», «Мертвое тело», «Портной», «Хозяин» и многие другие. Все это позволило Никитину создать произведения не только о народе, но и для народа.

Идейно-художественные искания Никитина были направлены именно на решение поставленной им перед собой задачи служения искусством народу. Не случайно поэтому никитинские традиции нашли продолжение и дальнейшее развитие в ряде стихов многих поэтов-демократов. Отзвук поэтического голоса Никитина хорошо слышится в ряде стихотворений А. Плещеева, Д. Минаева, Л. Трефолева и П. Якубовича. Никитин был одним из учителей И. Сурикова и С. Дрожжина. Литературная преемственность, несомненно, наблюдается между Никитиным и С. Есениным.

О плодотворности и действенности никитинских традиций хорошо сказал М. В. Исаковский. «И. С. Никитин, — пишет он, — один из любимейших моих поэтов. Его стихи я узнал и полюбил еще будучи деревенским школьником. Многие из них я и сейчас помню наизусть. Я всегда буду душевно благодарен таланту Ивана Саввича за тот огромный поэтический клад, который он раскрыл передо мной еще в те далекие годы, когда я только начинал жить и понимать поэзию».

На слова Никитина создано свыше 60 романсов и песен («Встреча зимы» Н. А. Римского-Кор-

сакова, Р. М. Глиэра. «Песня бобыля» С. Монюшко, «Русь» Э. Ф. Направника и др.). Особенно хорошо известна песня поэта «На старом кургане, в широкой степи...», положенная на музыку В. С. Калинниковым. Слова этой песни о рвущемся на волю прикованном соколе завоевали горячую любовь в среде передовой молодежи и часто исполнялись ею наряду с революционными песнями. По воспоминаниям старейшей деятельницы Коммунистической партии М. М. Эссен, романс «На старом кургане...» был одним из любимых музыкальных произведений В. И. Ленина[9].

Никитин принадлежит к числу тех поэтов-демократов, произведения которых занимают большое и бесспорное место в духовной жизни нашего народа. Когда в 1918 году Народный комиссариат просвещения решил издать сочинения передовых русских писателей, то одним из первых было издано собрание сочинений Никитина. В том же году В. И. Ленин подписывает декрет об увековечении памяти великих деятелей революционного движения науки и искусства, и в списке лиц, которым было решено поставить монументы в Москве и в других городах РСФСР, значился и Никитин.

Поэзия Никитина и сегодня с нами, с нашим временем, что является неопровержимым свидетельством необыкновенной жизненности этого замечательного русского художника слова.

В. ТОНКОВ.

---

[9] Более подробно см. в кн.: И. С. Никитин. Статьи и материалы. 1962, стр. 242—243.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1849

ВЕСНА В СТЕПИ

Степь широкая,
Степь безлюдная,
Отчего ты так
Смотришь пасмурно?

Где краса твоя,
Зелень яркая,
На цветах роса
Изумрудная?

Где те дни, когда
С утра до ночи
Ты залетных птиц
Песни слушала,

Дорогим ковром
Расстилалася,
По зарям, сквозь сон,
Волновалася?

Когда в час ночной
Тайны чудные
Ветерок тебе
Шептал ласково,

Освежал твою
Грудь открытую,
Как дитя, тебя
Убаюкивал?..

А теперь лежишь
Мертвецом нагим;
Тишина вокруг,
Как на кладбище...

Пробудись! Пришла
Пора прежняя;
Уберись в цветы,
В бархат зелени;

Изукрась себя
Росы жемчугом;
Созови гостей
Весну праздновать.

Посмотри кругом:
Небо ясное
Голубым шатром
Пораскинулось,

Золотой венец
Солнца красного
Весь в огнях горит
Над дубравою,

Новой жизнию
Веет теплый день,
Ветерок на грудь
К тебе просится.

* * *

Тихо ночь ложится
На вершины гор,
И луна глядится
В зеркала озер;

Над глухою степью
В неизвестный путь
Бесконечной цепью
Облака плывут;

Над рекой широкой,
Сумраком покрыт,
В тишине глубокой
Лес густой стоит;

Светлые заливы
В камышах блестят,
Неподвижно ивы
На полях стоят;

Небо голубое
Весело глядит,
И село большое
Беззаботно спит.

Лишь во мраке ночи
Горе и разврат
Не смыкают очи,
В тишине не спят.

ТИШИНА НОЧИ

В глубине бездонной,
Полны чудных сил,
Идут миллионы
Вековых светил.

Тускло освещенный
Бледною луной,
Город утомленный
Смолк во тьме ночной.

Спит он, очарован
Чудной тишиной,
Будто заколдован
Властью неземной.

Лишь, объят дремотой,
Закричит порой
Сторож беззаботный
В улице пустой.

Кажется, мир сонный,
Полный сладких грез,
Отдохнул спокойно
От забот и слез.

Но взгляни: вот домик
Освещен огнем:
На столе покойник
Ждет могилы в нем.

Он, бедняк голодный,
Утешенья чужд,
Кончил век бесплодный
Тайной жертвой нужд.

Дочери не спится,
В уголке сидит...
И в глазах мутится,
И в ушах звенит.

Ночь минет — быть может,
Христа ради ей
Кто-нибудь поможет
Из чужих людей.

Может быть, как нищей,
Ей на гроб дадут,
В гробе на кладбище
Старика снесут...

И никто не знает,
Что в немой тоске
Сирота рыдает
В тесном уголке;

Что в нужде до срока,
Может быть, она
Жертвою порока
Умереть должна.

Мир засиул... н только
С неба вндит бог
Тайны жизни горькой
И людских тревог.

1850

ТАЙНОЕ ГОРЕ

Есть горе тайное: оно
Вниманья чуждого боится
И в глубине души одно,
Неизлечимое, таится.
Улыбку холодом мертвит,
Опор не ищет и не просит
И, если горе переносит,—
Молчанье гордое хранит.
Не всякому нужна пощада,
Не всяк наследовать готов
Удел иль нищих, иль рабов.
Участье — жалкая отрада.
К чему колени преклонять?
Свободным легче умирать.

1851

ЮГ И СЕВЕР

Есть сторона, где все благоухает;
Где ночь, как день безоблачный, сияет
Над зыбью вод и моря вечный шум
Таинственно оковывает ум;
Где в сумраке садов уединенных,
Сияющей луной осеребренных,
Подъемлется алмазною дугой
Фонтанный дождь над сочною травой;
Где статуи безмолвствуют угрюмо,
Объятые невыразимой думой;
Где говорят так много о былом
Развалины, покрытые плющом;
Где на коврах долины живописной
Ложится тень от рощ кипарисной;
Где все быстрей и зреет и цветет;
Где жизни пир беспечнее идет.

Но мне милей роскошной жизни Юга
Седой зимы полуночная вьюга,
Мороз и ветр, и грозный шум лесов,
Дремучий бор по скату берегов,
Простор степей и небо над степями
С громадой туч и яркими звездами.
Глядишь кругом — все сердцу говорит:
И деревень однообразный вид,
И городов обширные картины,
И снежные безлюдные равнины,
И удали размашистый разгул,
И русский дух, и русской песни гул.

То глубоко-беспечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой...
Глядишь вокруг — и на душе легко,
И зреет мысль так вольно, широко,
И сладко песнь в честь родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется,
И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! Здесь край моих отцов!»

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,

Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по́ морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,

Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было́,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.

И зловещий дым
От горевших сел

Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости на́веки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,

И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

1853

СТЕПНАЯ ДОРОГА

Спокойно небо голубое;
Одно в бездонной глубине
Сияет солнце золотое
Над степью в радужном огне;
Горячий ветер наклоняет
Траву волнистую к земле,
И даль в полупрозрачной мгле,
Как в млечном море, утопает;
И над душистою травой,
Палящим солнцем разреженный,
Струится воздух благовонный
Неосязаемой волной.
Гляжу кругом: все та ж картина,
Все тот же яркий колорит.
Вот слышу — тихо над равниной
Трель музыкальная звучит:
То — жаворонок одинокой,
Кружась в лазурной вышине,
Поет над степью широкой
О вольной жизни и весне.
И степь той песни переливам,
И безответна и пуста,
В забытьи внемлет молчаливом,
Как безмятежное дитя;
И, спрятавшись в коврах зеленых,
Цветов вдыхая аромат,
Мильоны легких насекомых

Неумолкаемо жужжат,
О степь! люблю твою равнину,
И чистый воздух, и простор,
Твою безлюдную пустыню,
Твоих ковров живой узор,
Твои высокие курганы,
И золотистый твой песок,
И перелетный ветерок,
И серебристые туманы...
Вот полдень... жарки небеса...
Иду один. Передо мною
Дороги пыльной полоса
Вдали раскинулась змеею.
Вот над оврагом, близ реки,
Цыгане табор свой разбили,
Кибитки вкруг постановили
И разложили огоньки;
Одни обед приготовляют
В котлах, наполненных водой;
Другие на траве густой
В тени кибиток отдыхают;
И тут же, смирно, с ними в ряд,
Их псы косматые лежат,
И с криком прыгает, смеется
Толпа оборванных детей
Вкруг загорелых матерей;
Вдали табун коней пасется...
Их миновал — и тот же вид
Вокруг меня и надо мною;
Лишь дикий коршун над травою
Порою в воздухе кружит,
И так же лентою широкой
Дорога длинная лежит,
И так же солнце одиноко
В прозрачной синеве горит.

Вот день стал гаснуть... вечереет...
Вот поднялись издалека
Грядою длинной облака,
В пожаре запад пламенеет,
Вся степь, как спящая краса,
Румянцем розовым покрылась,
И потемнели небеса,
И солнце тихо закатилось,
Густеет сумрак... ветерок
Пахнул прохладою ночною,
И над уснувшею землею
Зарницы вспыхнул огонек.
И величаво месяц полный
Из-за холмов далеких встал
И над равниною безмолвной,
Как чудный светоч, засиял...
О, как божественно-прекрасна
Картина ночи средь степи,
Когда торжественно и ясно
Горят небесные огни,
И степь, раскинувшись широко,
В тумане дремлет одиноко,
И только слышится вокруг
Необъяснимый жизни звук.
Брось посох, путник утомленный,
Тебе не надобно двора:
Здесь твой ночлег уединенный,
Здесь отдохнешь ты до утра;
Твоя постель — цветы живые,
Трава пахучая — ковер,
А эти своды голубые —
Твой раззолоченный шатер.

МЩЕНИЕ

Поднялась, шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется.

Ходят, плавают
Тучи по небу,
Ночь осенняя
Черней ворона.

В зипуне мужик
К дому барскому
Через сад густой
Тихо крадется.

Он идет, глядит
Во все стороны,
Про себя один
Молча думает:

«Вот теперь с тобой,
Барин-батюшка,
Мужик-лапотник
Посчитается;

Хорошо ты мне
Вчера вечером
Вплоть до плеч спустил
Кожу бедную.

Виноват я был,
Сам ты ведаешь:

Тебе дочь моя
Приглянулася.

Да отец ее —
Несговорчивый,
Не велит он ей
Слушать барина...

Знаю, ты у нас
Сам большой-старшой,
И судить-рядить
Тебя некому.

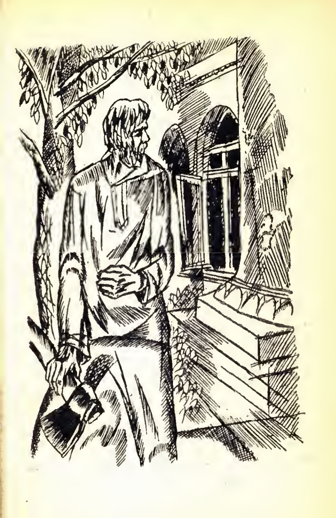
Так суди ж, господь,
Меня, грешника:
Не видать тебе
Мое детище!»

Подошел мужик
К дому барскому,
Тихо выломил
Раму старую,

Поднялся, вскочил
В спальню темную, —
Не вставать теперь
Утром барину...

На дворе шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется;

Через сад домой
Мужик крадется,

У него лицо
Словно белый снег.

Он дрожит как лист,
Озирается,
А господский дом
Загорается.

* * *

С суровой долею я рано подружился:
Не знал веселых дней, веселых игр не знал,
Мечтами детскими ни с кем я не делился,
Ни от кого речей разумных не слыхал.

Но все, что грязного есть в жизни самой бедной,—
И горе, и разгул, кровавый пот трудов,
Порок и плач нужды, оборванной и бледной,
Я видел вкруг себя с младенческих годов.

Мучительные дни с бессонными ночами,
Как много вас прошло без света и тепла!
Как вы мне памятны тоскою и слезами,
Потерями надежд, бессильем против зла!..

Но были у меня отрадные мгновенья,
Когда всю скорбь мою я в звуках изливал,
И знал я сердца мир и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почитал.

За дар свой в этот миг благодарил я бога,
Казался раем мне приют печальный мой,

Меж тем безумная и пьяная тревога,
Горячий спор и брань кипели за стеной...

Вдруг до толпы дошел напев мой вдохновенный,
Из сердца вырванный, родившийся в глуши,—
И чувства лучшие, вся жизнь моей души
Разоблачилися рукой непосвященной.

Я слышу над собой и приговор, и суд...
И стала песнь моя, песнь муки и восторга,
С людьми и с жизнию меня миривший труд,—
Предметом злых острот, и клеветы, и торга...

ПЕСНЯ

Зашумела, разгулялась
В поле непогода;
Принакрылась белым снегом
Гладкая дорога.

Белым снегом принакрылась,
Не осталось следу,
Поднялася пыль и вьюга,
Не видать и свету.

Да удалому детине
Буря не забота:
Он проложит путь-дорогу,
Лишь была б охота.

Не страшна глухая полночь,
Дальний путь и вьюга,

Если молодца в свой терем
Ждет краса-подруга.

Уж как встретит оиа гостя
Утренней зарею,
Обоймет его стыдливо
Белою рукою,

Опустивши ясиы очи,
Друга приголубит...
Вспыхнет он — и холод ночи,
И весь свет забудет.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Весело сияет
Месяц над селом;
Белый сиег сверкает
Сииим огоньком.

Месяца лучами
Божий храм облит;
Крест под облаками,
Как свеча, горит.

Пусто, одииоко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы заиесло.

Тишииа немая
В улицах пустых,

И не слышно лая
Псов сторожевых.

Помолясь богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжелый труд.

Лишь в одной избушке
Огонек горит:
Бедная старушка
Там больна лежит.

Думает-гадает
Про своих сирот:
Кто их приласкает,
Как она умрет.

Горемыки-детки,
Долго ли до бед!
Оба малолетки,
Разуму в них нет;

Как начнут шататься
По дворам чужим —
Мудрено ль связаться
С человеком злым!..

А уж тут дорога
Не к добру лежит:
Позабудут бога,
Потеряют стыд.

Господи, помилуй
Горемык-сирот!

Дай им разум-силу,
Будь ты им в оплот!..

И в лампадке медной
Теплится огонь,
Освещая бледно
Лик святых икон,

И черты старушки,
Полные забот,
И в углу избушки
Дремлющих сирот.

Вот петух бессонный
Где-то закричал;
Полночи спокойной
Долгий час настал.

И бог весть отколе
Песенник лихой
Вдруг промчался в поле
С тройкой удалой,

И в морозной дали
Тихо потонул
И напев печали,
И тоски разгул.

* * *

Не вини одинокую долю,
О судьбе по ночам не гадай,
Сберегай свою девичью волю,
Словно клад золотой, сберегай:

Уж недолго тебе оставаться
В красном тереме с няней родной,
На леса из окна любоваться,
Расцветать ненаглядной зарей;

Слушать песни подруг светлооких,
И по бархату золотом шить,
И беспечно в стенах одиноких
Беззаботною пташкою жить.

Отопрется твой терем дубовый,
И простится с тобою отец,
И, гордясь подвенечной обновой,
Ты пойдешь с женихом под венец;

Да не радость — желанную долю —
Ты найдешь на пороге чужом:
Грубый муж твою юную волю
Похоронит за крепким замком.

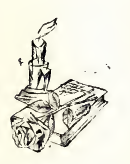
И ты будешь сносить терпеливо,
Когда злая старуха свекровь
Отвечать станет бранью ревнивой
На покорность твою и любовь;

Будешь глупой бояться золовки,
Пересуды соседей терпеть,
За работой сидеть без умолку
И от тайного горя худеть,

Слушать хмельного мужа укоры,
До рассвета его поджидать;
И забудешь ты песню, уборы,
Станешь злую судьбу проклинать;

И, здоровье в груди полумертвой
От бесплодной тоски погубя,
Преждевременной жалкою жертвой
В гроб дощатый положишь себя.

И никто со слезой и молитвой
На могилу к тебе не придет,
И дорогу к могиле забытой
Густым снегом метель занесет.

1854

ССОРА

«Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться!
Промотал хомуты, промотал лошадей,—
Верно, по миру хочешь таскаться?
Ведь и так от соседей мне нету житья,
Показаться на улицу стыдно;
Словно в трубы трубят: что, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?
А ты думаешь: где же опричь ему быть,
Чай, опять загулял с бурлаками...
И сердечко в груди закипит, закипит,
И, вздохнувши, зальешься слезами».—

«Не дурачь ты меня, — муж жене отвечал,—
Я не первый денек тебя знаю,
Да по чьей же я милости пьяницей стал
И теперь ни за что пропадаю?
Не вино с бурлаками — я кровь свою пью,
Ею горе мое заливаю,
Да за чаркой тебя проклинаю, змею.
И тебя, и себя проклинаю!
Ах ты, время мое, золотая пора,
Не видать уж тебя, верно, боле!
Как, бывало, с зарей, на телегах с двора
Едешь рожь убирать в свое поле:
Сбруя вся на заказ, кони — любо взглянуть,
Словно звери, из упряжи рвутся;

Не успеешь, бывало, вожжой шевельнуть —
Уж голубчики вихрем несутся.
Пашешь — песню поешь, косишь — устали нет;
Придет праздник — помолишься богу,
По деревне идешь — и почет, и привет,
Старики уступают дорогу!
А теперь... Одного я вот в толк не возьму:
В закромах у нас чисто и пусто;
Иную пору и нету соломы в дому,
В кошеле и подавно не густо;
На тебя ж поглядишь — что откуда идет:
Что ни праздник — иная обновка;
Оно, может, тебе и господь подает,
Да не верится... что-то неловко!..» —

«Не велишь ли ты мне в старых тряпках ходить?—
Покрасневши, жена отвечала.—
Кажись, было на что мне обновки купить,—
Я ведь целую зимушку пряла.
Вот тебе-то, неряхе, великая честь!
Вишь, он речи какие заводит:
Самому же лаптишек не хочется сплесть,
А зипун-то онучи не стоит». —

«Поистерся немного: не всем щеголять;
Бедняку что бог дал, то и ладно.
А ты любишь гостей-то по платью встречать,
Сосед ходит недаром нарядно».—
«Ах, родные мои, — закричала жена,—
Уж и гостя приветить нет воли!
Ну, хорош муженек, хороши времена:
Не води с людьми хлеба и соли!
Да вот на-ка тебе! Не по-твоему быть!
Я не больно тебя испугалась!
Таки будет сосед ко мне в гости ходить,

Чтоб сердечко твое надрывалось!» —
«Коли так, ну и так! — муж жене отвечал,—
Мне тебя переучивать поздно;
Уж и то я греха много на душу взял,
А соседа попробовать можно...
Перестанем кричать! Собери-ка поесть:
Я и то другой день без обеда,
Дай хоть хлеба ломоть, да влей щей, коли есть,
Молоко-то оставь для соседа». —

«Да вот хлеба-то я не успела испечь! —
Жена, с лавки вскочивши, сказала.—
Коли хочешь поесть, почини прежде печь...» —
И на печку она указала.

Муж ни слова на это жене не оказал;
Взял зипун свой и шапку с постели,
Постоял у окна, головой покачал
И пошел, куда очи глядели.
Только он из ворот, сосед вот он — идет,
Шляпа набок, халат нараспашку,
От конєвьих сапог чистым дегтем несет,
И застегнута лентой рубашка.

«Будь здоров, Пантелей! Что повесил, брат, нос?
Аль запала в головушку дума?» —
«Видишь, бойкий какой! А ты что мне за спрос?»—
Пантелей ему молвил угрюмо.
«Что так больно сердит! знать, болит голова,
Или просто некстати зазнался?..»
Пантелей второпях засучал рукава,
Исподлобья кругом озирался.
«Эх, была не была! Ну, держися, дружок!» —
И мужик во всю мочь развернулся
Да как хватит соседа с размаху в висок,

И не охнул — бедняк протянулся.
Ввечеру Пантелей уж сидел в кабаке
И, слегка подгульнув с бурлаками,
Крепко руку свою прислонивши к щеке,
Песню пел, заливаясь слезами.

ЖЕНА ЯМЩИКА

Жгуч мороз трескучий,
На дворе темно;
Серебристый иней
Запушил окно.

Тяжело и скучно,
Тишина в избе;
Только ветер воет
Жалобно в трубе.

И горит лучина,
Издавая треск,
На полати, стены
Разливая блеск.

Дремлет подле печки,
Прислонясь к стене,
Мальчуган курчавый
В старом зипуне.

Слабо освещает
Бледный огонек
Детскую головку
И румянец щек.

Тень его головки
На стене лежит;
На скамье за прялкой
Мать его сидит.

Ей недаром снился
Страшный сон вчера:
Вся душа изныла
С раннего утра.

Пятая неделя
Вот к концу идет,
Муж что в воду канул —
Весточки не шлет.

«Ну, господь помилуй,
Если с мужиком
Грех какой случился
На пути глухом!..

Дело мое бабье,
Целый век больна,
Что я буду делать
Одиной-одна!

Сын еще ребенок,
Скоро ль подрастет?
Бедный!.. все гостинца
От отца он ждет!..»

И глядит на сына
Горемыка-мать.
«Ты бы лег, касатик,
Перестань дремать!» —

«А зачем же, мама,
Ты сама не спишь,
И вечор все пряла,
И теперь сидишь?»

«Ох, мой ненаглядный,
Прясть-то нет уж сил:
Что-то так мне грустно,
Божий свет не мил!» —

«Полно плакать, мама!» —
Мальчуган сказал
И к плечу родимой
Головой припал.

«Я не стану плакать;
Ляг, усни, дружок;
Я тебе соломки
Принесу снопок,

Постелю постельку,
А господь пошлет —
Твой отец гостинец
Скоро привезет;

Новые салазки
Сделает опять,
Будет в них сыночка
По двору катать...»

И дитя забылось.
Ночь длинна, длинна...
Мерно раздается
Звук веретена.

Дымная лучина
Чуть в светце горит,
Только вьюга как-то
Жалобней шумит.

Мнится, будто стоит
Кто-то у крыльца,
Словно провожают
С плачем мертвеца...

И на память пряхе
Молодость пришла,
Вот и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Села на лежанку
И на дочь глядит:
«Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, — говорит, —

Где тебе, голубке,
Замужем-то жить,
Труд порой рабочей
В поле выносить!

И в кого родилась
Ты с таким лицом?
Старшие-то сестры
Кровь ведь с молоком!

И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да зато им — шутка
Молотить и жать.

А тебя за разум
Хвалит вся семья,
Да любить-то... любит
Только мать твоя».

Вот в сенях избушки
Кто-то застучал.
«Батюшка приехал!» —
Мальчуган сказал.

И вскочил с постели,
Щечки ярче роз.
«Батюшка приехал,
Калачей привез!..»

«Вишь мороз как крепко
Дверь-то прихватил!» —
Грубо гость знакомый
Вдруг заговорил...

И мужик плечистый
Сильно дверь рванул,
На пороге с шапки
Иней отряхнул,

Осенил три раза
Грудь свою крестом,
Почесал затылок
И сказал потом:

«Здравствуешь, соседка!
Как живешь, мой свет?..
Экая погодка,
В поле следу нет!

Ну, не с доброй вестью
Я к тебе пришел:
Я лошадок ваших
Из Москвы привел» —

«А мой муж?» — спросила
Ямщика жена,
И белее снега
Сделалась она.

«Да в Москву приехав,
Вдруг он захворал,
И господь бедняге
По душу послал».

Весть, как гром, упала...
И, едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова.

Опустив ручонки,
Сын дрожал как лист...
За стеной избушки
Был и плач, и свист...

«Вишь, какая притча! —
Рассуждал мужик. —
Верно, я не в пору
Развязал язык.

А ведь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По миру ходить...»

«Полно горевать-то, —
Он вдове сказал, —
Стало, неча делать,
Бог, знать, наказал!

Ну, прощай покуда,
Мне домой пора;
Лошади-то ваши
Тут вот, у двора.

Да!.. ведь эка память,
Все стал забывать:
Вот отец сынишке
Крест велел отдать.

Сам он через силу
С шеи его снял,
В грамотке мне отдал
В руки и сказал:

«Вот благословенье
Сыну моему;
Пусть не забывает
Мать, скажи ему».

А тебя-то, видно,
Крепко он любил:
По смерть твое имя,
Бедный, он твердил».

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Ясно утро. Тихо веет
Теплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет,
В зареве восток.

Окаймленное кустами
Молодых ракит,
Разноцветными огнями
Озеро блестит.

Тишине и солнцу радо,
По равнине вод
Лебедей ручное стадо
Медленно плывет;

Вот один взмахнул лениво
Крыльями — и вдруг
Влага брызнула игриво
Жемчугом вокруг.

Привязав к ракитам лодку,
Мужички вдвоем,
Близ осоки, втихомолку,
Тянут сеть с трудом.

По траве, в рубашках белых,
Скачут босиком
Два мальчишки загорелых
На прутах верхом.

Крупный пот с них градом льется,
И лицо горит;
Звучно смех их раздается,
Голосок звенит.

«Ну, катай наперегонки!»
А на шалунов
С тайной завистью девчонка
Смотрит из кустов.

«Тянут, тянут! — закричали
Ребятишки вдруг.—
Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щук».

Вот на береге отлогом
Показалась сеть.
«Ну, вытряхивай-ка, с богом —
Нечего глядеть!» —

Так сказал старик высокий,
Весь как лунь седой,
С грудью выпукло-широкой,
С длинной бородой.

Сеть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песке затрепетали
Окуни, линьки.

Дети весело шумели:
«Будет на денек!»
И на корточки присели
Рыбу класть в мешок.

«Ты, подкидыш, к нам откуда?
Не зови — придет...
Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь — так вот!..»

И подкидыша мальчишка
Оттолкнул рукой.
«Ну, за что ее ты, Мишка?» —
Упрекнул другой.

«Экий малый уродился,—
Говорил старик,—
Все б дрался он да бранился,
Экий озорник!» —

«Ты бы внука-то маленько
За вихор подрал:
Он взял волю-то раненько!» —
Свату сват сказал.

«Эх!.. девчонка надоела...
Сам я, знаешь, голь,
Тут подкидыша, без дела,
Одевать изволь.

Хлеб, смотри, вот вздорожает,—
Ты чужих корми;
А ведь мать небось гуляет,
Прах ее возьми!» —

«Потерпи,— чай, не забудет
За добро господь!
Ведь она работать будет,
Бог даст, подрастет».—

«Так-то так... вестимо, надо
К делу приучить;
Да теперь берет досада
Без толку кормить.

И девчонка-то больная,
Сохнет, как трава,
Да все плачет... дрянь такая!
А на грех жива!»

Мужички потолковали
И в село пошли;
Вслед мальчишки побежали,
Рыбу понесли;

А девчонка провожала
Грустным взглядом их,
И слеза у ней дрожала
В глазках голубых.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Помню я вечор весенний,
Розовый блеск облаков,
Запах душистой сирени,
Светлые стекла прудов,

Яблонь расцветших вершины,
Группы черемух и лип
И, вдоль широкой равнины,
Сада причудливый вид.

Помню: близ липы склоненной,
В платьице белом своем,
Ты на скамейке зеленой
Рядом сидела с отцом;

Ярким пурпуровым блеском
Солнца вас луч обливал,
И на лице твоем детском
Нежный румянец играл.

Помню твой смех серебристый.
Звонкий, живой голосок,
Ямочки щек и душистый,
Свежий по кудрям венок.

Как в эту пору сияла
Радость в очах у тебя!
Что за миры создавала
В будущем ты для себя!..

Дни и года миновали;
Детство твое протекло.
Вдруг ты узнала печали,
Слезы и бедности зло.

Из дому вас беспощадно
Выгнал за долг ростовщик;
С горя, в тоске безотрадной,
Умер отец твой старик.

Стала ты жить сиротою,
Горечь забот узнавать,
Молча, под кровлей чужою,
Ночи одна работать.

Так я расстался с тобою...
Но через год, при реке,
Встретилась снова со мною
Ты в небольшом городке.

День уж к закату склонялся;
Шумом разлившихся вод,
Берег покрыв, любовался
Праздный, беспечный народ.

Помню: в роскошном наряде
Рядом с мужчиной ты шла;
Тайная злость в твоем взгляде
Слишком заметна была.

Помню: в толпе разнородной
Ты замечала не раз
Отзыв насмешки холодной,
Звуки двусмысленных фраз.

И на лице твоем грустном
Вдруг выступала тогда,
Горьким рожденная чувством,
Яркая краска стыда.

Было сознаться мне больно,
Кто с тобой рядом идет,
И я подумал невольно,
Чтó впереди тебя ждет.

БУРЛАК

Эх, приятель, и ты, видно, горе видал,
Коли плачешь от песни веселой!
Нет, послушай-ка ты, что вот я испытал,
Так узнаешь о жизни тяжелой!

Девятнадцати лет, после смерти отца,
Я остался один сиротою;
Дочь соседа любила меня, молодца,
Я женился и зажил с женою!
Словно счастье на двор мне она принесла,—
Да бог царство небесное бедной! —
Уж такая-то, братец, хозяйка была,
Дорожила полушкою медной!
В зимний вечер, бывало, лучину зажжет
И прядет себе, глаз не смыкает;
Петухи пропоют — ну, тогда отдохнет
И приляжет; а чуть рассветает —
Уж она на ногах: поглядишь,— побежит
И овцам, и коровам даст корму,
Печь истопит и снова за прялкой сидит,
Или что прибирает по дому.
Летом рожь станет жать иль снопы подавать
С земли на́ воз, — и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: «Не пора ль отдыхать?»—
«Ничего, говорит, не устала».
Иногда ей случится обновку купить
Для утехи, так скажет: «Напрасно:
Мы без этого будем друг друга любить,
Что ты тратишься, сокол мой ясный!»
Как в раю с нею жил!.. Да не нам, верно, знать,
Где и как нас кручина застанет!
Улеглася жена в землю на́веки спать...

Вспомнишь — жизнь не мила тебе станет!
Вся надежда была,— словно вылитый в мать,
Темно-русый красавец-сынишка.
По складам уж псалтырь было начал читать...
Думал: «Выйдет мой в люди мальчишка!»
Да не то ему бог на роду написал:
Заболел от чего-то весною,—
Я и бабок к нему, знахарей призывал,
И поил наговорной водою,
Обещался рублевую свечку купить,
Пред иконою в церкви поставить,—
Не услышал господь... и пришлось положить
Сына в гроб, на кладбище отправить...
Было горько мне, друг, в эти черные дни!
Опустились совсем мои руки!
Стали хлеб убирать, — в поле песни, огни,
А я сохну от горя и скуки!
Снега первого ждал: я продам, мол, вот рожь,
Справлю сани, извозничать буду, —
Вдруг, беда за бедой,— на скотину падеж...
Чай, по гроб этот год не забуду!
Кой-как зиму провел; вижу, честь мне не та —
То на сходке иной посмеется:
«Дескать, всякая вот что ни есть мелкота
Тоже в дело мирское суется!»
То бранят за глаза: «Не с его-де умом
Жить в нужде: видишь, как он ленится;
Нет, по-нашему так: коли быть молодцом,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумил меня людской смех, разговор:
Видно, бог свою помочь мне подал!
Запросилась душа на широкий простор...
Взял я паспорт; подушное отдал...
И пошел в бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синие волны!..

Коли отдых придет — на крутом бережку
Разведешь огонек в вечер темный,
Из товарищей песню один заведет,
Те подхватят — и вмиг встрепенешься,
С головы и до ног жар и холод пойдет,
Слезы сдержишь — и сам тут зальешься!
Непогода ль случится и вдруг посетит
Мою душу забытое горе —
Есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит
И про волю поет на просторе;
Ретивое забьется, и вспыхнешь огнем!
Осень, холод — не надобна шуба!
Сядешь в лодку — гуляй! Размахнешься веслом,
Силой с бурей померяться любо!
И летишь по волнам, только брызги кругом...
Крикнешь: «Ну, теперь божия воля!
Коли жить — будем жить, умереть — так умрем!»
И в душе словно не было горя!

* * *

Полно, степь моя, спать беспробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнет скатерть дорожки безлюдной,
Снег пропал,— и тепло и светло.

Пробудись и умойся росою,
В ненаглядной красе покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Как невеста, в цветы нарядись.

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,

В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

Белоснежные тучки толпами
В синеве, на просторе, плывут,
По груди у тебя полосами,
Друг за дружкою, тени бегут.

Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнезд понавьют,— посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской от зари до зари.

Там уж лето... ложись под косою,
Ковыль белый, в угоду косцам!
Подымайся, копна за копною!
Распевайте, косцы, по ночам!

И тогда, при мерцанье румяном
Ясных зорек в прохладные дни,
Отдохни, моя степь, под туманом,
Беззаботно и крепко усни.

* * *

Подула непогодушка с родной моей сторонушки,—
Пришла от милой грамотка, слезами вся облитая;
Назад она прислала мне кольцо мое заветное.
Сгубили ненаглядную, сгубили — замуж выдали!
Лежит она в чужом дому, в постели жесткой
при смерти,
Кладет вину и жалобу на мужа да на мачеху...

Гори огнем, добро мое! прощай, родная матушка!
Не долго быть мне, молодцу, твоей подпорой крепкою.
Уж что за день без солнышка, а жизнь без друга милого!

БОБЫЛЬ

Посвящается Н. В. Кукольнику

Дай взгляну веселей:
Дума не помога.
Для меня ль, бобыля,
Всюду не дорога!

Без избы — я пригрет,
Сокол — без наряда,
Без казны — мне почет,
Умирать не надо!

В чистом поле идешь —
Ветерок встречает,
Забегает вперед,
Стежки подметает.

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны;
Ляжешь спать — под тобой
Постлан шелк зеленый;

Звезды смотрят в глаза;
Белый день настанет —

Умывает роса,
Солнышко румянит.

На людей поглядишь —
Право, смех и горе!
Целый век им труды
На дворе и в поле.

А тут вот молодец:
За сохой не ходит —
Да привет, и хлеб-соль,
И приют находит.

Ну, а нечего есть —
Стянешь пояс крепче,
Волосами тряхнешь —
Вот оно и легче.

А не то — к богачам:
Им работник нужен;
Помолотишь денек —
Вот тебе и ужин.

Уж зато, коли есть
Зипунишка новый,
На ногах сапоги,
В кошельке целковый —

И раздумье прошло,
И тоска пропала;
Сторонись, богачи:
Бедность загуляла!

Как взойдешь в хоровод
Да начнешь там пляску,

При вечерней заре,
С присвистом вприсядку, —

Бабы, девки глядят,
Стукают котами,
Парни нехотя в лад
Шевелят плечами.

Вот на старости лет
Кто-то меня вспомнит,—
Приглядит за больным,
Мертвого схоронит?

Да бобыль-сирота
Ничего не просит;
Над могилой его
Буря поголосит.

Окропит ее дождь
Чистою слезою,
Принакроет весна
Шелковой травою.

РАССКАЗ ЯМЩИКА

Век жить — увидишь и худо порою.
Жаль, что вот темно, а то из окна
Я показал бы тебе: за рекою
Есть у нас тут деревенька одна.
Там живет барин. Господь его знает,
Этакой умница, братец ты мой,
Ну, а теперь ни за что пропадает.
Раз он немножко размолвил с женой:

Барыня сделала что-то не ладно,—
Муж сгоряча-то ее побранил.
Правду сказать, ведь оно и досадно:
Он без ума ее, слышно, любил.
Та — дело барское, знаешь, обидно —
К матушке нежной отправилась в дом
Да сиротою прикинулась, видно,—
С год и жила со старухой вдвоем.
Только и тут она что-то... да это
Дело не наше, я сам не видал...
Барин-ат сох; иногда до рассвета
С горя и глаз, говорят, не смыкал.
Все, вишь, грустил да жены дожидался,
Ей поклониться он сам не хотел;
Ну, а потом в путь-дорогу собрался,
Нанял меня и к жене полетел.
Как помирился он с нею, не знаю,
Барыня что-то сердита была...
Сам-ат я, братец ты мой, помекаю —
Мать поневоле ее прогнала.
Вот мы поехали. Вижу — ласкает
Барин жену: то в глаза ей глядит,
То, знаешь, ноги ковром укрывает,
То этак ласково с ней говорит,—
Ну, а жена пожимает плечами,
В сторону смотрит — ни слова в ответ...
Он и пристал к ней почти со слезами:
«Или в тебе и души, дескать, нет?
Я, дескать, все забываю, прощаю...
Так же люблю тебя, милый мой друг...»
Тут она молвила что-то — не знаю,
И покатилася со смеху вдруг...
Барин притих. Уж и зло ж меня взяло!
Я как хвачу коренного кнутом...
После одумался — совестно стало:

Тройка шла на гору, шла-то с трудом:
Конь головой обернулся немного,
Этак глядит на меня, все глядит...
«Ну, мол, ступай уж своею дорогой.
Грех мой на барыне, видно, лежит...»
Вот мы... о чем, бишь, я речь вел сначала?
Да,— я сказал, что тут барин притих.
Вот мы и едем. Уж ночь наступала.
Я приударил лошадок лихих.
Въехали в город... Эхма! Забываю,
Чей это двор, где коней я кормил!
Двор-то мощеный... постой, вспоминаю...
Нет, провались он, совсем позабыл!
Ну, ночевали. Заря занималась...
Барин проснулся — глядь: барыни нет!
Кинулись шарить-искать, — не сыскалась;
Только нашли у ворот один след,—
Кто-то, знать, был с подрезными санями...
Мы тут в погоню... Уж день рассветал;
Верст этак семь пролетели полями —
След неизвестно куда и пропал.
Мы завернули в село, да в другое —
Нет нигде слуху; а барин сидит,
Руки ломает. Лицо-то больное,
Сам-ат озяб; словно лист весь дрожит...
Что мне с ним делать? Проехал немного
И говорю ему: «Следу, мол, нет;
Этой вот, что ли, держать нам дорогой?»
Он и понес чепуху мне в ответ.
Сердце мое облилось тогда кровью!
«Эх, погубил, мол, сердечный ты мой,
Жизнь и здоровье горячей любовью!»
Ну и привез его к ночи домой.
Жаль горемычного! Вчуже сгрустнется:
В год он согнулся и весь поседел.

Нынче над ним уж и дворня смеется:
«Барин-ат наш, мол, совсем одурел...»
Дивно мне! Как он жену не забудет!
Нет, вот, поди! коротает свой век!
Хлеба не ест, все по ней, вишь, тоскует...
Этакой, братец ты мой, человек!

УТРО

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылися.
Далеко, далеко колокольчик звенит,
Рыбаки в шалаше пробудилися,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Поутру вчера дождь
В стекла окон стучал,
Над землею туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чем,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух легок и чист,
И замерзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнем.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под черных кудрей,

Словно рад он чему,—
И на ветках берез,

Как алмазы, горят
Капли сдержанных слез.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас,—
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

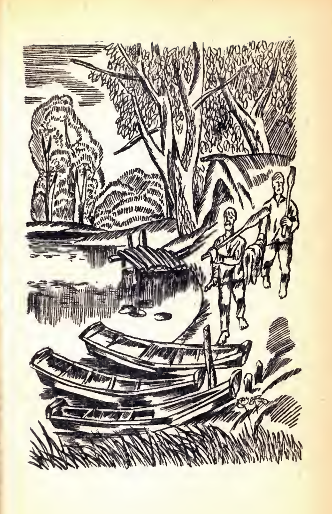
Нам не стать привыкать,—
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

Искони уж таков
Православный народ:
Летом, смотришь, жара —
В полушубке идет;

Жгучий холод пахнул —
Все равно для него:
По колени в снегу,
Говорит: «Ничего!»

В чистом поле метель
И крутит, и мутит,—
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит:

«Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!»

Сам сидит и поет:
«Не белы-то снежки!..»

Да и нам ли подчас
Смерть не встретить шутя,
Если к бурям у нас
Привыкает дитя?

Когда мать в колыбель
На ночь сына кладет,
Под окном для него
Песни вьюга поет.

И разгул непогод
С ранних лет ему люб,
И растет богатырь,
Что под бурями дуб.

Рассыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полям
Нашей Руси святой!

И случится ли, к нам
Гость незваный придет
И за наше добро
С нами спор заведет —

Уж прими ты его
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песню пропой;

Для постели ему
Белый пух припаси
И метелью засыпь
Его след на Руси!

* * *

Воздадим хвалу
Русской земле.
(Сказание о Мамаевом
побоище).

Уж как был молодец —
Илья Муромец,
Сидел сиднем Илья
Ровно тридцать лет,

На тугой лук стрелы
Не накладывал,
Богатырской руки
Не показывал.

Как проведал он тут,
Долго сидючи,
О лихом Соловье,
О разбойнике,

Снарядил в путь коня:
Его первый скок —
Был пять верст, а другой —
Пропал из виду.

По коню был седок,—
К князю в Киев-град
Он привез Соловья
В тороках живьем.

Вот таков-то народ
Руси-матушки!

Он без нужды не вдруг
С места тронется;

Не привык богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удальством,
Умом-разумом.

Уж зато кто на брань
Сам напросится,
За живое его
Тронет не в пору, —

Прочь раздумье и лень!
После отдыха
Он, как буря, встает
Против недруга!

И поднимется клич
С отголосками,
Словно гром загремит
С перекатами.

И за тысячи верст
Люд откликнется,
И пойдет по Руси
Гул без умолку.

Тогда все трын-трава
Бойцу смелому:
На куски его режь,—
Не поморщится.

Эх, родимая мать,
Русь-кормилица!

Не пришлось тебе зиать
Неги-роскоши!

Под грозой ты росла
Да под вьюгами,
Буйиый ветер тебя
Убаюкивал,

Умывал белый сиег
Лицо полиое,
Холод щеки твои
Подрумянивал.

Миого видела ты
Нужды смолоду,
Часто с злыми людьми
На смерть билася.

То ие служба была,
Только службишка;
Вот теперь сослужи
Службу крепкую.

Видишь: тучи иесут
Гром и молиию,
При морях города
Загораются.

Все друзья твои врозь
Порассыпались,
Ты одна под грозой...
Стой, Русь-матушка!

Не дадут тебе пасть
Дети-соколы.

Встань, послушай их клич
Да порадуйся...

«Для тебя — все добро,
Платье ценное
Наших жен, кровь и жизнь —
Все для матери».

Пронесет бог грозу,
Взглянет солнышко,
Шире прежнего, Русь,
Ты раздвинешься!

Будет имя твое
Людям памятно,
Пока миру стоять
Богом сужено.

И уж много могил
Наших недругов
Порастет на Руси
Травой дикою!

ВНЕЗАПНОЕ ГОРЕ

Вот и осень пришла. Убран хлеб золотой,
Все гумно у соседа завалено...
У меня только смотрит оно сиротой,—
Ничего-то на нем не поставлено!

А уж и ль свою силу для пашни жалел,
Был ленив за любимой работою,

Иль как надо удобрить ее не умел,
Или начал посев не с охотою?

А уж я ли кормилице — теплой весне —
Не был рад и обычая старого
Не держался — для гостьи с людьми наравне
Не затеплил свечу воску ярого!..

День и ночь все я думал: авось, мол, дождусь!
Стану осенью рожь обмолачивать,—
Все, глядишь, на одежду детишкам собьюсь
И оброк буду в пору уплачивать.

Не дозрела моя колосистая рожь,
Крупным градом до корня побитая!..
Уж когда же ты, радость, на двор мой войдешь?
Ох, беда ты моя непокрытая!

Посидят, верно, детки без хлеба зимой,
Без одежды натерпятся холоду...
Привыкайте, родимые, к доле худой!
Закаляйтесь в кручинушке смолоду!

Всем не стать пировать... К горьким горе идет,
С ними всюду как друг уживается,
С ними сеет и жнет, с ними песни поет,
Когда грудь по частям разрывается!..

РАССКАЗ КРЕСТЬЯНКИ

Ох, много, мои матушки,
И слез я пролила,
И знала горя горького,
И нужд перенесла!

Тут бог послал безвременье —
Овин у нас сгорел,
Тут, эдак через полгода,
Вдруг муж мой заболел.

Пора была рабочая —
И кинуть жаль его,
И в поле-то не убрано,
Как надо, ничего,

А там детишки малые,—
Хлопочешь день-деньской,
Разломит все суставчики
Ночною-то порой.

Раз в поле я работаю —
Жара, терпеть невмочь,
Напиться-то мне нечего...
Пока настала ночь,

Уж так я утомилася —
Не подыму руки.
Щемит мое сердечушко
И ноет от тоски.

Ох, ну-ка, мол, проведаю
Больного я пойду;
Пришла, а он, касатик мой,
Уж мечется в бреду.

Теленок был на привязи —
Покромку оборвал
И всю солому кой-куда
В избе поразбрыкал.

Сынишка перепуганный
Сидит, кричит в углу,
А дочь грудная ползает
И плачет на полу.

Я на нее как глянула —
Едва не обмерла!
Взяла бедняжку на руки
Да к мужу подошла.

«Васильевич! Васильевич!
Опомнись, мол, на час.
Уж на кого, родименький,
Ты покидаешь нас?»

Он застонал, голубчик мой,
Рукой вот так махнул,
Сказал: «На волю божию» —
Да на́век и уснул.

Осталася с детишками
Одна я одиной...
Покрылся без хозяина
Широкий двор травой.

Пришла зима с морозами —
А я без дров сижу,
Не знаю себе отдыха,
Горюю и тужу.

Тут дети просят хлебушка,
Покою не дают,
Там лошади голодные
Стоят и корма ждут;

То надо печь соломою
Топить и щи варить;
То за водою на реку
С ведерками сходить;

То снег самой откидывать
Лопатой от ворот,—
Денек-ат как промаешься,
Еда на ум нейдет.

Детишки, мои ягодки,
Сиротками глядят,
Общипаны, оборваны,
Худеют да болят.

Смотрю на них и думаю:
«Уж чем их я вскормлю?»
И думу свою крепкую
И сплю-то не засплю...

Вдруг за меня посватался
Зажиточный мужик;
Такой, господь с ним, взбалмошный,
Причудливый старик,

Всегда с женою ссорился,
А бабу грех корить —
Она была разумная,
Умела домом жить.

И был он мне не по сердцу,
А вышла за него;
Теперь глаза и колет мне
Семья-то вся его.

«Что вот-де иавязалася
Какая-то с детьми,
Сама родила, иянчила,
Сама их и корми!»

Да благо, что сиротки-то
Пригреты у меия,
А о себе-то, матушки,
Уж ие забочусь я.

1855

УЛИЧНАЯ ВСТРЕЧА

Словно безлюдный, спокоен весь город.
Солнце чуть видно сквозь сеть облаков.
Пусто на улице. Утренний холод
Вывел узоры на стеклах домов.
Крыши повсюду покрыты коврами
Мягкого снега; из труб там и сям
Дым подымается кверху столбами,
Вьется, редеет, подобно клочкам
Тучек прозрачных,— и вдаль улетает...
Скучная улица! Верно, народ
Здесь неохотно дворы покидает...
Вот только баба, согнувшись, несет
Гробик под мышкою... Вот и другая
Встретилась с нею, поклон отдала,
Кланяясь, молвила: «Здравствуй, родная!»
Остановилась и речь повела:

«Кому же этот гробик-то
Ты, мать моя, взяла,
Сыночек, что ли, кончился
Иль дочка умерла?» —

«Сынка, моя голубушка,
Сбираюсь хоронить;
Да вот насилу сбилася
И гробик-то купить.

А уж свечей и ладану
Не знаю, где и взять...
Есть старый самоваришко,
Хочу в заклад отдать.

Муж болен. Вот три месяца
Лежит все на печи,
Просить на бедность — совестно,
Хоть голосом кричи!» —

«И, мать! и я стыдилася
Просить в твои года...
Глупа была, уж что таить,
Глупа да и горда.

Теперь привыкла, горя нет;
Придешь в знакомый дом,
Поплачешь да поклонишься,
Расскажешь обо всем:

Вдова, мол, я несчастная...
Глядишь — присесть велят,
Дадут какое платьишко
И к чаю пригласят.

Другое дело, мать моя,
Под окнами ходить,—
Вестимо, это совестно,
Уж надо нищей быть.

А примут тебя в комнате,—
Какой же тут порок?..
Ты, кажется, кручинишься,
Что помер твой сынок?» —

«Ох, я ведь с ним заботушки
Немало приняла!..
Кормить его, по немочи,
Я грудью не могла.

Поутру жидкой кашицы
Вольешь ему в рожок,
Сосет ее он, бедненький,
Да тем и сыт денек.

Тут, знаешь, у нас горенка
Зимой-то что ледник,—
Чуть сонный он размечется,
Ну и подымет крик...

И весь дрожит от холода...
Начнешь ему дышать
На красные ручонки-то,
Ну и заснет опять».—

«И плакать тебе нечего,
Что бог его прибрал...
Он, мать моя, я думаю,
Недолго похворал?» —

«С неделю, друг мой, маялся
И не брал в рот рожка;
Бывало, только капельку
Проглотит молока.

Вчера, моя голубушка,
Ласкаю я его,
Глядь — слезки навернулися
На глазках у него,

Как будто жизнь безгрешную
Он кинуть не хотел...
А умер тихо, бедненький,
Как свечка, догорел!» —

«О чем же ты заплакала?
Тут воля не твоя.
И дети-то при бедности —
Железы, мать моя!

Вот у меня Аринушка
И умница была,
По бархату, душа моя,
Шить золотом могла;

Бывало, за работою
До петухов сидит,
А мне с поклоном по людям
И выйти не велит:

«Сама уж, дескать, маменька,
Я пропитаю вас».
Работала, работала, —
Да и лишилась глаз.

Связала мои рученьки:
Ведь чахнет от тоски;
Слепа, а вяжет кое-как
Носчишки да чулки.

Чужого калача не съест,
А если и возьмет
Кусок какой от голода,
Все сердце надорвет:

И ест, и плачет, глупая;
Журишь — ответа нет...
Вот каково при бедности
С детьми-то жить, мой свет!..» —

«Ох, горько, моя милая!
Растет дитя — печаль,
Умрет оно — своя ведь кровь,
Жаль, друг мой, крепко жаль!» —

«Молися богу, мать моя,—
Не надобно тужить.
Прости же, я зайду к тебе
Блинов-то закусить».

Бабы расстались. На улице снова
Пусто. Заборы и стены домов
Смотрят печально и как-то сурово.
Солнце за длинной грядой облаков

Спряталось. Небо так бледно, бесцветно,
Точно как мертвое... И облака
Так безотрадно глядят, бесприветно,
Что поневоле находит тоска...

* * *

Отвяжися, тоска,
Пылью поразвейся!
Что за грусть, коли жив,—
И сквозь слезы смейся!

Не диковинка — пир
При хорошей доле;
Удаль с горя поет,
Пляшет и в неволе.

Уж ты как ни хвались
Умной головою —
Громовых облаков
Не отвесть рукою.

Грусть-забота не спит,
Без беды крушится;
Беззаботной душе
И на камне спится.

Коли солнышка нет —
Ясный месяц светит;
Изменила любовь —
Песня не изменит!

Сердце просит не слез,
А живет отрадой;
Вот умрешь — ну, тогда
Ничего не надо.

* * *

Над полями вечерняя зорька горит,
Алой краскою рожь покрывает;
Зарумянившись, лес над рекою стоит,
Тихой музыкой день провожает.

Задымились огни на крутом бережку,
Вкруг огней косари собрался,
Полилась у них песнь про любовь и тоску,
Отголоски во мрак понеслися.

Ну, зачем тут один я под ивой сижу
И ловлю заунывные звуки,
Вспоминаю, как жил, да насильно бужу
В бедном сердце заснувшие муки?

Эх ты, жизнь, моя жизнь! Ночь, бывало, не спишь,
Выждаешь минутку досуга;
Чуть семья улеглась — что на крыльях летишь
В темный сад ненаглядного друга!

Ключ в кармане давно от калитки готов,
И к беседке знакома дорожка...
Свистнешь раз соловьем в сонной чаще кустов,
И раскроется настежь окошко.

Стало, спят старики... И стонешь, к голове
С шумом кровь у тебя приливает.
Вот идет милый друг по росистой траве,
«Это ты!» — и на грудь припадает.

И не видишь, не знаешь, как время летит...
Уж давно зорька ранняя светит,
Сад густой золотистым румянцем покрыт,—
Ничего-то твой взгляд не заметит.

Эх, веселые ночки! что сон вы прошли...
Волю девицы разом сковали:
Старика жениха ей, бедняжке, нашли,
Полумертвую с ним обвенчали...

Безотрадной тоске не сломить меня вдруг:
Много сил у меня и отваги!
Каково-то тебе, ненаглядный мой друг,
Под замком у ревнивого скряги!

ВЫЕЗД ТРОЕЧНИКА

Ну, кажись, я готов:
Вот мой кафтанишко,
Рукавицы на мне,
Новый кнут под мышкой...

В голове-то шумит...
Вот что мне досадно!
Правда, хмель ведь не дурь,—
Выспался — и ладно.

Ты, жена, замолчи:
Без тебя все знаю,—
Еду с барином... да!
Эх, как погуляю!

Да и барин!.. — поди —
У родного сына
Он невесту отбил,—
Стало, молодчина!

Схоронил две жены,
Вот нашел и третью...
А сердит... чуть не так —
Заколотит плетью!

Ну, ништо... говорят,
Эта-то невеста
И сама даст отпор,—
Не отыщешь места.

За богатство идет,
Ветрогонка, значит;
Сына пустит с сумой,
Мужа одурачит...

Сын, к примеру, не глуп,
Да запуган, верно:
Все глядит сиротой,
Смирен... вот что скверно!

Ну, да пусть судит бог,
Что черно и бело...
Вот лошадок запречь —
Это наше дело!

Слышь, жена! погляди,
Каковы уздечки!
Вишь, вот медный набор,
Вот махры, колечки.

А дуга-то, дуга,—
В золоте сияет...
Прр... шалишь, коренной!
Знай песок копает!

Ты, дружок, не блажи;
Старость твою жалко!..
Так кнутом проучу —
Станет небу жарко!..

Сидор вожжи возьмет —
Черта не боится!
Пролетит — на него
Облачко дивится!

Только крикнет: «Ну, ну!
Эх ты, беззаботный!»
Отстает позади
Ветер перелетный!

А седок-то мне — тьфу!..
Коли скажет: «Легче!»—
Нет, мол, сел, так сиди
Да держись покрепче.

Уж у нас, коли лень,—
День и ночь спим сряду;
Коли пир — наповал,
Труд — так до упаду;

Коли ехать — катай!
Головы не жалко!
Нам без света светло
Без дороги — гладко!

Ну, Матрена, прощай!
Оставайся с богом:
Жди обновки себе
Да гляди за домом.

Да,— кобыле больной
Парь трухою ногу...
Не забудь!.. А воды
Не давай помногу.

Ну-ка, в путь! Шевелись!
Эх, как понеслися!
Берегись ты, мужик,
Глух, что ль?.. берегися!..

1856

СТАРОСТА

Что не туча темная
Пó небу плывет —
На гумно по улице
Староста идет.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткие
Завились в кольцо.

Пузо перевязано
Красным кушаком,
Плечи позатянуты
Синим кафтаном.

Палкой подпирается,
Бровью не ведет;
В сапоги-то новые
Мера ржи войдет.

Он идет по улице —
Без метлы метет;
Курица покажется —
В ворота шмыгнет.

Одаль да с поклонами
Мужички идут.

Ребятишки малые
Ко дворам ползут.

Утомился староста:
На гумне стоит,
Гладит ус и бороду
Да на люд глядит.

На небе ни облачка,
Ветерок-ат спит,
Солнце землю-матушку
Как огнем палит.

От цепов-то стук и дробь,—
Стонет все гумно;
Баб и девок жар печет,
Мужичков равно.

Староста надумался:
«Молоти дружней!»
Баб и девок пот прошиб,
Мужичков сильней.

Бабу чернобровую
Староста позвал,
Речь-то вел разумную,
Дело толковал.

Дура-баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значит, молодость,
В нужде не была!

Умная головушка
Рубит не сплеча:

Староста не выпустил
Слова сгоряча.

На скирды посматривал,
Поглядел на рожь,—
Поглядел и вымолвил:
«Умолот хорош!»

Улыбнулся ласково,
Девок похвалил,
Бабе с бровью черною
Черта посулил.

«Вечером, голубушка,
Чистить хлев пошлю...» —
«Не грешно ли, батюшка?» —
«Нет, коли велю!»

Баба призадумалась...
Староста пошел,
Он прошел по улице,
Без метлы подмел.

На гумне-то стон стоит,
Весело гумно:
Пóтом обливается
Каждое зерно.

ПАХАРЬ

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лес спускается;
Лес стоит под шапкой темною,
В золотом огне купается.

На бугре трава зеленая
Спит, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да каменьями унизана.

Не слыхать-то в поле голоса,
Молча вороны на меже сидят,
Только слышен голос пахаря,—
За сохой он на коня кряхтит.

С ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идет — понурил голову,
Мужичок идет — шатается...

Уж когда же ты, кормилец наш,
Возьмешь верх над долей горькою?
Из земли ты роешь золото,
Сам-то сыт сухою коркою!

Зреет рожь — тебе заботушка:
Как бы градом не побилася,
Без дождей в жары не высохла,
От дождей не положилася.

Хлеб поспел — тебе кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то он осыплется,
Без куска-то ты останешься.

Урожай — купцы спесивятся;
Год плохой — в семье все мучатся,
Все твой двор не поправляется,
Детки грамоте не учатся.

Где же клад твой заколдованный,
Где талан твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на́ горе
Вдоволь вчуже я наплакался!

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Кипит вода, ревет ручьем,
На мельнице и стук, и гром,
Колеса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнем летят,
От пены-то бугор стоит,
Что мост живой, весь пол дрожит.
Шумит вода, рукав трясет,
На камни рожь дождем течет,
Под жерновом муку родит,
Идет мука, в глаза пылит.
Об мельнике и речи нет.
В пыли, в муке, и лыс, и сед,
Кричит весь день про бедный люд:
Вот тот-то мот, вот тот-то плут...
Сам, старый черт, как зверь глядит,
Чужим добром и пьян, и сыт;
Детей забыл, жену извел;
Барбос с ним жил, барбос ушел...

Одна певунья-ласточка
Под крышей обжилась,
Свила-слепила гнездышко,
Детьми обзавелась.

Поет, пока не выгнали.
Чужой-то кров — не свой,

Хоть не́ любо, не весело,
Да свыкнешься с нуждой.

В ночь темную под крылышко
Головку подогнет
И спит себе под гром и стук,
Носком не шевельнет.

* * *

Полночь. Темно в горенке,
Тишина кругом.
Вот идет под окнами
Дворник с фонарем.

Яркий свет полоскою
Проскользнул в окно,
Глянул на печь белую,
И — опять темно.

Экая бессонница,
Скука и тоска!
Диво! все мне чудятся
Речи мужичка!

Точно, как и вечером,
Он сидит со мной,
С жидкою бородкою,
Желтый, испитой,

Зипунишка старенький,
От спины кряхтит...

Вот бедняк откашлялся,
Глухо говорит:

«Смолоду, касатик мой,
Силку потерял,
У купца на мельнице
Всё кули таскал.

Жил-то, знаешь, в бедности,
Кони — плохота,
А в избушке курево,
Грязь и теснота.

И сынишка ползает,
И теленок тут...
Ну да что уж! Ведомо,
Как у нас живут!

Дай, мол, я поправлюся,
Взял и нанялся,
Плата, знаешь, добрая,
Из того взялся.

Думок много думалось:
И коня купить,
Мало-мальски грамоте
Сына обучить.

Что ж, мол, он без разума
Скоротает век?
Соху знай и борону —
Будь и человек.

Вздумано — не сделано:
Год поработа́л,

Угодил хозяину,
А живот сорвал.

Зажил хуже прежнего...
Все бы не беда,
Сын-ат... сын-ат, батюшка...
От холеры... да!

Тяжело на старости,
Божья власть... ништо!
А трудиться надобно:
Человек на то».

Чем мне заплатить тебе,
Бедный мужичок,
За святую истину,
За благой урок?

1857

* * *

Покой мне нужен. Грудь болит,
Озлоблен ум и ноет тело.
Все, от чего душа скорбит,
Вокруг меня весь день кипело.

Куда бежать от громких слов?
Мы все добры и непорочны!
Боготворить себя готов
Иной друг правды безупречный!

Убита совесть, умер стыд,
И ложь во тьме царит свободно;
Никто позора не казнит,
Никто не плачет всенародно!..

Меж нами мучеников нет,
На крик: «Спасите!» — нет ответа!..
Не выйдем мы на божий свет:
Наш рабский дух боится света!

Быть может, в воздухе весь вред,—
Чему бы гибнуть — процветает,
Чему б цвести — роняет цвет
И жалкой смертью умирает...

СОХА

Ты, соха ли, наша матушка,
Горькой бедности помощница,
Неизменная кормилица,
Вековечная работница!

По твоей ли, соха, милости
С хлебом гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полям ковры раскинуты?

Про тебя и вспомнить некому...
Что ж молчишь ты, бесприветная,
Что не в славу тебе труд идет,
Не в честь служба безответная?..

Ах, крепка, не знает устали
Мужичка рука железная,
И покоит соху-матушку
Одна ноченька беззвездная!

На меже трава зеленая,
Полынь дикая качается,—
Не твоя ли доля горькая
В ее соке отзывается?

Уж и кем же ты придумана,
К делу на́веки приставлена?
Кормишь малого и старого,
Сиротой сама оставлена...

УДАЛЬ И ЗАБОТА

Тает забота, как свечка,
Век от тоски пропадает;
Удали горе — не горе,
В цепи закуй — распевает.

Ляжет забота — не спится,
Спит ли, пройди — встрепенется;
Спит молодецкая удаль,
Громом ударь — не проснется.

Клонится колос от ветра,
Ветер заботу наклонит;
Встретится удаль с грозою —
На ухо шапку заломит.

Всех-то забота боится,
Топнут ногой — побледнеет;
Топнут ногою на удаль —
Лезет на нож, не робеет.

По́ смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочет;
Удаль, не думав, добудет,
Кинет на ветер — хохочет.

Песня заботы — не песня;
Слушать — тоска одолеет;
Удаль присвистнет, притопнет —
Горе и думу развеет.

Явится в гости забота —
В доме и скука и холод;
Удаль влетит да обнимет —
Станешь и весел, и молод.

* * *

Медленно движется время,—
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим...
    Мертвые в мире почили,
    Дело настало живым.

Сеялось семя веками,—
Корни в земле глубоко;
Срубишь леса топорами,—
Зло вырывать нелегко:
Нам его в детстве привили,
Деды сроднилися с ним...
    Мертвые в мире почили,
    Дело настало живым.

Стыд, кто бессмысленно тужит,
Листья зашепчут — он нем!
Слава, кто истине служит,
Истине жертвует всем!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на труд поспешим...
    Мертвые в мире почили,
    Дело настало живым.

Рыхлая почва готова,
Сейте, покуда весна:
Доброго дела и слова
Не пропадут семена.
Где мы и как их добыли —
Внукам отчет отдадим...
    Мертвые в мире почили,
    Дело настало живым.

РАЗГОВОРЫ

Новой жизни заря —
И тепло, и светло;
О добре говорим,
Негодуем на зло.

За родимый наш край
Наше сердце болит;
За прожитые дни
Мучит совесть и стыд.

Что нам цвесть не дает,
Держит рост молодой,—
Так и сбросил бы с плеч
Этот хлам вековой!

Где ж вы, слуги добра?
Выходите вперед!
Подавайте пример!
Поучайте народ!

Наш разумный порыв,
Нашу честную речь
Надо в кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Как поверить словам —
По часам мы растем!
Закричат: «Помоги!» —
Через пропасть шагнем!

В нас душа горяча,
Наша воля крепка,

И печаль за других —
Глубока, глубока!..

А приходит пора
Добрый подвиг начать,
Так нам жаль с головы
Волосок потерять:

Тут раздумье и лень,
Тут нас робость возьмет...
А слова... на словах
Соколиный полет!..

НИЩИЙ

И вечерней и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою,
Христа ради на помощь зовет.

Надевает ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за труд,—
Тяжела и горька твоя доля,
Бесприютный, оборванный люд!

Не откажут тебе в подаянье,
Не умрешь ты без крова зимой,—
Жаль разумное божье созданье,
Человека в грязи и с сумой!

Но беднее и хуже есть нищий:
Не пойдет он просить под окном,

Целый век, из одежды да пищи,
Он работает ночью и днем.

Спит в лачужке, на грязной соломе,
Богатырь в безысходной беде,
Крепче камня в несносной истоме,
Крепче меди в кровавой нужде.

Пó смерть зерна он в землю бросает,
Пó смерть жнет, а нужда продает:
О нем облако слезы роняет,
Про тоску его буря поет.

1857—1858

НОЧЛЕГ В ДЕРЕВНЕ

Душный воздух, дым лучины,
Под ногами сор,
Сор на лавках, паутины
По углам узор;
Закоптелые полати,
Черствый хлеб, вода,
Кашель пряхи, плач дитяти...
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, век трудиться,
Нищим умереть...
Вот где нужно бы учиться
Верить и терпеть!

ДЕДУШКА

Лысый, с белой бородою,
Дедушка сидит,
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит.

Бел как лунь, на лбу морщины,
С испитым лицом.
Много видел он кручины
На веку своем.

Все прошло; пропала сила,
Притупился взгляд;
Смерть в могилу уложила
Деток и внучат.

С ним в избушке закоптелой
Кот один живет.
Стар и он, и спит день целый,
С печки не спрыгнет.

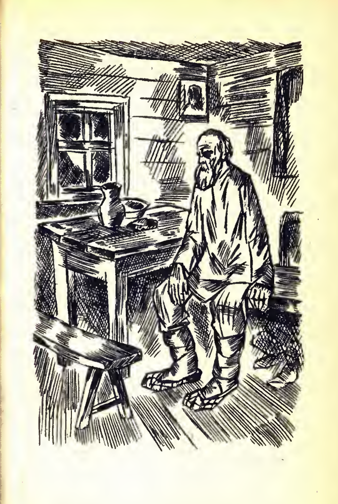
Старику немного надо:
Лапти сплесть да сбыть —
Вот и сыт. Его отрада —
В божий храм ходить.

К стенке, около порога,
Станет там, кряхтя,
И за скорби славит бога,
Божее дитя,

Рад он жить, не прочь в могилу —
В темный уголок...
Где ты черпал эту силу,
Бедный мужичок?

ПРЯХА

Ночь и непогодь. Избушка
Плохо топлена.
Нитки бедная старушка
Сучит у окна.

Уж грозы ль она боится,
Скучно ли,— сидит,
Спать ложилась, да не спится.
Сердце все щемит.

И трещит, трещит лучина,
Свет на пряху льет,
Прожитая грусть-кручина
За сердце берет.

Бедность, бедность! Муж, бывало,
Хоть подчас и пил,—
Все жилось с ним горя мало:
Все жену кормил.

Вот под старость, как уж зренье
Потерял навек,
Потерял он и терпенье —
Грешный человек!

За сохой ходить — не видит,
Побираться — стыд,
Тут безвинно кто обидит —
Он молчит, молчит,

Плюнет, срамными словами
Долю проклянет
И зальется вдруг слезами,
Как дитя, ревет...

Так и умер. Бог помилуй —
Вот мороз-то был!
Бились, бились! Сын могилу
Топором рубил!..

Паренек тогда был молод,
Вырос, возмужал,—
Что за сила! В зной и холод
Устали не знал!

Поведет ли речь, бывало,—
Что старик ведет;
Запоет при зорьке алой —
Слушать дух замрет...

Человек ли утопает,
Иль изба горит,
Что б ни делал — все бросает,
Помогать бежит.

И веселье, и здоровье
Дал ему господь:
Будь хоть камень изголовье,
Лег он — и заснет...

Справить думал он избушку,
В бурлаки пошел;
Нет! Беречь ему старушку
Бог уж не привел!

Приустал под лямкой в стужу,
До костей промок,
Платье — ветошь, грудь наружу,
Заболел и слег.

Умер, бедный! Мать узнала —
Слез что пролила!
Ум и память потеряла,
Грудь надорвала!

И трещит, трещит лучиил;
Нитке нет коица;
Мучит пряху грусть-кручина;
Нет иа ией лица.

Плач да стон оиа все слышит
И, припав к стеклу,
На морозиый иией дышит;
Смотрит: по селу

Кто-то в белом пробегает,
С белой головой,
Горстью звезды рассыпает
В улице пустой;

Звезды искрятся... А вьюга
В ворота стучит...
И старушка от испуга
Чуть жива сидит.

1858

* * *

Ах, прости, святой угодник!
Захватила злоба дух:
Хвалят бурсу, хвалят вслух;
Мирянин — попов поклонник,
Чтитель рясы и бород,
Мертвой школе гимн поет.
Ох, знаком я с этой школой!
В ней не видно перемен:
Та ж наука — остов голый,
Пахнет ладаном от стен.
Искони дорогой торной
Медных лбов собор покорный
Там идет бог весть куда,
Что до цели за нужда!
Знай — долби, как дятел, смело...
Жаль, работа нелегка:
Долбишь, долбишь, кончишь дело —
Плод не стоит червяка.
Ученик всегда послушен,
Безответен, равнодушен,
Бьет наставникам челом
И дуреет с каждым днем.
Чуждый страсти, чуждый миру,
Ректор спит да пухнет с жиру,
И наставников доход
Обеспечен в свой черед...
Что до славы и науки!

Все слова, пустые звуки!..
Дали б рясу да приход!
Поп, обросший бородою,
По дворам с святой водою
Будет в праздники ходить,
До упаду есть и пить,
За холстину с причтом драться,
Попадьи-жены бояться,
Рабски кланяться рабам
И потом являться в храм.
Но авось пора настанет —
Бог на Русь святую взглянет,
Благодать с небес пошлет —
Бурсы молнией сожжет!

* * *

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Теплый вечер прозрачно-румян.

Вот уж веет прохладой ночною;
Грезит колос над узкой межою;
Месяц огненным шаром встает,
Красным заревом лес обдает.

Кротко звезд золотое сиянье,
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

* * *

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьем свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,

Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь да блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

* * *

В чистом поле тень шагает,
Песня из лесу несется,
Лист зеленый задевает,
Желтый колос окликает,
За курганом отдается.

За курганом, за холмами,
Дым-туман стоит над нивой,
Свет мигает полосами,
Зорька тучек рукавами
Закрывается стыдливо.

Рожь да лес, зари сиянье, —
Дума бог весть где летает...
Смутно листьев очертанье,
Ветерок сдержал дыханье,
Только молния сверкает.

* * *

В небе радуга сияет,
Розы дождиком омыты,
Солнце в зелени играет,
Темный сад благоухает,
Кудри золотом покрыты.

Свет и тень под деревами
Переходят, как живые;
Мох унизан огоньками;
Над душистыми цветами
Вьются пчелы золотые.

В чаще свиста переливы,
Стрекотня и песен звуки.
Подле ты, мой друг стыдливый...
Слава богу! миг счастливый
Уловил я в час разлуки!

* * *

В темной чаще замолк соловей,
Прокатилась звезда в синеве;
Месяц смотрит сквозь сетку ветвей,
Зажигает росу на траве.

Дремлют розы. Прохлада плывет.
Кто-то свистнул... вот замер и свист.
Ухо слышит, едва упадет
Насекомым подточенный лист.

Как при месяце кроток и тих
У тебя милый очерк лица!
Эту ночь, полный грез золотых,
Я б продлил без конца, без конца!

* * *

Помнишь? — с алыми краями
Тучки в озере играли;
Шапки на ухо, верхами
Ребятишки в лес скакали.

Табуном своим покинут,
Конь в воде остановился
И, как будто опрокинут,
Недвижим в ней отразился.

При заре румяный колос
Сквозь дремоту улыбался;
Лес синел. Кукушки голос
В сонной чаще раздавался.

По поляне перед нами,
Что ни шаг, цветы пестрели,
Тень бродила за кустами,
Краски вечера бледнели...

Трепет сердца, упоенье,—
Вам в слова не воплотиться!
Помнишь?.. Чудные мгновенья!
Суждено ль им повториться?

ГОРЬКИЕ СЛЕЗЫ

In meiner Brust da sitz ein Weh
Das will die Brust zersprengen.—
Heine [1].

Чужих страданий жалкий зритель,
Я жизнь растратил без плода,
И вот проснулась совесть-мститель
И жжет лицо огнем стыда.

Чужой бедой я волновался,
От слез чужих я не спал ночь,—
И все молчал, и все боялся,
И никому не мог помочь.

Убит нуждой, убит трудами,
Мой брат и чах и погибал,
Я закрывал лицо руками
И плакал, плакал — и молчал.

Я слышал злу рукоплесканья
И все терпел, едва дыша;
Под пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

Мой дух сроднился с духом века,
Тропой пробитою я шел:
Святую личность человека
До пошлой мелочи низвел.

1 В моей груди гнездится боль, которая хочет разорвать мою грудь. Гейне (нем.).

Ты ль это — жизнь к добру с любовью,
Плод мысли, горя и борьбы?
Увы, отмечена ты кровью,
Насмешка страшная судьбы!..

* * *

Детство веселое, детские грезы...
Только вас вспомнишь — улыбка и слезы...
Голову няня в дремоте склонила,
На пол с лежанки чулок уронила,
Прыгает кот, шевелит его лапкой,
Свечка уж меркнет под огненной шапкой,
Движется сумрак, в глаза мне глядит...
Зимняя вьюга шумит и гудит.

Прогнали сон мой рассказы старушки.
Вот я в лесу у порога избушки;
Ждет к себе гостя колдунья седая —
Змей подлетает, огонь рассыпая.
Замер лес темный, ни свиста, ни шума,
Смотрят деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замирает-дрожит...
Зимняя вьюга шумит и гудит.

Няня встает и лениво зевает,
На ночь постелю мою оправляет.
«Ляг, мой соколик, с молитвой святою.
Божия сила да будет с тобою...»
Нянина шубка мне ноги пригрела,
Вот уж в глазах у меня запестрело,

Сплю и не сплю я... Лампадка горит...
Зимняя вьюга шумит и гудит.

Вечная память, веселое время!
Грудь мою давит тяжелое бремя.
Жизнь пропадает в заботах о хлебе,
Детство сияет, как радуга в небе...
Где вы — веселье, и сон, и здоровье?
Взмокло от слез у меня изголовье,
Темная даль мне бедою грозит...
Зимняя вьюга шумит и гудит.

* * *

Ах, у радости быстрые крылья.
Золотые да яркие перья!
Прилетит — вся душа встрепенется,
Перед смертью больной улыбнется!

Уж зазвать бы мне радость обманом.
Задержать и мольбою и лаской,
От тумана глаза б прояснились,
На веселый лад песни б сложились.

Ты, кручинушка, ночь без рассвета,
Без рассвета да с холодом-ветром:
При тебе — вся краса иссушится,
При тебе — в голове помутится.

Уж и будь ты, кручинушка, пеплом —
Весь бы по полю в бурю развеял,
Пусть бы травушка в поле горела
Да на сердце смола не кипела!

* * *

Опять знакомые виденья!
Опять, под детский смех и шум,
Прожитый день припомнил ум,
Проснулось чувство отвращенья!
О, боже правый! Вот она,
И лжи и подлостей страница,—
На каждой букве кровь видна...
Какой позор! Вот эти лица
Ханжей, предателей, льстецов,
Низкопоклонников, рабов,
Рабов расчета и разврата,
Рабов бездушных, ледяных,
Рабов, продать готовых брата,
И друга, и детей родных,
Рабов безделья, скуки праздной,
Страстишек мелких и забот...
И ты, в своей одежде грязной,
Наш бедный труженик-народ,
Несущий крест свой терпеливо,
Ты, за кого красноречиво
Ведем мы спор, добро любя,
Пора ль на свет вести тебя,—
И ты мне вспомнился...
Угрюмо,
В печальной доле хлебу рад,
Ты мимо каменных палат
Идешь на труд с тупою думой,
Полуодет, полуобут,
Нуждой безжалостной согнут...
Неужто, молодое племя,
В тебе воскреснет наше время,
Разврат души, разврат ума,

И лень, и мелочность, и тьма?
Нам нет из пропасти исхода...
Влачась и в прахе и в пыли,
О, если б мы сказать могли:
«Вам, дети, счастье и свобода,
Широкий путь, разумный труд...»
Увы! неведом божий суд!

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол, как сокол,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит,

Оробей, загорюй —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт,—
В печаль не вдавайся,
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем,—
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен,—
Песенка допета!

* * *

Ехал из ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Стал он на двор лошадей покормить,
Вздумал деревню гульбой удивить.
В красной рубашке, кудряв и румян,
Вышел на улицу весел и пьян.
Собрал он девок-красавиц в кружок,
Выхватил с звонкой казной кошелек.
Потчует старых и малых вином:
«Пей-пропивай! Поживем —
наживем!..»
Морщатся девки, до донышка пьют.
Шутят, и пляшут, и песни поют.
Ухарь-купец подпевает-свистит,
Оземь ногой молодецки стучит.

Синее небо, и сумрак, и тишь.
Смотрится в воду зеленый камыш.
Полосы света по речке лежат.
В золоте тучки над лесом горят.
Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна,
По лугу льется, по чаще лесной...
Там услыхал ее сторож седой;
Белый как лунь, он под дубом стоит,
Дуб не шелохнется, сторож молчит.

К девке стыдливой купец пристает,
Обнял, целует и руки ей жмет.
Рвется красотка за девичий круг:
Совестно ей от родных и подруг.
Смотрят подруги — их зависть берет.
Вот, мол, упрямице счастье идет.
Девкин отец свое дело смекнул,
Локтем жену торопливо толкнул.
Сед он, и рваная шапка на нем,
Глазом мигнул — и пропал за углом.
Девкина мать расторопна-смела,
С вкрадчивой речью к купцу
подошла:
«Полно, касатик, отстань — не балуй!
Девки моей не позорь — не целуй!»
Ухарь-купец позвенел серебром:
«Нет, так не надо... другую найдем!..»
Вырвалась девка, хотела бежать,
Мать ей велела на месте стоять.

Звездная ночь и ясна и тепла,
Девичья песня давно замерла.
Шепчет нахмуренный лес над водой,
Ветром шатает камыш молодой.

Синяя туча над лесом плывет,
Темную зелень огнем обдает.
В крайней избушке не гасит ночник,
Спит на печи подгулявший старик,
Спит в зипунишке и в старых лаптях.
Рваная шапка комком в головах.
Молится богу старуха-жена,
Плакать бы надо — не плачет она.
Дочь их красавица поздно пришла,
Девичью совесть вином залила.
Что тут за диво! и замуж пойдет...
То-то, чай, деток на путь наведет!
Кем ты на гибель и срам осужден?
Кем ты, люд бедный, на свет порожден?

МЕРТВОЕ ТЕЛО

Парень-извозчик в дороге продрог,
Крепко продрог, тяжело занемог.

В грязной избе он на печке лежит,
Горло распухло, чуть-чуть говорит.

Ноет душа от тяжелой тоски;
Пашни родные куда далеки!

Как на чужой стороне умереть!
Хоть бы на мать, на отца поглядеть!..

В горе товарищи держат совет:
«Ну-ка умрет,— попадем мы в ответ!

Из дому паспортов не взяли мы —
Ну-ка умрет,— не уйдем от тюрьмы!»

Дворник встревожен, священника ждет;
Медленным шагом священник идет.

Встали извозчики, встал и больной;
Свечка горит пред иконой святой,

Белая скатерть на стол постлана,
В душной избе тишина, тишина...

Кончил молитву священник седой,
Вышли извозчики за дверь толпой.

Парень шатается, дышит с трудом,
Старец стоит недвижим со крестом.

«Страшен суд божий! покайся, мой сын!
Бог тебя слышит да я лишь один...» —

«Батюшка!.. грешен!..» — больной простонал;
Пал на колени и громко рыдал.

Грешника старец во всем разрешил,
Крови и плоти святой приобщил,

Сел, написал: вот такой приобщен.
Дворнику легче: исполнен закон.

Полночь. Все в доме уснули давно.
В душной избе, как в могиле, темно.

Скупо в углу рукомойник течет,
Капля за каплею звук издает.

Мерно кузнечик кует в тишине,
Кто-то невнятно бормочет во сне.

Ветер печально воет под окном,
Воет-голосит, господь весть по ком.

Тошно впотьмах одному мужику;
Сны-вещуны навевают тоску.

С жесткой постели в раздумье он встал,
Ощупью печь и лучину сыскал,

Красное пламя из угля добыл,
Ярко больному лицо осветил.

Тих он лежит, на лице доброта,
Впалые щеки белее холста.

Свесились кудри, открыты глаза,
В мертвых глазах не обсохла слеза.

Вздрогнул извозчик. «Ну вот, дождались!»
Дворника будит: «Просись-подымись!»

«Что там?» — «Товарищ наш мертвый лежит...»
Дворник вскочил, как безумный глядит.

«Ох, попадете, ребята, в беду!
Вы попадете, и я попаду!

Как это паспортов, как не иметь!
Знаешь, начальство... не станет жалеть!..»

Вдруг у него на душе отлегло.
«Тсс... далеко ли, брат, ваше село?»

«Верст этак двести... не близко, родной!
«Нечего мешкать! Ступайте домой!

Мертвого можно одеть-снарядить.
В сани ввалить да веретьем покрыть.

Подле села его выньте на свет:
Умер дорогою — вот и ответ!»

Думает-шепчет проснувшийся люд.
Ехать не радость, не радость и суд.

Помочи, видно, тут нечего ждать...
Быть тому так, что покойника взять.

Белеет снег в степи глухой,
Стоит на ней ковыль сухой;
Ковыль сухой и стар, и сед,
Блестит на нем мороза след.
Простор и сон, могильный сон,
Туман, что дым, со всех сторон;
А глубь небес в огнях горит;
Вкруг месяца кольцо лежит;
Звезда звезде приветы шлет,
Холодный свет на землю льет.
В степи глухой обоз скрипит;
Передний конь идет-храпит.
Продрог мужик, глядит на снег,
С ума нейдет в селе ночлег,
В своем селе он сон найдет,
Теперь его все страх берет:
Мертвец за ним в санях лежит,
Живому степь бедой грозит.
Мелькнула тень, зашла вперед,
Растет седой и речь ведет:
«Мертвец в санях! мертвец в санях!..»
Вскочил мужик, на сердце страх,
По телу дрожь, тоска в груди...
«Товарищи! сюда иди!
Эй, дядя Петр! мертвец встает!

Мертвец встает, ко мне идет!»
Извозчики на клич бегут,
О чуде речь в степи ведут.
Блестит ковыль, сквозь чуткий сон
Людскую речь подслушал он...
Вот уж покойник в родимом селе.
Убран, лежит на дубовом столе.
Мать к мертвецу припадает на грудь:
«Сокол мой ясный, скажи что-нибудь!
Как без тебя мне свой век коротать,
Горькое горе встречать-провожать!..» —
«Полно, старуха! — ей муж говорит,—
Полно, касатка!» — и плачет навзрыд.
Чу! Колокольчик звенит и поет,
Ближе и ближе — и смолк у ворот.
Грозный чиновник в избушку спешит,
Дверь отворил, на пороге кричит:
«Эй, старшина! понятых собери!
Слышишь, каналья? да живо, смотри!..»
Все он проведал, про все разузнал,
Доктора взял и на суд прискакал.
Труп обнажили. И вот, второпях,
В фартуке белом, в зеленых очках,
По локоть доктор рукав завернул,
Острою сталью над трупом сверкнул.
Вскрикнула мать: «Не дадим, не дадим!
Сын это мой! не ругайся над ним!
Сжалься, родной! отступись — отойди!
Мать свою вспомни... во грех не входи..» —
«Вывести бабу!» — чиновник сказал.
Доктор на трупе пятно отыскал.
Бедным извозчикам сделан допрос,
Обнял их ужас — и кто что понес...
Жаль вас, родимые! Жаль, соколы!
«Эй, старшина! Подавай кандалы!».

1859

СТАРЫЙ СЛУГА

Сохнет старик от печали,
Ночи не спит напролет:
Барским добром поклепали,
Вором вся дворня зовет.

Не ждал он горькой невзгоды,
Барину верно служил...
Как его в прежние годы
Старый слуга мой любил!

В курточке красной, бывало,
Весел, завит и румян,
Прыгает, бьет как попало
Резвый барчук в барабан;

Бьет, и кричит, и смеется,
Детскою саблей звенит;
Вдруг к старику повернется:
«Смирно!» — и ножкой стучит.

Ниткой его зануздает,
На спину сядет верхом,
В шутку кнутом погоняет,
Едет по зале кругом.

Рад мой старик — и проворно
На четвереньках ползет.

«Стой!» — и он станет покорно,
Бровью седой не моргнет.

Ручку ль барчук шаловливый,
Ножку ль убьет за игрой,—
Вздрогнет слуга боязливый:
«Барин ты мой золотой!»

Шепотом тужит-горюет:
«Недосмотрел я, злодей!»
Барскую ножку целует...
«Бей меня, батюшка, бей!»

Тошно под барской опалой!
Недругов страшен навет!
Пусть бы уж много пропало,—
Ложки серебряной нет!

Смотрит старик за овцами,
На ноги лапти надел,
Плечи покрыл лоскутами,—
Так ему барин велел.

Плакал бедняк, убивался,
Вслух не винил никого:
Раб своей тени боялся,
Так напугали его.

Господи! горе и голод...
Долго ли чахнуть в тоске?..
Вырвался как-то он в город
И загулял в кабаке.

Пой, бесталанная доля!
Пил он, и пел, и плясал...

Волюшка, милая воля,
Где же твой свет запропал?..

И потащился полями,
Пьяный, в родное село.
Вьюга неслась облаками,
Ветром лицо его жгло,

Снег заметал одежонку,
Сон горемыку клонил...
Лег он, надвинул шапчонку
И середь поля застыл.

* * *

Перестань, милый друг, свое сердце пугать.
Что нам завтра сулит — мудрено угадать.
Посмотри: из-за синего полога туч
На зеленый курган брызнул золотом луч.
Колокольчик поник над росистой межой,
Алой краской покрыт василек голубой,
Сироты-повилики румяный цветок
Приласкался к нему и обвил стебелек.
Про талан золотой в поле пахарь поет,
В потемневшем лесу отголосок идет.
В каждой травке — душа, каждый звук — говорит,
В синеве про любовь голос птички звенит...
Только ты все грустишь, слов любви не найдешь,
Громовых облаков в день безоблачный ждешь.

* * *

И дождь и ветер. Ночь темна.
В уснувшем доме тишина.
Никто мне думать не мешает,
Сижу один в моем угле.
При свечке весело играет
Полоска света на окне.

Я рад осенней непогоде:
Мне шум толпы невыносим.
Я, как дикарь, привык к свободе,
Привык к стенам моим родным.
Здесь все мне дорого и мило,
Хоть радости здесь мало было...

Святая ночь! Теперь я чужд
Дневных тревог, насущных нужд.
Они забыты. Жизни полны,
Виденья светлые встают,
Из глубины души, как волны,
Слова послушные текут.

И грустно мне мой труд отрадный,
Когда в окно рассвет блеснет,
Менять на холод беспощадный,
На бремя мелочных забот...
И снова жажду я досуга
И темной ночи жду, как друга.

1860

* * *

Бедная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назад — точно степь неоглядная,
Глушь безответная, даль безотрадная.

Нет в этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло́ да сгибло без времени,
Спит, точно мертвое, спит, как убитое,
Солнышком божьим навеки забытое.

Солнышко божье на свет поскупилося,
Счастье-веселье на зов не явилося;
Горькое горе без зову нагрянуло,
При́ горе радость свинцом в воду канула.

Бедная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Рад бы забыть вас, да что ж мне останется?
Чем моя жизнь при бездолье помянется?..

* * *

Теперь мы вышли на дорогу,
Дорога — просто благодать!
Уж не сказать ли: слава богу;
Труд совершен. Чего желать?

Душе простор, уму свобода...
Да, ум наш многое постиг:
О благе бедного народа
Мы написали груду книг.

Все эти дымные избенки,
Где в полумраке, в тесноте,
Полунагие ребятенки
Растут в грязи и нищете,

Где по ночам горит лучина,
И, раб нужды, при огоньке,
Седой как лунь, старик-кручина
Плетет лаптишки в уголке,

Где жница-мать в широком поле,
На ветре, в нестерпимый зной,
Забыв усталость поневоле,
Малютку кормит под копной.

Ее уста спеклися кровью,
Работой грудь надорвана...
Но, боже мой! с какой любовью
Малютку пестует она!

Все это ныне мы узнали,
И, наконец,— о, мудрый век! —
Как дважды два, мы доказали,
Что и мужик наш — человек.

Все суета!.. махнем рукою...
Нас чернь не слушает, молчит,
Упрямо ходит за сохою
И недоверчиво глядит.

Покамест ум наш созидает
Дворцы да башни в облаках,
Горячий пот она роняет
На нивах, гумнах и дворах,

В глухой степи, в лесной трущобе,
Средь улиц сел и городов,
И, утомясь, в дощатом гробе
Опочивает от трудов.

Чем это кончится?.. Едва ли,
Ничтожной жизни горький плод,
Не ждут нас новые печали
Наместо прожитых невзгод.

* * *

Обличитель чужого разврата,
Проповедник святой чистоты,
Ты, что камень на падшего брата
Поднимаешь,— сойди с высоты!

Уж не первый в величье суровом,
Враг неправды и лени тупой,
Как гроза, своим огненным словом
Ты царишь над послушной толпой,

Дышит речь твоя жаркой любовью,
Без конца ты готов говорить,
И подумаешь, собственной кровью
Счастье ближнему рад ты купить.

Что ж ты сделал для края родного,
Бескорыстный мудрец-гражданин?
Укажи, где для дела благого
Потерял ты хоть волос один!

Твоя жизнь, как и наша, бесплодна,
Лицемерна, пуста и пошла...
Ты не понял печали народной,
Не оплакал ты горького зла.

Нищий духом и словом богатый,
Понаслышке о всем ты поешь
И бесстыдно похвал ждешь, как платы,
За свою всенародную ложь.

Будь ты проклято, праздное слово!
Будь ты проклята, мертвая лень!
Покажись с твоей жизнию новой,
Темноту прогоняющий день!

Перед нами — немые могилы,
Позади — одна горечь потерь...
На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь.

Много поту тобою прольется
И, быть может, в глуши, без следов,
Очистительных жертв принесется
В искупленье отцовских грехов.

Нелегка твоя будет дорога,
Но иди — не погибнет твой труд.
Знамя чести и истины строгой
Только крепкие в бурю несут.

Бесконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой —
Вот прямое твое назначенье,
Добрый подвиг на почве родной!

ПОМИНКИ

Ни тучки, ни ветра, и поле молчит.
Горячее солнце и жжет, и палит,
И, пылью покрытая, будто мертва,
Стоит неподвижно под зноем трава,
И слышится только в молчании дня
Веселых кузнечиков звон-трескотня.

Средь чистого поля конь-пахарь лежит;
На трупе коня ворон черный сидит,
Кровавый свой клюв поднимает порой
И каркает, будто вещун роковой.
Эх, конь безответный, слуга мужика.
Была твоя служба верна и крепка!
Побои и голод — ты все выносил
И дух свой на пашне, в сохе испустил.

Мужик горемычный рукою махнул,
И снял с него кожу, и молча вздохнул,
Вздохнул и заплакал: «Ништо, мол, не впрок!..»
И кожу сырую в кабак поволок.
И пел он там песни, свистал соловьем:
«Пускай пропадает! Гори все огнем!»
Со смехом народ головами качал:
«Гляди, мол, ребята! Он ум потерял —
Со зла свое сердце гульбой веселит,
По мертвой скотине поминки творит».

НА ПЕПЕЛИЩЕ

На яблоне грустно кукушка кукует,
На камне мужик одиноко горюет:
У ног его кучами пепел лежит,
Над пеплом труба безобразно торчит.

В избитых лаптишках, в рубашке дырявой,
Сидит он, поник головою кудрявой,
Поник, горемычный, от дум и забот,
И солнце открытую голову жжет.

Не год и не два он терял свою силу:
На пашне он клал ее, будто в могилу,
Он клал ее дома, с цепом на гумне,
Безропотно клал на чужой стороне.

Весь век свой работал без счастья, без доли,
Росли на широких ладонях мозоли,
И трескалась кожа... да что за беда!
Уж, видно, не жить мужику без труда.

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, и в поле другая ходила,
Тупилось железо, стирался сошник,
И только выдерживал пахарь-мужик.

Просил, безответный, не счастья у неба,
Но хлеба насущного, черного хлеба;
Подкралась беда, все метлой подмела,—
У пахаря нет ни двора, ни кола.

Крепись, горемычный! Не гнись от удара!
Все вынесло сердце: и ужас пожара,
И матери старой пронзительный стон
В то время, как в полымя кинулся он

И выхватил сына, что спал в колыбели;
За ним по следам потолки загремели...
Пускай догорают!.. Мужик опален
И нищий теперь, да ребенок спасен.

ПОРТНОЙ

Пали на долю мне песни унылые,
Песни печальные, песни постылые,
Рад бы не петь их, да грудь надрывается,
Слышу я, слышу, чей плач разливается:
Бедность голодная, грязью покрытая,
Бедность несмелая, бедность забытая,—
Днем она гибнет, и в полночь, и за́ полночь,
Гибнет она — и никто нейдет на́ помочь,
Гибнет она — и опоры нет волоса,
Теплого сердца, знакомого голоса...
Горький полынь — эта песнь невеселая,
Песнь невеселая, правда тяжелая!
Кто здесь узнает кручину свою?
Эту я песню про бедность пою.

I

Мороз трещит, и воет вьюга,
И хлопья снега друг на друга

Ложатся, и растет сугроб.
И молчаливый, будто гроб,
Весь дом промерз. Три дня забыта,
Уж печь не топится три дня,
И нечем развести огня,
И дверь рогожей не обита,
Она стара и вся в щелях;
Белеет иней на стенах,
Окошко инеем покрыто,
И от мороза на окне
Вода застыла в кувшине.
Нет крошки хлеба в целом доме,
И на дворе нет плахи дров.
Портной озяб. Он нездоров
И головой поник в истоме.
Печальна жизнь его была,
Печально молодость прошла,
Прошло и детство безотрадно:
С крыльца ребенком он упал,
На камнях ногу изломал,
Его посекли беспощадно...
Не умер он. Полубольным
Все рос да рос. Но чем кормиться?
Что в руки взять? Чему учиться?
И самоучкой стал портным.
Женился бедный — все не радость:
Жена недолго пожила
И богу душу отдала
В родах под пасху. Вот и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Уж кровью кашляет она.
И все прядет, прядет все пряжу
Иль молча спицами звенит,
Перчатки вяжет на продажу,
И все грустит, и все грустит.

Робка, как птичка полевая,
Живет одна, живет в глуши,
В глухую полночь, чуть живая,
Встает и молится в тиши.

II

Мороз и ночь. В своей постели
Не спит измученный старик.
Его глаза глядят без цели,
Без цели он зажег ночник.
Лежит и стонет. Дочь привстала
И посмотрела на отца:
Он бледен, хуже мертвеца...
«Что ж ты не спишь?» — она сказала.
«Так, скучно. Хоть бы рассвело...
Ты не озябла?» — «Мне тепло...»

И рассвело. Окреп и холод.
Но хлеба, хлеба где добыть?
Суму надеть иль вором быть?
О, будь ты проклят, страшный голод!
Куда идти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привстал. Нет, силы мало!
Все кости ноют, все болит;
Дочь посинела и дрожит...
Хотел заплакать — слез не стало...
И со двора, в немой тоске,
Побрел он с костылем в руке.
Куда? Он думал не о пище,
Шел не за хлебом,— на кладбище,
Шел бить могильщику челом;
Он был давно ему знаком.
Но как начать? Неловко было...

Портной с ним долго толковал
О том, о сем, а сердце ныло...
И, наконец, он шапку снял:
«Послушай, сжалься, ради бога!
Мне остается жить немного;
Нельзя ли тут вот, в стороне,
Могилу приготовить мне?» —
«Ого! — могильщик улыбнулся.—
Ты шутишь иль в уме рехнулся?
Умрешь — зароют, не грусти...
Грешно болтать-то без пути...» —
«Зароют, друг мой, я не спорю,
Ведь дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдет она?
Кого?.. Уж пособи ты горю!
Платить-то нечем... я бы рад,
Я заплатил бы... вырой, брат!..» —
«Земля-то, видишь ты, застыла...
Рубить-то будет нелегко». —
«Ты так... не очень глубоко,
Не очень... все-таки могила!
Просить и совестно — нужда!» —
«Пожалуй, вырыть не беда».

III

И слег портной. Лицо пылает.
В бреду он громко говорит,
Что божий гнев ему грозит,
Что грешником он умирает,
Что он повеситься хотел
И только Катю пожалел.
Дочь плачет: «Полно, ради бога!
У нас тепло, обита дверь,

И чай налит: он есть теперь,
И есть дрова, н хлеба много,—
Все дали люди... Встань, родной!»
И вот встает, встает портной.
«Ты понимаешь? Жизнь смеется,
Смеется... Кто тут зарыдал?
Не кашляй! Тише! Кровь польется...»
И навзничь мертвым он упал.

МАТЬ И ДОЧЬ

Худа, ветха избушка
И, как тюрьма, тесна;
Слепая мать-старушка
Как полотно бледна.

Бедняжка потеряла
Свои глаза и ум
И, как ребенок малый,
Чужда забот и дум.

Все песни распевает,
Забившись в уголок,
И жизнь в ней догорает,
Как в лампе огонек.

А дочь с восходом солнца
Иглу свою берет,
У светлого оконца
До темной ночи шьет.

Жара. Вокруг молчанье,
Лениво день идет,
Докучных мух жужжанье
Покоя не дает.

Старушки тихий голос
Без умолку звучит...
И гнется дочь, как колос,
Тоска в груди кипит.

Народ неутомимо
По улице снует.
Идет все мимо, мимо,—
Бог весть куда идет.

Уж ночь. Темно в избушке,
И некому мешать,
Осталося к подушке
Припасть — и зарыдать.

* * *

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...

Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..
Вот она — слышится песнь беззаботная,
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

1861

ХОЗЯИН

Впряжен в телегу конь косматый,
Откормлен на́ диво овсом,
И бляхи медные на нем
Блестят при зареве заката.
Купцу дай господи пожить:
Широкоплеч, как клюква, красен,
Казной от бед обезопасен,
Здоров, — о чем ему тужить?
Да мой купец и не горюет.
С какой-то бабой за столом
В особой горенке, вдвоем,
Сидит на мельнице, пирует.
Вода ревет, вода шумит,
От грома мельница дрожит,
Идет работа толкачами,
Идет работа решетом,
Колесами и жерновами —
И стукотня, и пыль кругом...
Купец мой рюмку поднимает
И кулаком об стол стучит.
«И выпью!.. кто мне помешает?
И пью... сам черт не запретит!
Пей, Марья!..» —
                                «То-то, ненаглядный,
Ты мне на платье обещал...» —
«И кончено! Сказал — и ладно,
И будет так, как я сказал.

Мне что жена? Сыта, одета —
И все... вот выпрягу коня
И прогуляю до рассвета,
И баста! Обними меня!..»

Вода шумит — не умолкает,
При свете месяца кипит,
Алмазной радугой сверкает,
Огнями синими горит.
Но даль темна и молчалива,
Огонь веселый рыбака
Краснеет в зеркале залива,
Скользит по листьям лозняка.

Купец гуляет. Мы не станем
Ему мешать. В тиши ночной
Мы лучше в дом его заглянем,
Войдем неслышною стопой.

Уж поздно. Свечка нагорела.
Больной лежит и смерти ждет.
Его лицо, как мрамор, бело,
И руки холодны, как лед;
На лоб открытый кудри пали;
Остаток прежней красоты,
Печать раздумья и печали
Еще хранят его черты.
Так, освещенные зарею,
В замолкшем надолго лесу
Листы осеннею порою
Еще хранят свою красу.
Пора на отдых. Грудь разбита,
На сердце запеклася кровь —
И радость на́век позабыта...
А ты, горячая любовь,

Явилась поздно. Доля, доля!
И если б раньше ты пришла,—
Какой бы здесь приют нашла?
Здесь труд и бедность, здесь неволя.
Здесь горе гнезда вьет свои,
И веет холод от порога,
И стены дома смотрят строго...
Здесь нет приюта для любви!
Лежит больной, лицо печально,
И будто тенью лоб покрыт;
Так летом, только догорит
Румяной зорьки луч прощальный,—
Под сводом сумрачных небес
Стоит угрюм и темен лес.

Родная мать роняет слезы,
Облокотясь на стол рукой.
Надежды, молодости грезы,
Мир сердца — этот рай земной,—
Все унесло, умчало горе,
Как буйный вихрь уносит пыль,
Когда в степи шумит ковыль,
Шумит взволнованный, как море,
И догорает вся дотла
Грозой зажженная ветла.

Плачь больше, бедное созданье!
И не слезами — кровью плачь!
Безвыходно твое страданье
И беспощаден твой палач.
Невесела, невыносима,
Горька, как яд, твоя судьба:
Ты жизнь убила, как раба,
И не была никем любима...
Твой муж... но виноват ли он,

Что пьян, и груб, и не умен?
Когда б он мог подумать строго,
Как зла наделано им много,
Как много ран нанесено,—
Себя он проклял бы давно.
В борьбе тяжелой ты устала,
Изнемогла и в грязь упала,
И в грязь затоптана толпой.
Увы! сгубил тебя запой!..
Твоя слеза на кровь походит...
Плачь больше!.. В воздухе чума!..
Любимый сын в могилу сходит,
Другой давно сошел с ума.

Вот он сидит на лежанке просторной,
Голо острижен, и бледен, и хил;
Палку, как скрипку, к плечу прислонил,
Бровью и глазом мигает проворно,
Правой рукою и взад, и вперед
Водит по палке и песню поет:
«На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Все нет ему воли, все нет!
И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает,
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка...»

Вдруг палку кинул он, закрыл лицо руками
И плачет горькими слезами:
«Больно мне! больно мне! мозг мой горит,
Счастье тому, кто в могиле лежит!
Мать моя, матушка! полно рыдать!
Долго ли нам эту жизнь коротать?

Знаешь ли? Спальню запри изнутри,
Сторожем стану я подле двери.
«Прочь! —закричу я. — Здесь мать моя спит!
Больно мне, больно мне! мозг мой горит!..»

Больной все слушал эти звуки,
Горел на медленном огне,
Сказать хотел он: дайте мне
Хоть умереть без слез и муки!
Ужель не мог я от судьбы
Дождаться мира в час кончины,
За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стен родных,
Отравой зла меня поили?
Иль вместо слез из глаз моих
Текла вода на изголовье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думал ночи безо сна —
Зачем мне эта жизнь дана?
И, догорающий в постели,
Всю жизнь припомнив с колыбели,
Хотел он на своем пути
Хоть точку светлую найти —
И не сыскал.

Так в полдень жгучий,
Спустившись с каменистой кручи,
Томимый жаждой, пешеход
Искать ключа в овраг идет.
И долго там, усталый, бродит,
И влаги капли не находит,
И падает, едва живой,
На землю с болью головной...

«Ну, отпирай! Заснули скоро!..» —
Ударив в ставень кулаком,
Хозяин крикнул под окном...
Печальный дом, приют раздора!
Нет, тяжело срывать покров
С твоих таинственных углов,
Срывать покров, как уголь, черный!
Угрюм твой вид, как гроба вид,
Как место казни, где стоит
С железной цепью столб позорный
И плаха с топором лежит!..
За то, что здесь так мало света,
Что воздух солнцем не согрет,
За то, что нет на мысль ответа,
За то, что радости здесь нет,
Ни ласк, ни милого объятья,
За то, что гибнет человек,—
Я шлю тебе мои проклятья,
Чужой оплакивая век!..

Н. А. МАТВЕЕВОЙ

На лицо твое солнечный свет упадал,
Ты со взором поникшим стояла;
Крепко руку твою на прощанье я жал,
На устах моих речь замирала.

Я не мог от тебя своих глаз отвести.
Одна мысль, что нам нужно расстаться,
Поглощала меня. Повторял я: «Прости!» —
И не мог от тебя оторваться.

Понимала ли ты мое горе тогда?
Или только, как ангел прекрасна,
Покидала меня без нужды и труда,
Будто камень холодный, бесстрастна?..

Вот затих стук колес средь безлюдных равнин.
Улеглась за ним пыль за тобою;
И, как прежде, я снова остался один
С беспощадной, бессонной тоскою.

Догорела свеча. Бродит сумрак в углах,
Пол сияет от лунного света;
Бесконечная ночь! В этих душных стенах
Зарыдай, — не услышишь ответа...

ПОРЫВЫ

Людскую скорбь, вопросы века —
Я знаю все... Как друг и брат,
На скорбный голос человека
Всегда откликнуться я рад.

И только. Многое я вижу,
Но воля у меня слаба,
И всей душой я ненавижу
Себя как подлого раба.

Как я неправду презираю,
Какой я человек прямой,
Покуда жизни не встречаю
Лицом к лицу, — о боже мой!

И если б в жизнь переходили
Мои слова, — враги мои
Меня давно б благословили
За сердце, полное любви.

Погас порыв мой благородный.
И что же? Тешится над ним
Какой-нибудь глупец холодный
Безумным хохотом своим.

«Так вот-с как было это дело,—
Мне говорит степняк-сосед: —
Себя он вел уж очень смело,
Сказать бы: *да*, он скажет: *нет*.

Упрямство... вот и судит криво:
За правду стой, да как стоять!
Ну, перенес бы молчаливо,
Коли приказано молчать.

Вот и погиб. Лишился места,
Притих и плачет, как дитя,
Детишек куча, дочь невеста,
И в доме хлеба ни ломтя...»

«Как вам не совестно, не стыдно!
Как повернулся ваш язык!
Мне просто слушать вас обидно...» —
Я поднимаю громкий крик.

И весь дрожу. Лицо пылает,
Как лев пораненный, я зол,
Сигара в угол отлетает,
Нога отталкивает стол.

Сосед смеется: «Что вы! что вы!
Обидел, что ли, я кого?
Уж вы на нож теперь готовы,
Ха-ха, ну стоит ли того?»

И в самом деле, я решаю:
Что портить кровь из пустяков!
Махну рукой и умолкаю:
Не переучишь дураков.

Берусь за книгу ради скуки,
И желчь кипит во мне опять:
Расчет, обманы, слезы, муки,
Насилье... не могу читать!

Подлец на добром возит воду,
Ум отупел, заглох от сна...
Ужели грешному народу
Такая участь суждена?

«Ты дома?» — двери отворяя,
Чудак знакомый говорит
И входит, тяжело ступая,
Он неуклюж, угрюм на вид...

Взгляд ледяной, косые плечи,
Какой-то шрам между бровей.
Умен, как бес, но скуп на речи,
Трудолюбив, как муравей.

«Угодно ли? Была б охота,
Есть случай бедняку помочь —
Без платы... нелегка работа:
Сидеть придется день и ночь,

Писать, читать, в архиве рыться —
И жертва будет спасена».—
«А ты?»—«Без платы что трудиться!» —
«Изволь! Мне плата не нужна».

И вот к труду я приступаю,
И горячусь, и невпопад
Особу с весом задеваю;
Я рвусь из сил, меня бранят.

Тут остановка, там помеха;
Я рад бы жертве, рад помочь,
Но вдруг!.. Мне тошно ждать успеха,
Мне эта медленность невмочь.

И все с досадой я бросаю,
И после (жалкий человек)
Над бедной жертвой я рыдаю,
Кляну свой бесполезный век.

Нет, труд упорный — груз свинцовый.
Я друг добра, я гражданин,
Я мученик, на все готовый,
Но мученик на миг один.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

* * *

. . . .
Падет презренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут,
И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.
Не нам — иному поколенью
Отдашь ты бич свой вековой,
И будешь ненавистной тенью,
Пятном в истории родной...
Весь твой разврат
                    и вероломство,
Все козни время обнажит,
И просвещенное потомство
Тебя проклятьем поразит.
Мужик — теперь твоя опора,
Твой вол — и больше ничего —
Со славой выйдет из позора,
И вновь не купишь ты его.
Уж всходит солнце
                    земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

Между 1857 и 1861.

* * *

Постыдно гибнет наше время!..
Наследство дедов и отцов,
Послушно носит наше племя
Оковы тяжкие рабов.

И сто́им мы позорной доли!
Мы добровольно терпим зло:
В нас нет ни смелости, ни воли...
На нас проклятие легло!

Мы рабство с молоком всосали,
Сроднились с болью наших ран.
Нет! В нас отцы не воспитали,
Не подготовили граждан.

Не мстить нас матери учили
За цепи сильным палачам —
Увы! бессмысленно водили
За палачей молиться в храм!

Про жизнь свободную не пели
Нам сестры... нет! под гнетом зла
Мысль о свободе с колыбели
Для них неведомой была!..

И мы молчим. И гибнет время...
Нас не пугает стыд цепей —
И цепи носит наше племя,
И молится за палачей...

Между 1857 и 1861.

* * *

Тяжкий крест несем мы, братья,
Мысль убита, рот зажат,
В глубине души проклятья,
Слезы на́ сердце кипят.

Русь под гнетом, Русь болеет;
Гражданин в тоске немой;
Явно плакать он не смеет,
Сын об матери больной!

Нет в тебе добра и мира,
Царство скорби и цепей,
Царство взяток и мундира,
Царство палок и плетей.

Между 1857 и 1861.

ФИЛАНТРОП

Втихомолку гостьей нежданной,
Гостьей нежданной да незваной,
К мужику нужда подкралася,
Подкралася, привязалася.

С сумой нищенской оставила,
Снимать шапку всем заставила...
Ах! головушка поклонная!
У тебя ли ночь бессонная,

Щеки бледные да впалые,
Да без хлеба дети малые,
На боку изба раскрытая,
Что пустырь — гумно забытое!

Пожалел богач голодного,
Бесприютного, холодного,
Не казной помог, так ласкою,
Не советами, так сказкою.

Ты забудь, дескать, и сон, и лень,
Работай-трудись и ночь и день:
За трудом ты не измучишься,
Уму-разуму научишься...

Уж спасибо ж тебе за слово,
Что сказал красно да ласково!
Только в горе да при бедности
Не до сна и не до лености.

Не дари ж ты бедных золотом
Да не бей речьми, как молотом.

Между 1858 и 1861.

ЖИЗНЬ

Жизнь раскинулась вольною степью...
Поезжай, да гляди — не плошай!
За холмов зеленеющей цепью
Ты покоя найти не желай.

Хорошо под грозою-метелью,
Хорошо под дождем проливным
По степям, в бесконечиом веселье,
Тройкой бешеной мчаться по ним!

Ну ж, ямщик! Пристегни коренную,
Что насупился? Вдаль погляди!
Что за ширь! Ну-ка песию родную,
Чтобы сердце заиыло в груди,

Чтобы вышли проклятые слезы,
Те, что гнетом легли над душой,
Чтобы вдаль, под иебесиые грозы
Нам лететь бесконечно с тобой.

1860(?)

ПОЭМЫ

КУЛАК

Все благо и прекрасно на земле,
Когда живет в своем определеньи;
Добро везде, добро найдешь и в зле,
Когда ж предмет пойдет по
направлению,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, он станет—злом.
Так человек: что добродетель в нем,
То может быть пороком.

ШЕКСПИР («Ромео и Юлия»).

I

День гаснет. Облаков громада
Покрыта краской золотой;
От луга влажною струей
Плывет душистая прохлада;
Над алым озером тростник
Сквозной оградою поник.

Порой куда-то пронесется
Со свистом стая куликов,
И снова тишь. В тени кустов
Рыбачий челн не покачнется.
Вдоль гати тянется обоз;
Скрипят колеса. За волами
Шагают чумаки с кнутами;
Кипит народом перевоз.
Паром отчалили лениво,
Ушами лошади пугливо
Прядут: рабочие кричат,
И плещет по воде канат.
Шлагбаум, с образом часовня,
Избушки, бани, колокольня
С крестом и галкой на кресте,
И на прибрежной высоте
Плетни, поникнувшие ивы —
Все опрокинуто в реке.
Белеют мойки вдалеке,
Луками выгнулись заливы;
А там — кусты, деревня, нивы
Да чуть приметный сквозь туман
Средь поля чистого курган.

Тому давно, в глуши суровой,
Шумел тут грозно лес дубовый,
С пустынным ветром речи вел,
И плавал в облаках орел;
Синела степь безграничной далью,
И, притаясь за вал с пищалью,
Зажечь готовый свой маяк,
Татар выглядывал казак.
Но вдруг все жизнью закипело,
В лесу железо зазвенело —
И падал дуб; он отжил век...

И вместо зверя человек
В пустыне воцарился смело.
Проснулись воды, и росли,
Гроза Азова, корабли.
Те дни прошли. Уединенно
Теперь под кровлей обновленной
Стоит на острове нагом
Безмолвный прадедовский дом,
Цейхгауз старый. Тихи воды.
Где был Петра приют простой,
Купец усердною рукой
Один почтил былые годы —
Часовню выстроил и в ней
Затеплил набожно елей.
Но город вырос. В изголовье
Он положил полей приволье,
Плечами горы придавил,
Болота камнями покрыл.
Одно пятно: в семье громадной
Высоко поднятых домов,
Как нищие в толпе нарядной,
Торчат избенки бедняков;
В дырявых шапках, с костылями,
Они ползут по крутизнам
И смотрят тусклыми очами
На богачей по сторонам;
Того и жди — гроза подует,
И полетят они в овраг...
Таков домишко, где горюет
С женой и дочерью кулак:
На крыше старые заплаты,
Приют крикливых воробьев,
Карниз обрушиться готов;
Стена крива; забор дощатый
Подперт осиновым колом;

Двор тесный смотрит пустырем;
Растет трава вокруг крылечка;
Но сад... В сад после завернем;
Теперь мы в горенку войдем.
Она светла. Икона, печка,
С посудой шкап, сосновый стол,
Скамейка, красный стул без спинки,
Комод пузатый под замком —
Все старина, зато соринки
Тут не заметишь ни на чем.

II

Хозяйка добрая, здорово!
Ты вечно с варежкой в руке,
И в этом белом колпаке,
И все молчишь! Порою слово
Промолвишь с дочерью родной,
И вновь разбитый голос твой
Умолкнет. Бедная Арина!
Повысушили до поры
Нужда да тяжкая кручина
Тебя, как травушку жары;
Поникла голова, что колос,
И поседел твой русый волос;
Одна незлобная душа
Осталась в горе хороша.
И ты, красавица, с работой
Сидишь в раздумье под окном:
Одной привычною заботой
Всю жизнь вы заняты вдвоем...
Глядишь на улицу тоскливо...
Румянец на лице поблек,
И спицы движутся лениво,
Лениво вяжется чулок.

О чем тоска? откуда скука?
Коса, что черная смола,
Как белый воск, рука бела...
Душа болит? неволя-мука?..
Что делать! подожди, пока
Прогонит ветер облака.

«Ох, Саша! полно сокрушаться!
Вот ты закашляешь опять...—
Промолвила старушка мать,—
Ну, в сад пошла бы прогуляться,
Вишь, вечер чудо!» —
«Все равно!
И тут не дурно: вот в окно
Свет божий виден — и довольно!» —

«Глядеть-то на тебя мне больно!
Бледна, вот точно полотно...»
И мать качала головою
И с Саши не сводила глаз.
«Поди ты! сокрушает нас
Старик! над дочерью родною
Смеется... чем бы не жених
Столяр-сосед? Умен и тих.
Три раза сваха приходила,
Уж как ведь старика просила!
Один ответ: на днях приди...
Подумать надо... погоди...
Ты вот что, Саша: попытайся,
С отцом сама поговори,
Чуть будет весел».—
«Дожидайся!
Я думаю, в ногах умри,—
Откажет...»
Мать не отвечала,

Поникнув грустно головой.
«Чуть будет весел... Боже мой!
За что же я-то потеряла
Веселье! Ведь к чужим придешь,
Там свет иной, там отдохнешь;
А при отце язык и руки —
Все связано! когда со скуки
В окно глядишь, и тут запрет!
Уж и глазам-то воли нет!» —

«Все осуждать его не надо,
Известно — стар, кругом нужда,
На рынке хлопоты всегда,
Вот и берет его досада.
Он ничего... ведь он не зол:
На час вспылит, и гнев прошел».—
«Я так... я разве осуждаю?
И день — печаль, и ночь — тоска,
Тут поневоле с языка
Сорвется слово».—
«Знаю, знаю!
Как быть? Живи, как бог велел...
Знать, положе́н таков предел»...

Заря погасла. Месяц всходит,
На стекла бледный свет наводит;
За лес свалились облака;
В тумане город и река;
Не шевельнет листом осина;
Лишь где-то колесо гремит
Да соловей в саду свистит.
Молчат и Саша, и Арина,
Их спицы бедные одне
Не умолкают в тишине.
Как хорошо лицо больное

Старушки сгорбленной! Оно,
Как изваянне живое,
Все месяцем освещено.
В руках на миг уснули спицы,
Глаза на дочь устремлены,
И неподвижные ресницы
Слезой докучной смочены.
Сверкает небо огоньками,
Не видно тучки в синеве,
А у старушки облачками
Проходят думы в голове:
«Без деток грусть, с детьми не радость!
Сынок в земле давно лежит,
Осталась дочь одна под старость —
И эту горе иссушит.
Ну, что ей делать, если свахе
Старик откажет? Как тут быть?
Я чаю, легче бы на плахе
Бедняжке голову сложить!
И без того уж ей не сладко:
Работа, скука, нищета...
Всю жизнь свою, моя касатка,
Что в клетке птица, заперта.
Когда и выйти доведется,
Домой придет — печальней дом...
Глядишь, на грех старик напьется,
О-ох, беда мне с стариком!
Ну, та ль она была сызмала?
Бывало, пела и плясала,
На месте часу не сидит,
Вот, словно колокольчик звонкий,
Веселый смех и голос тонкий
В саду иль в горенке звенит!
Бывало, чуть с постельки встанет,
Посмотришь — куколки достанет,

Толкует с ними: «Ты вот так
Сиди, ты глупая девчонка...
Вот и братишка твой дурак,
Вам надо нянию...» И ручонкой
Начнет их эдак тормошить...
Возьмет подаст им на бумажках
Водицы в желудевых чашках.
«Ну вот, мол, чай, извольте пить!» —
«Уймися, говорю, вострушка».
Отец прикрикнет: «Посеку!»
Бедняжка сядет в уголку,
Наморщит лобик, как старушка,
И хмурится. Отец с двора —
Опять потешная игра.

И мать работу положила,
Печной заслон впотьмах открыла,
Достала щепкой уголек
И стала дуть. Вдруг огонек
Блеснул — и снова замирает.
Вот щепка вспыхнула едва,—
Из мрака смутно выступает
Старушки бледной голова.

III

Уж стол накрыт, и скудный ужин
Готов. Покой старушке нужен,
Заснуть бы время,— мужа ждет;
Скрипит крылечко,— он идет.
Сюртук до пят, в плечах просторен,
Картуз в пыли, ни рыж, ни черен,
Спокоен строгий, хитрый взгляд,
Густые брови вниз висят,
Угрюмо супясь. Лоб широкий

Изрыт моршинами глубоко,
И темен волос, но седа
Подстриженная борода.

«Устал, Лукич? — жена спросила,—
Легко ль, чуть свет ушел с двора!
Садись-ко ужинать: пора!» —

«Не каплет сверху... заспешила! —
Ответил муж.— Успеешь, друг! —
И, сняв поношенный сюртук,
На гвоздь повесил осторожно,
Рубашки ворот распустил,
Лицо и руки освежил
Водою.— Ну, теперь вот можно
За щи приняться».—
«Вишь, родной! —
Старушка молвила.— Не спится!
Всю ноченьку провеселится,
Поди, как свищет!» —
«Кто такой?» —
Ответил муж скороговоркой,
Ломая хлеб с сухою коркой.
«Соловьюшек у нас в саду».—
«Сыт, стало. Коли б знал нужду,
Не пел бы. Мне вот не поется,
Как хлеб-ат потом достается...
Ты, Саша, ужинала, что ль?» —
«Мы ждали вас». —
«Подай мне соль».
Дочь подала.
«За ужин села,
Так ешь! ты что невесела?» —
«Я ничего».—
«Гм... дурь нашла!

Так, так!»

Старушка поглядела

На Сашу. Саша поняла

И ложку нехотя взяла.

«Ох, эта девичья кручина! —

Отец, нахмурясь, продолжал

И мокрой ложкой постучал

Об стол.— Все блажь! Подбавь, Арина,

Мне каши... да! все блажь одна!

Я знаю, отчего она,

Смотри!» —

«Опять не угодила!

За смех — упрек, за грусть — упрек...

Ну, грустно,— что ж тут за порок?

Что за беда?» —

«Заговорила!

Язык прикусишь! берегись!

Вишь ты!..» И жилы напряглись

На лбу отца. Гроза сбиралась.

Но Саша знала старика,

Словам дать волю удержалась,—

И пронеслися облака

Без грома.

Чашка опустела.

Лукич усы свои утер

И, помолившись, кинул взор

На Сашин хлеб. «Ломтя не съела...

Сердита, значит... Прибирай!

Есть квас-то на ночь?» —

«Есть немного».—

«Ну, принеси. Сейчас ступай!» —

«Куда ж идти? Теперь порога

Не сыщешь в погребе: не день...» —
«Ну, ну! пошевельнуться лень!»
Дочь вышла. На лице Арины
Слегка разгладились морщины.
Старик, мол, трезв... Иль он любви
Не знает к детищу родному?
Скажу про Сашу... не чужому...
Что ж! Господи благослови!
И подле мужа робко села.
«Лукич!» —
«Ну, что там?» —
«Я хотела...
Того... с тобой поговорить...
Не станешь ты меня бранить?..»
«За что?» —
«Начать-то я не смею».—
«Ну, ладно, ладно! говори».—
«Вишь, мы вот стары, я болею,
Совсем свалюсь, того смотри,
Обрадуй ты меня под старость —
Отдай ты дочь за столяра!» —
«Обрадуй... что же тут за радость?
Вот ты, к примеру, и стара,
А дура!.. стало, есть причина,
Зачем я медлю... Эх, Арина!
Пора бы, кажется, умнеть!» —
«Как мне на Сашу-то глядеть?
Она час от часу худеет.
Ведь я ей мать!» —
«Повеселеет!
Ты знаешь, девичья слеза,—
Что утром на траве роса:
Пригреет солнце — и пропала».—
«Пусть я отрады не видала,
Хоть ей-то, дочери, добра

Ты пожелай!» —

«В постель пора!
Оставь, пока не рассердился!»
Старушка в спальню побрела.
Там перед образом светился
Огонь. В углу кровать была
Без полога. Подушек тени
Как будто спали на стене.
Арина стала на колени,
И долго, в чуткой тишине,
Перед иконою святою
Слеза катилась за слезою.
Меж тем Лукич окно открыл
И трубку медленно курил;
Сквозь дым глаза его без цели
На кудри яблоней глядели.
«Ну, завтра ярмарка. Авось
На хлеб добуду. Плохо стало!
Ходьбы и хлопотни немало,
А прибыли от них — хоть брось!
Другим, к примеру, удается:
Казна валится, точно клад;
Ты, право, грошу был бы рад,
Так нет! Где тонко, тут и рвется.
Порой что в дом и попадет,
Нужда метлою подметет.
Вот дочь невеста... все забота!
И сватают, да нет расчета:
Сосед наш честен, всем хорош,
Да голь большая — вот причина!
Что честь-то? коли нет алтына,
Далеко с нею не уйдешь.
Без денег честь — плохая доля!
Согнешься нехотя кольцом
Перед зажиточным плутом:

Нужда — тяжелая неволя!
Мне дочь и жаль! я человек,
Отец, к примеру... да не век
Мне мыкать горе. Я не молод.
«Лукич — кулак!»—кричит весь город.
Кулак... Душа-то не сосед,
Сплутуешь, коли хлеба нет.
Будь зять богатый, будь помога,
Не выйди я из-за порога,
На месте дай бог мне пропасть,
Коли подумаю украсть!
А есть жених, наверно знаю...
Богат, не должен никому,
И Саша нравится ему.
Давно я сваху поджидаю».

Так думал он. А ветерок
Его волос едва касался,
И в трубке красный огонек
Под серым пеплом раздувался.
Порой катилася звезда,
По небу искры рассыпала
И гасла. Ночь благоухала,
И белых облаков гряда
Плыла на север. Жадно пили
Росу поникшие листы
И звуки смутные ловили.
При свете месяца кусты,
Бросая трепетные тени,
Казалось, в царство сновидений
Переменились. Меж их ветвей
В потемках щелкал соловей.

Быть может, с детства взятый в руки
Разумной матерью, отцом,

Лукич избег бы жалкой муки —
Как иные, не был кулаком.
Велик, кто взрос среди порока,
Невежества и нищеты
И остается без упрека
Жрецом добра и правоты;
Кто видит горе, знает голод,
Усталый, чахнет за трудом
И, крепкой волей вечно молод,
Всегда идет прямым путем!
Но пусть, как мученик сквозь пламень,
Прошел ты, полный чистоты,
Остановись, поднявши камень
На жертву зла и нищеты!
Корою грубою закрытый,
Быть может, в грязной нищете
Добра зародыш неразвитый
Горит, как свечка, в темноте!
Быть может, жертве заблужденья
Доступны редкие мгновенья,
Когда казнит она свой век
И плачет, сердце надрывая,
Как плакал перед дверью рая
Впервые падший человек!

IV

Еще ребенком, нестесненный
В привычках жизни обыденной,
Лукич безделье полюбил.
Своим Карпушкой занят был
Торгаш, отец его, не много,
Хоть и твердил сынишке строго:
«А вот, господь даст, доживем,

Мы поглядим, каким добром
Воздашь отцу за попеченье.
Тут можно человеком быть:
Сызмала началось ученье —
Псалтырь, и все... тут можно жить!
Я и читать вот не учился,
Да вышел в люди: сыт, обут...»
И под хмельком всегда бранился:
«Ты, дескать, баловень! ты плут!..»
И сына за вихор поймает,
Так, ни за что... «Ну, вот, мол, знай!»
Дерет, дерет — до слез таскает
И молвит: «Ну, ступай, играй!»
А мать свое хозяйство знала,
В печи дрова со счетом жгла,
Горшки да чашки берегла.
И ей заботы было мало,
Когда зимой, по целым дням,
Забросив книжку и указку,
Сынок катался по горам.
Раздолье!.. Легкие салазки
Со скрипом по снегу летят,
На них бубенчики звенят.
«Как смел ты утром не являться?» —
Ему учитель говорил.
«У нас молебен в доме был,
Мне батюшка велел остаться». —
«Ты до обеда где ходил? —
Кричал отец.— Час целый ждали».—
«Учитель не пускал домой:
Зады сидели повторяли...»
Бывало, летнею порой
Тайком залезет в сад чужой,
Румяных яблок наворует,
Тащит их к матери. «Где взял?» —

«А это мне Сенютка дал,
Вот ешь!» И мать его целует:
Поди, мол, родила сынка,
Не съест без матери куска!
Порой грачей в гнезде поймает:
«Эй, Сенька, у меня грачи!
Давай менять на калачи!» —
«Не надо!» — Сенька отвечает.
«Ну, и не надо.. .вот им! вот!» —
И головы грачам свернет,
Парнишку больно оттаскает
И прибежит домой, ревет.
«О чем ты?» — мать в испуге спросит.
«Да вот Сенютка,— сын голосит,—
Моих грачей закинул в ров
И надавал мне тумаков».

Карпушка на ноги поднялся
И все без дела оставался,
Покамест вздумалось отцу
В науку мудрую к купцу
Его отдать. Тут все расчеты —
Торговых плутней извороты —
Он изучил и кошелек
Казной хозяйскою, как мог,
Наполнил. Годы шли. Скончался
Его отец; угасла мать,

Невесту долго ли сыскать?
И сын женился. Распрощался
С купцом; заторговал мукой;
И как по маслу год-другой
Все шло. Но вдруг за пень задело:
Тут неудача, там сплошал...
Спустил, как воду, капитал

И запил: горе одолело!
Искать местечка — стыд большой;
Искать решился — отказали.
А ремеслу не обучали;
Подумал — и махнул рукой:
«Тьфу, черт возьми, да что за горе!
Пойду на рынок поутру,
Так вот и деньги. Рынок — море!
Там рыба есть, умей ловить!
Достанет как-нибудь прожить!»
И с той поры, лет тридцать сряду,
Он всякой дрянью промышлял,
И Лукича весь город знал
По рваным плутням, по наряду,
По вечной худобе сапог
И по загару смуглых щек.

V

Флаг поднят. Ярмарка открыта.
Народом площадь вся покрыта.
На море пестрое голов
Громада белая домов
Глядит стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотом она.
Люд божий движется волнами...
И кички с острыми углами,
Подолы красные рубах,
На черных шляпах позументы,
И ветром в девичьих косах
Едва колеблемые ленты —
Вся деревенская краса
Вот так и мечется в глаза!

Из лавок, хитрая приманка,
Высматривают кушаки,
И разноцветные платки,
И разноцветная серпянка.
Тут груды чашек и горшков,
Корчаг, бочонков, кувшинов;
Там — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса... «Где? Какая дрянь?
Ты вот на ступицу-то глянь!» —
Торгаш плечистый повторяет
И бойко колесом вертит.
А парень крендель доедает,
«Сложи полтину,— говорит,—
Возьму и дегтю, вот мазницы...» —
«Нет, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гаманок-то свой не прячь!» —
Кричит налево бородач.
Здесь давка: спорят с мужиками
За клячу пегую купцы,
И Лазаря поют слепцы,
Сбирая медными грошами
Дань с сострадательных зевак.
Набит битком толпой гуляк
Приют разгула и кручины
Под кровлею из парусины.
«Ох, православные, я пьян!» —
В бумажном колпаке и в блестках,
Кривляясь с бубном на подмостках,
Народ дурачит шарлатан
И корчит рожу... «Как обман! —
Повертывая головою,
Цыган проносится с божбою.—
Коню не двадцать лет, а пять.
Жены, детей мне не видать!»

Веселый говор, крик торговли,
Писк дудок, песни мужичков
И ранний звон колоколов —
Все в гул слилось. Меж тем оглобли
Приподнялись поверх возов,
Как лес без веток и листов.

Лукич на ярмарке с рассвета;
Успел уж выпить, закусить,
Купить два старых пистолета
И с барышом кому-то сбыть.
Теперь он с бабою хлопочет,
Руками уперся в бока,
Лицо горит, чуть не соскочит
Картуз с затылка,— речь бойка.
«Ты вот что, умная молодка,
По сторонам-то не смотри,
Твой холст, к примеру, не находка...
Почем аршин-то? говори».—
«По гривне, я тебе сказала;
Вон и другие так берут».—
«Не ври! куда ты указала!
Там по три гроша отдают!» —
«И, що ты! аль я одурела!
Поди-ко цену объявил!
Купец четыре мне сулил,
Да я отдать не захотела...
Вот он стоит...» —
«Ха, ха! ну так!
Отдай! и ты не догадалась!
Эх, дура! с кулаком связалась!
Ведь он обмеряет, кулак!
А я на совесть покупаю...
Эй, голова! почем пенька?» —
Остановивши мужика,

Он закричал.
«Спасибо! знаю!..» —
«Должно, наш брат учил тебя!» —
Лукич подумал про себя
И снова с бабою заспорил,
Голубушкою называл,
Раз десять к черту посылал
И напоследок урезонил,
Из-под полы аршин достал,
Раз! раз!.. и смерена холстина.
«Гляди вот: двадцать три арши́на».—
«Охма! тут двадцать семь как раз!»—
«Что, у тебя иль нету глаз?
Аршин казенный, понимаешь!
Вот на... не видишь, два клейма!» —
«Да как же так!» —
«Не доверяешь?» —
«Я дома мерила сама». —
«Тьфу! провались ты! я сумею
Без краденой холстины жить!
Глаза, что ль, ею мне накрыть?
Так я, к примеру, крест имею!»
И кошелек он развязал,
На гривну бабу обсчитал
И торопливо отвернулся:
Прощай, мол! верно!.. недосуг!
Пошел было в толпу — и вдруг
С помещиком в очках столкнулся.
«Мое почтенье, Клим Кузьмич!
Не купите ли, сударь, бричку?
Отличный сорт!» —
«Ба, ба! Лукич!
Ты не забыл свою привычку —
Прислуживаешь, братец, всем?» —
«Что делать! сами посудите,

Я тоже хлеб, к примеру, ем...
А бричка дешева-с! купите!» —
«Нет, я на бричку не купец.
Не попадется ль жеребец?
Вот не найду никак, мученье!
А нужен к пристяжным под шерсть —
Караковый».—
«Есть, сударь, есть!
Рысак! А бег — мое почтенье!»
И он прищелкнул языком:
Да-с! одолжу, мол, рысаком!
«Ты плут естественный, я знаю;
Смотри, Лукич! не обмани!» —
«Ну вот-с, помилуйте! ни-ни!
Я вас с другими не сравняю.
Тут... Вам Скобеев незнаком?» —
«Нисколько».—
«Он, сударь, кругом
В долгах: весь в карты проигрался,
Теперь рысак один остался...
Ну, конь! Глазами, ваша честь,
Вот так, к примеру, хочет съесть!
Черт знает, просто загляденье!» —
«Да правда ль?» —
«Недалеко дом,
Коли угодно, заверним,
Посмотрим».—
«Сделай одолженье!
А помнишь ли, купил ты мне
Собаку как-то по весне?» —
«Плохонька разве?» —
«Околела,
Не взял бы черт знает чего!» —
«Охотиться не захотела...
Поможем, сударь, ничего!..

Ах! тут вот есть у офицера
Собака... кличку-то забыл,
Вчера денщик и говорил...
Ну и животное, к примеру:
Брось в воду гривенник — найдет!
Вот вам купить бы».—
«Рад душою!
Но для чего ж он продает?» —
«Что делать станете с нуждою!
Наследство дядя обещал,
А при смерти не завещал,
Есть нечего... семья большая...» —
«А! вот что!» — барин отвечал,
И, гибкой тросточкой играя,
Поглядывал по сторонам
И напевал: «тири-та-рам...»

VI

«Вот-с, двухэтажный, с мезонином...» —
Лукич помещику сказал
И дом Скобеева, аршином
Махнув направо, показал.
«Эй, кучер! соня!»
Кучер плотный,
Бессмысленно разинув рот,
Дремал на камне у ворот.
«Иль ночь-то не спал, беззаботный?» —
Лукич у кучера спросил.
Тот вздрогнул и глаза открыл,
Достал тавлинку из кармана
И сильно в ноздри потянул.
«Где барин?» —
«Ась? А... чхи! Татьяна

Мне говорнла.:. чхн!.. пьет чай». —
«Потнше рот-то разевай!
Вншь, зачнхал. Эх ты, пронятель!
На рысака вот покупатель...» —
«Ну что же, стало, показать?» —
«Ведь не заочно покупать».—
«А барнн?» —
«Выводн, он знает».
И кучер скрылся. «Клнм Кузьмнч! —
Сказал вполголоса Лукнч.—
Сноровка делу не мешает —
Ему на водку надо дать...» —
«Ну, дураку-то!» —
«Как узнать!
Бывает, н дурак годнтся.
Он, рыжнй черт, не постыднтся
И господнну понаврет,
Что наш-де конь нам не подходит
И корм-де впрок ему нейдет.
Ей-богу-с! Этот хамскнй род
Господ частенько за нос водит!»
Помещнк смехом отвечал
И два четвертака достал.
Лукнч в конюшню тороплнво
Вошел н молвнл: «Жнво! жнво!»
В карман свой деньгн опустнл
И кнут у кучера спроснл.
«Вон на стене... не тут... правее.
Статья-то, слышь, не подойдет:
Ведь конь с запалом — заревет».—
«Ты не крутн, держн умнее.
А ну-ка, дорогой рысак,
Подставь бока... Вот так! Вот так!
Прр! Прр! На двор его скорее!..»

И бедный конь через порог
Вдруг сделал бешеный скачок,
Глазами дико покосился
И начал землю рыть ногой.
Лукич, смеясь, посторонился,—
Вишь, дескать, бойкий стал какой!
Помещик подошел. Рукою
Коня по шее потрепал
И с лоском гривою густою
Полюбовался. Холку взял,
Поправил набок. Осторожно
Ощупал ноги, мышки, грудь
И молвил: «Надобно взглянуть
На зубы». — «Очень возможно»,—
Кудрявый кучер отвечал
И зубы рысаку разжал.
«Э! Конь-то молодой! три года...
Лишь стал окраины ронять...
А ну, нельзя ли пробежать?
Стой! стой! Да, недурна порода!» —
«А бег-то, бег-то, Клим Кузьмич!
А шея! — говорил Лукич, —
Позвольте-с, вот и сам хозяин».

Хозяин был румяный барин,
С усами, с трубкою в руке,
В фуражке, в черном сюртуке,
Со знаком службы беспорочной,
Обриг отлично, сложен прочно,
Взгляд строг, навыкате глаза
И под гребенку волоса.

«Скобеев, сударь. Честь имею...
А вы-с? коли спросить я смею...» —
Он покупателю сказал.

«Долбии, помещик. Я узнал,
Что рысака вы продаете...» —
«Так точно». —
«Дорого ль возьмете?» —
«Позвольте в дом вас попросить».—
«Зачем же? можно тут решить».—
«Четыреста. Коию три года».—
«Я видел. А чьего завода?» —
«Орловой».—
«Дорого-с. Не дам.
А вот за триста — по рукам» —

«Я ие торгаш, предупреждаю.
Три с половииою дают,
Прийти хотели — и придут».
«Все врет! — Лукич подумал.— Знаю...»
И молвил: «Я и приводил».—
«Ну, ну!» — Скобеев перебил.
«Я ие обидел вас словами;
Что ж! наше дело сторона.
Не дорогая, мол, цеиа,
Я вот что...» — и старик руками
Развел.

Хозяии был упрям,
И плохо подвигалась сделка.
«Ударьте, сударь, по рукам! —
Лукич, как бес, шептал украдкой
Помещику.— Ведь дело гадко!
Скобеев спятится вот-вот...
Коичайте! сотня не расчет!»

Долбин стоял в недоуменье,
Поглядывал на рысака:
Картниа коиь! на старика,—
Тот весь дрожал от нетерпенья:

Усами шевелил, мигал,
К карману руку прикладал...
Не прозевай, мол! что ты смотришь?
Покаешься, да не воротишь.
Мне что! я не желаю зла...»
И сделка кончена была.

Кому не свят обычай русский!
И вот за водкой и закуской
Скобеев и Долбин сидят.
Червонцы на столе звенят;
Лицо хозяина сияет;
Он залпом рюмку выпивает,
Остатки в потолок — вот так!
Дескать, попрыгивай, рысак.
Долбин поморщился немного,
Но тоже выпил. У порога
Лукич почтительно стоял
И очереди ожидал;
Хватил и молвил: «Захромаю
С одной-с...»
Скобеев не слыхал,
Беседу с гостем продолжал:
«Так вот что, Клим Кузьмич! Я знаю
Именье ваше... проезжал...
Земли довольно...» —
«Рук немного!
Душ тридцать. Впрочем, не беда:
На месячние все». —
«Ах, да!
Мысль недурна».—
«Но надо строго
Следить. Внимательность нужна».—
«Ленятся?» —
«Ужас! Разоряют!

Заставишь сеять, семена
За голенища засыпают,
Порою в землю зарывают!» —
«Неужто?» —
«Просто нет души!
Хоть кол на голове теши,
Не убедишь!.. Я раз гуляю,
Гляжу — нырнул мальчишка в рожь...
Э! погоди, мол, не уйдешь!
И что же, сударь, открываю?» —
«Ну-с?» —
«Он колосья воровал!
Шапчонку верхом их набрал!
На что, мол? Хлопает глазами
Да хнычет».—
«Этакой разврат!
Ужасно! и отцы молчат?» —
«Нашли тут! научают сами...
Не наедятся, черт возьми!
Что хочешь, как их ни корми!» —
«Вот саранча!» —
«Да-с! наказанье!
Вы как? на службе?» —
«Да... служил...
В комиссии под лямкой был». —
«Так... Вышли?» —
«Родилось желанье
Окончить, знаете, свой век
Покойно: грешный человек,—
Устал трудиться».—
«Ох, создатель! —
Лукич подумал.— Вот и верь!
Не скажет ведь, за что теперь
Он под судом... хорош приятель!
Давно ль деревню-то купил?

А говорит — под лямкой был».
Помещик встал и распростился.
Он к воротам, Лукич вослед.
«За труд, сударь»,— и побожился:
Коню-то ведь цены, мол, нет.
«Вот два целковых».—
«Что вы-с, мало!
Как можно! это курам смех!
Гм... время, значит, так пропало...» —
«Ну сколько же?» —
«Да пять не грех».
Долбин заспорил.
«Воля ваша,
Хоть не давайте ничего!
Мы, стало, служим из того...
А все, к примеру, глупость наша:
Добра желаешь». —
«Эх, какой!
Один прибавлю! Да! постой!
Насчет собаки...» —
«Что ж, извольте!
Оно вы скупы, да пойдемте:
Я не сердит, служить готов».—
«Теперь я занят».—
«Мы с двух слов!» —
«Нет, нет! до завтра. Срок не долог».—
«Упустим: час в торговле дорог!» —
«Пустое! Кучер! эй! за мной!
Веди коня!» —
«Ну, бог с тобой! —
Лукич подумал.— Заскупился.
Вот покупатель-то явился!
Ведь с виду смотрит молодцом:
Очками, тростью щеголяет
И на спине колпак с махром

Черт знает для чего таскает;
А хорошенько разберешь —
Выходит так себе... как глина,
Что хочешь из нее сомнешь.
Эх, плачет по тебе дубина!
Добру сумела б научить,
Да некому дубиной бить!
Не то дурак... развесил уши.
Разинул рот и верит чуши,
Скобеев будто задолжал,
Все, значит, в карты проиграл.
Как раз! Ему и проиграться!
Да он удавится за грош!» —

«Эй, старый хрыч! кого ты ждешь?
Пора всвояси убираться!» —
С крыльца Скобеев забасил.
Лукич за козырек хватился,
Картуз под мышку положил
И молвил: «Ну, сударь, трудился!
Весь лоб в поту!» —
«Платок возьми,
Утрись».—
«Утремся. Я детьми
За вашу клячу-то божился,
Не грех за хлопоты мне взять».—
«Вишь, старый шут, чем похвалился!
Я б без тебя сумел продать.
Взял с одного, ну, знай и меру...
А много заплатил Долбни?» —
«С него возьмешь! хоть бы алтын,
Такая выжига, к примеру!» —
«Все лжешь!» —
«Бывает, что и лгу,
А перед вами не могу:

Не хватит духу».—
«Это видио!..
Я б дал, ием мелочи в дому».—
«Да ие шутите, сударь, стыдио!» —
«Не забываться! рот зажму!» —
«Благодарим. Не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть?» —
«Взял с одиого, ты с барышами —
И полио!» —
«Что и говорить!
Вот щедрость! Гм!.. мое почтеиье!
Остаиься с рюмкою виих...
Ну, дорогое угощеиье!» —
«Вишиевка. Как? ведь ие дуриа?» —
«Хоть рубль-то дайте!» —
«Чести миого,
Пожалуй, иа вот четвертак».—
«Себе возьмите, коли так!
Эх, барии! ие боишься бога!» —
«Я говорил тебе — молчать!» —
«Потише! можио испугать!..
Ои четвертак, к примеру, выиул,
Вишь, умиик, дурака иашел...»
И свой картуз Лукич иадвииул,
С досады плюиул — и ушел.

Горят огии зари вечерией.
В тумаие прячутся деревии,
И все темией, темией вдали.
За пашиями, из-под земли,
Выходит пламя полосами
И иачииает тут и там
Красиеть по темиым облакам,
По сииеве иад облаками,
И смотришь — иеба сторона

14*

Висит в огне потоплена.
Сквозь сумрак поле зеленеет;
Угрюмо на краю небес
Насупился кудрявый лес;
Едва приметный, он синеет,
Как будто туча приплыла
И в поле ночевать легла.
Соха на пашне опочила,
Дорожка торная мертва,
Вдруг начал перепел: вва! вва!
И смолк.
Но пыль, как дым, покрыла
Весь город; так и ест глаза!
Д(ворянско)й улицы краса,
Поникли тополи печально,
Наводит грусть их жалкий вид,
На стеклах кое-где горит
Зари румяной луч прощальный,
Напоминая цвет лица
Полуживого мертвеца.
Угрюмо смотрит с тротуара
Чугунных пушек ряд немой,
Угрюмо ходит часовой
На каланче и — весть пожара —
И днем, и ночью черный флаг
Готов он вздернуть. Что ни шаг —
Все вывески. Вот подъезжает
Телега; вдруг, как из земли,
Рука и палка вырастает;
Телега скрылася вдали.
Уже прохладен воздух сонный
И месяц отражен рекой,
Но камень, солнцем накаленный,
Доселе тепел под ногой.
Лукич в свой домик возвращался.

Прищурнв мутиые глаза,
Он шел один, без картуза,
И снльио в стороны шатался,
И вслух иесвязио бормотал:
«А вам-то что? Вы что такое?
Вншь, уминкн! ну, погулял!
Ведь на свое, не иа чужое!..
Слышь, Клнм Кузьмнч! каков рысак?
Плохоиек? ну, вперед наука!
На то, к примеру, в море щука,
Чтоб не дремал карась... да, так!
Ты вернл на слово, и ладно;
Выходнт дело, ты н глуп!
А мие-то что? Мне ие иакладио,
Мне благо, что купец не скуп.
Э! А собаку-то, прнятель!
Молчишь... серднт за рысака...
Да, ты теперь не покупатель,
И ие нуждаюся пока.
Да где я?.. Что за чертовщнна!
Постой-ка, осмотрюсь кругом...
Я помню, от угла мой дом
Четвертый... экая причииа!
Дай сосчитаю: вот однн,
Другой и третий... больше нету...
Тут пустошь и какой-то тын...
Да как же прежде пустошь эту
Я здесь ии разу не видал?..
Тьфу, пропасть! ннчего не зиаю!
А! Догадался! понимаю!
Не в эту улицу попал».

VII

Арине сердце предвещало,
Что пьян и грозен муж придет;
Чуть раздавался скрип ворот,
В озноб и жар ее кидало.
Свеча горела. За чулком
Грустила Саша под окном.
Заботам чужд, как уголь, черный,
Не унывал лишь кот проворный:
Клубком старушки на полу
Играл он весело в углу.
«Иду!..— раздался на крылечке
Знакомый крик.— Огня подать!»
И Саша бросилася к свечке,
Отца готовая встречать.

Дверь распахнулась — он явился:
Лоб сморщен, дыбом волоса,
Дырявый галстук набок сбился,
И кровью налиты глаза.
«Без картуза!» — всплеснув руками,
Старушка молвила.
«Молчать!
Я дам вам дружбу с столярами!
Тсс!.. смирно!.. рта не разевать!..» —
«Постойте! — Саша говорила.—
Я вас раздену».—
«Раздевай!
Ну, да! и галстук... все снимай!..
А ты о чем вчера грустила?» —
«Так, скучно было».—
«Врешь! не так!
Ты думаешь, отец дурак...
Целуй мне руку!»

Дочь стояла
Недвижно; только по лицу
Сквозь бледность краска выступала
«Не стою?.. А! поцеловала!
Противно, значит... да! отцу!
Едва губами прислонилась!» —
«Ну, началось!» — сказала дочь
И отошла с досадой прочь.
«Разуй меня! куда ты скрылась?»
Но Саша медлила.

«Идешь?..
Ну, ладно. Тише! что ты рвешь!
Не надо!» —
«Полно издеваться!
Давайте!» —
«Цыц!» —
«Ведь брошу!» —
«Как?
Ну, брось!.. ну, брось!.. отец дурак,
Ну что ж? Не грех и посмеяться...
А я заплачу... не впервой...
Вот плачу... смейся! Бог с тобой!» —
«Да ляг!» — промолвила старушка.—
Хоть тут — на лавке. Вот подушка».—
«Чего? учи-ко дочь свою!
А я вот песню запою:

Лучина...» —

«Полно, старичина!
Грешно! какая там лучина!» —
«Молчать! я хлеба мало ел!
Вот это кто добыть умел?»
И серебро свое он вынул
И по полу его раскинул.

«На что ж бросать-то?» —
«Стой, не тронь!
Не подбирай! туши огонь!» —
«Да ляг! потушим!» —
«А! потушишь!
Украсть хотите? нет, постой!» —
«Из-за чего ты нас все крушишь?
Ну, пьян, и спал бы, бог с тобой!» —
«Кто пьян? Ты мужу так сказала?
Куда? не спрячешься! найду!» —
«Оставьте! — Саша умоляла.—
Она ушла, ушла!.. в саду».—
«Прочь от двери! ты что пристала?
А кто тебе вот это сшил? —
И дочь он за рукав схватил.—
Ну, что ж, к примеру, замолчала?»
У Саши загорелся взор,
И все лицо, что коленкор,
Вдруг побелело. «Не кричите!» —
«Кто сшил?» —
«Сама!» —
«Вот раз! вот два!»
И половина рукава
Упала на пол.
«Рвите! рвите!
За то, что для себя и вас
За делом не смыкаю глаз!
За то, что руки вам целую
И добываю хлеб иглой,
Или, как нынче, в ночь глухую,
Вот так терплю!.. И вы родной!
И вы отец!»
Старик смутился,
Как ни был пьян, но спохватился
И плюнул дочери в глаза,

И верно б грянула гроза,
Но Саша за отцом следила:
Вмиг от удара отскочила
Назад — и бросилася вон.

Лукич в сон крепкий погружен.
Свеча погасла. Все сидели —
И мать, и дочь — в саду густом,
И звезды радостным огнем
Над головами их горели.
Но грозно, в синей вышине,
Стояла туча в стороне;
Сверкала молния порою —
И сад из мрака выступал,
И вновь во мраке пропадал.
Старушка робкою рукою
Крестилась, вся освещена
На миг, и, пробудясь от сна,
На ветке вздрагивала птичка,
А по дворам шла перекличка
У петухов.
                    «Не спишь, дитя? —
Старушка молвила, кряхтя.—
Я что-то зябну... ох! поди-ты,
Как грудь-то больно!» —
                                        «Вот платок;
Покройтесь».—
                              «Что ты, мой дружок!
И будут у самой открыты
До света плечи!» —
                                  «Мне тепло».—
«Нет, нет! не надо! все прошло!»

Но дочь старушку убедила
И грудь и шею ей покрыла

Платком. Сама, как часовой,
Бродила по траве сырой.
Прогулка грустиая ие грела
Ее продрогиувшего тела.

Тут горе... горе впереди,
Теперь и прежде... и в груди
Досада иа отца кипела.
Потрясеиа, раздражеиа,
Вдыхала с жадиостью оиа
Холодиый воздух, хоть и зиала,
Что без того больиой лежала
Не так давио. Теперь опять
Хотела слечь — и виовь ие встать.

В саду зелеиом блеск и теии,
На солице искрится роса;
Веселых птичек голоса
Перекликаются в сиреии;
Прохлада свежая давио
Плывет в открытое окио.
Старушка стекла вытирает.
Под потолок пуская пар,
Кипит иагретый самовар,
И Саша чайиик иаливает,
Сидит с поиикшей головой,
Подпертой белою рукой.

И вот Лукич от мух просиулся,
Зевиул, лециво потяиулся,
Взгляиул иа стол — там серебро;
Проверил — цело; иу, добро!
Он вспомииал, хоть и иеясио,
Что пошумел вчера напрасно;
Ну, мол, беда иевелика,

Не тронь, уважут старика.
«Ох, голова болит, старуха!
А что, вчера я смирно лег?» —
«Чуть не прибил нас. Видит бог,
За что? Такая-то сокруха!
И понаслушались всего...» —
«Гм! жаль! не помню ничего».—
«В саду сидели до рассвета...
Грешно, Лукич! В мои ли лета
Так жить!» —
«Ну, ну! не поминай!
Ты пьяного не раздражай.
Давай-ко поскорее чаю,
Быть может, голова... того...
А я жду сваху».—
«От кого?» —
«Про это я, выходит, знаю.
Что думал, сбудется авось».—
«Смотри, тужить бы не пришлось...
И-их, старик!» —
«И-их, старуха!
Не забывается сосед!
Ведь я сказал, к примеру: нет!
Ну, плеть не перебьет обуха!» —
«Мне замуж, батюшка, идти»,—
Чуть слышно Саша отвечала,
И с чаем чашка задрожала
В ее руке.
«Ты без пути
Того... не завирайся много!» —
«Я правду говорю».—
«Ну, врешь!
Велю — за пастуха пойдешь».
И, поглядев на Сашу строго,
Отец прибавил: «Да, велю.

И баста! споров не люблю».—
«Конечно, так. Я кукла, стало,
Иль тряпка... и куда попало
Меня ни бросить, все равно,
Под лавку или за окно».—
«Да что, к примеру, ты в уме ли?
Ты с кем изволишь рассуждать?» —
«Вот если б эту чашку взять
Разбить, вы верно б пожалели!» —
«Ну, что ж из этого?» —
«Да так,
Вы сами знаете — пустяк:
Вам чашка дочери дороже».—
«Смекаю. Ты-то за кого
Меня сочла? За куклу тоже?
Да ты от взгляда моего,
Не то что слов, должна дрожать!
А ты... ты хлебом попрекать
Отцу! Ты что вчера сказала?
Для вас, дескать, моя игла...» —
«Я виновата, попрекала.
Да если б камнем я была,
Тогда б промолвила! Ведь горько!
Иной собаке лучше жить,
Чем мне: ее не станут бить,
Гнать из конуры...» —
«Дальше!» —
«Только!
Что ж, мало этого?» —
«Молчать!
И слышишь ты, не поминать
Соседа! моего порога
Не смей он знать! Вишь, речь пошла!
Благодари, к примеру, бога,
Что у тебя коса цела!»

Старушка вышла из терпенья.
В душе за дочь оскорблена,
Все слезы, годы униженья,
Все горе старое она
Припомнила — и побледнела,
И мужу высказать хотела,
Какой, мол, есть ты человек?
Крушил жену свою весь век
И крушишь дочь. Побои, пьянство...
Ведь это мука, мол! тиранство!
Ты в этом богу дашь отчет!..
И не решилась. Нет, нейдет:
Вспылит. Немного помолчала
И грустно дочери сказала:
«Пей, Саша, чай-то: он простыл.
Что ж плакать!» —
«Гм! ей чай не мил.
Сгубил сосед твою голубку,
Заплачь и ты, — оно под стать!» —
Промолвил муж и начал трубку
Об угол печки выбивать.

Меж тем в калитке обветшалой
Кольцо железное стучало.
Лукич прислушался: «Стучат,
Под чай, к примеру, норовят...»
В окно Арина поглядела:
«Старуха чья-то... Ох, Лукич,
Не сваха ли! кому опричь!» —
«Что ж! примем». Саша побледнела.
Отец на кухню указал
И Саше выйти приказал.
Она не трогалася с места.
«Опять упрямство! слышь, невеста,
За косу выведу, гляди!» —

«Иди, душа моя, иди! —
Сказала мать.— Ох, мука, мука!» —
«Ну ну! не мука, а наука...
Вас плетью нужно б обучать».
И он сюртук стал надевать.

VIII

Дверь заскрипела, отворилась,—
И гостья, кашляя, вошла,
Святым иконам помолилась
И чуть не в пояс отдала
Поклон хозяину с хозяйкой.
На гостье был наряд простой:
Покрытый синею китайкой
Шушун, кокошник золотой
И сарафан. Взгляд ястребиный,
Лукавый. На лице морщины,
И тонкий нос загнут крючком.
«Челом вам, золотые, бьем!
Здоровы ли, мои родные?
Ну, жар! насилу доплелась!
Да пыль от ветра поднялась,—
Измучилася, золотые!» —
«Садись-ко, матушка, садись, —
Сказал Лукич,— вот чашка чаю...» —
«Давай, родной. Уста спеклись.
Шестой десяток доживаю.
Насилу бродишь. Ну и жар!» —
«Жена, долей-ко самовар.
Приветим гостью дорогую,
Чем бог послал».—
«И-и, родной!
Приветь хоть лаской-то одной
Да потрудясь на речь простую

Мне, старой бабе, отвечать».—
«Изволь. Послушаем, в чем дело».—
«Кажись, вам времечко приспело
Живой товар свой с рук сбывать;
Есть у меня купец: не знаю,
Хорош ли будет он для вас».—
«А! понимаю, понимаю!
Товар, к примеру, есть у нас,
Да кто купец-то?» —
                                «Тараканов,
Тарас Петрович».—
                                «Это он! —
Лукич подумал.— В руку сон!
Его и ждал».—
                                «Пять балаганов
Своих на рынке... голова!» —
«Прибавила. И всех-то два».—
«И, нет!.. Красавец! и бровями,
И темно-русыми кудрями,
Всем взял! хоть в рамку, золотой!» —
«Нам красотой не любоваться!
А был бы с умной головой,
Умел бы делом заниматься,—
Вот это лучше красоты!» —
«Ох, батюшка, ума — палата!
А дом-ат — поглядел бы ты,
Уж нечего!.. не наша хата!
Пять комнат, сударь мой, простор!
На окнах белые гардины,
В простенках разные картины,
А двор-то, что это за двор!
Кругом дубовые амбары,
И лес старинный, прочный лес!
В одном углу большой навес,
В амбарах всякие товары...

Что, золотой, и говорить:
Добра возами не свозить!» —
«Ну, тут прикрасы не у места;
Ты о приданом речь веди».—
«Речь о приданом впереди,
Для жениха нужна невеста.
Ее он видел как-то раз,
Да на вот! кругом закружился!
И хлеба, золотой, лишился,
И ночью не смыкает глаз —
Все ею грезит! Да и мне-то
Совсем покою не дает;
Тут мочи нет, а он придет,
Все умоляет: как бы это
Сходила ты к невесте в дом
Поговорить с ее отцом?» —
«Ну, да, однако, что же надо?» —
«Так, что-нибудь, хоть для обряда:
Четыре головных платка,
Ну-с... три-четыре перстенька,
Три нитки жемчугу на шею
(Уж много я просить не смею),
Салоп на беличьем меху,
Сукна на чуйку жениху,
Три шали, восемь платьев новых,
Кровать, комод и самовар,
Ну-с... чайных чашек пять-шесть пар
И — денег, сударь, сто целковых».—
«Выходит дело, не взыщи!
С приданым эдаким, где знаешь,
Иную девушку ищи».—
«И, золотой, ты обижаешь!
Ты покажи товар купцу;
Нельзя: такое заведенье!
Не сразу торг, не вдруг решенье,

Сказать: здорово — и к венцу».—
«Ну, да! вот эта речь умнее!
Смотрушки завтра. Попоздиее
Прошу покорио вечерком
Пожаловать к нам с женихом».—
«Всенепременно. Ваши гости.
Поверншь ли, что я скажу?
Состарились мои все кости,
Лет тридцать свахою хожу,
И счет-то свадьбам потеряла,
А и доселе, мой родиой,
Все, для кого я хлопотала,
Остались довольны мной.
Кому какой талан от бога!
Зато, куда ведь ии придешь —
И ласку, и хлеб-соль найдешь...
Одним нехорошо немного:
Иные выжиги за труд
По уговору не дают.
Ну, им и достается горько:
Начнешь по городу звонить,
То тем, то сем их обносить —
И свадьба врозь! да мне-то только
От этих выжиг барыша!» —
«Ох, свашенька, моя душа,—
Хозяйка, сморщившись, сказала,—
Не грех от этаких затей?» —
«И, нет, родная! я слыхала
(Старшой мой сын-то грамотей,
Над Библией и засыпает):
За око — око!.. Вот ведь что!
Коли тебя обидел кто,
Не кланяйся: не подобает!»
Лукич любил потолковать.
И у него вплоть до обеда

Со свахой длилася беседа.
Дочь надо замуж выдавать
Умно, дескать. Смотри тут в оба!
Тут думай думу не шутя:
Не шашка — кровное дитя,
Дашь промах раз — беда до гроба!
Но сваха не была плоха.
Да, да! рассказывай, мол, сказки!
И не жалела яркой краски,
Рисуя бойко жениха.

IX

Покамест гостья толковала,
Невольно Саша ей внимала,
И, едкой горечи полна,
Рукою трепетной она
Взялась за дверь; была готова
Ее нежданно отворить,
Явиться пред отцом и снова
Отказ от брака повторить.
Старик вспылит. В пылу досады
Не будет от него пощады...
Что ж! так и быть! Но, боже! мать
Грозой семейной испугать,
Заставить плакать... разве мало
Она слез горьких пролила?
У Саши силы недостало,
И глупым бредом назвала
Порыв свой девушка.
Как сладко
В саду малиновка поет!
И как не петь! в глуши живет,
В кусте гнездо свила украдкой,
В гнезде малютки... любо ей!

Мир божий светел. Над землею
Раздолье утренней порою
Купаться в золоте лучей.

Весна, весна! души отрада!
Блестит на солнце зелень сада,
В избытке жизни каждый лист
Трепещет. В чаще писк и свист,
В траве жужжанье. Дятел цепкий,
По иве ползая, стучит;
Вокруг его сухие ветки
Торчат, как пальцы. Грач глядит
Лукаво с вековой березы;
Там крик галчат на дне дупла,
Тут в чашечку душистой розы
Вползает желтая пчела
За медом. Ветерка дыханье
Едва касается травы,
Над головою дня сиянье
И ширь бездонной синевы.

Но вот и Саша. Торопливо
К плетню соседскому идет,
Сама рукой нетерпеливой
То сломит ветвь, то отведет.
Порою яркими лучами
Ей солнце брызнет на плечо,
Пригреет щеку горячо,
Меж тем неслышными шагами
За нею тень ее спешит.
Плетень все ближе. Он увит
Весь хмелем. Девушка подходит,
Кудрявый хмель рукой отводит
И на соседский двор глядит.
Он пуст. Зеленая крапива

На зное нежится лениво,
Да у крыльца кусок стекла
Сверкает. Даром ты пришла,
Бедняжка! не видать соседа!
И ждать нельзя: пора обеда.
Старушка дочь свою зовет:
«Иди, иди! отец, мол, ждет!»

Лукич был весел и за щами
Шутил над Сашей и женой:
Вот, дескать, скоро пир честной...
«Готовьтесь! погуляем с вами!»
Дочь шуток вынесть не могла
И за водой с двора ушла.

Полдневный воздух жаром пышет.
С открытой грудью спит, не дышит
В постели светлая река.
На желтой полосе песка
Белеет камень. Одиноко
За белым камнем грач сидит,
Крыло повисло, клюв раскрыт.
Покрытый влажною осокой,
К крутому берегу прирос
Недвижной лодки черный нос.
Вдали барахтаются смело
Мальчишки. Весело волне
Ласкать их молодое тело...
И видны головы одне
Да руки крикунов. Толпою
Идут коровы к водопою;
Усталый, щелкая кнутом,
Пастух тащится босиком,
В рубашке.
Саша отдохнула

У камня. Тихо и жара...
Воды прозрачной два ведра
С краями вровень зачерпнула —
И оглянулась. «Где ж он был?»
Столяр навстречу к ней спешил.

Сосед-столяр высок и строен,
Не очень смугл, не слишком бел,
Веселый взгляд его спокоен
И простодушно тверд и смел;
В обтяжку казакин из нанки,
Рубашка красная чиста;
Не в тяготу ему рубанки
И не в кручину беднота.

«Вот, Саша, встреча-то! здорово!
Эх, место дрянь! народ вон есть...
Поцеловал бы... право слово!
Ну, жаль! глаза б ему отвесть,
Да не умею».—
«Горя много,
Не до того...» —
«О чем грустить?
Что горе? в горе бог помога;
Век горевать, так что и жить!» —
«Куда ходил?» —
«Да тут скончался
Старик знакомый. Там сирот!..
Нет гроба... голосьба идет...
Я приготовить обещался,
Теперь снял мерку. Жаль до слез!
Спасибо, есть готовый тес...
Ну, что отец?» —
«Терпеть устала!
Невмочь!» — и Саша рассказала

О свахе.
«Эдакой старик!» —
И головой столяр поник,
Подумал — и встряхнул кудрями.
«Все вздор! не надо унывать!
Поверь, все кончится словами...» —
«Да, хорошо! легко сказать!
Защита где? Отец-то волен...
Смотрушки завтра. Он сказал,
Чтоб ты двора его не знал».—
«Вот человек! упрямством болен!
Ведь за тобою у него
Не требую я ничего...
Я беден! этого боится?
Так мой топор не залежится;
Отнимется одна рука,
Вот есть другая... без куска
Сидеть не станем».—
«Это знает
Он сам».—
«Так что и горевать!» —
«Нет, Вася, сердце предвещает,
Что нам в разлуке свековать!» —
«В разлуке! господи помилуй!
Да разве твой отец палач?» —
«Хоть заживо ложись в могилу,—
Он не дрогнет!» — «Ну, рвись и плачь,
Проси, покуда станет силы,
Речей и слез!» —
«Все так, мой милый!
Все это было, и не раз...
Ты знаешь, он каков у нас?
Жаль мать, не то — хоть утопиться:
Попрек, ругательство да спор..» —
«Ну что ж, теперь и согласиться?

Подставить шею под топор?..
Послушай: старику известно,
Что я не плут и в слове тверд.
Ему, наверно, вот что лестно —
Жених богат... Лукич ведь горд!
Ну, и расчет: он, мол, надежа
В нужде, то есть... так помогу,
Мой друг, и я. Ей-ей, не лгу!
Хлеб надобен — возьми! Одежа —
Дам и одежу! пусть лежит
Хоть на печи, все будет сыт!
Скажи ему».—

«Он посмеется,
А смех во зло меня введет...
Ты не поверишь,— сердце рвется,
Когда он под хмельком придет
Да зашумит! Сама ведь знаю,
Что грубость — грех; не утерплю,
Забудусь. После проклинаю
Себя же... Я его люблю,
Да что... недостает терпенья!» —
«Эх, руку б дал на отсеченье,
Да не поможешь!.. мой совет —
Поудержись: грубить не след.
Что делать! более терпела,
Дождемся счастья...»

Но грустна
Стояла Саша. Дум полна,
На воду тихую глядела
Глазами мутными она.
Лазурь небес там отражалась;
Река, свободна и светла,
Ее приветливо, казалось,
В свои объятия звала.

X

Мерцают звезды. Город сонный
Как будто вымер,— так он тих!
Сквозь сумрак камни мостовых
Белеют смутно. Месяц полный
Свободу дал своим лучам:
По крышам лазят, по стенам;
Один в окно слезу подметит,
Другой, как хитрый чародей,
В тюрьму проникнет без ключей
И цепь колодника осветит;
Неслышно церковь навестит,
Оклад икон посеребрит;
Не зная страха и запрета,
Войдет в алтарь, осмотрит пол,
Скорбящий лик владыки света,—
И дерзко ляжет на престол.
Иль в чащу сада проберется,
По темной зелени блеснет,
Росинку на листе найдет —
Росинка искрою зажжется.
Порой по улице пустой
Бессонный сторож молча ходит
И в доску бьет, и эхо вторит;
Тень позади на мостовой
Махает, как и он, рукой.
И снова тихо... Звезд сиянье
Так чудно! Вдруг в лицо пахнет...
Что это? Ветерка дыханье,
Иль духа горнего полет?
Спит божий люд. Столяр доселе
Не успокоился в постели.
Лежит он подле верстака,
Отделкой гроба утомленный;

Подушка — локоть обнаженный,
Под локтем — жесткая доска.
Печально смотрит мастерская:
Смолистый запах изливая,
Белеют стружки на полу,
Сосновый гроб стоит в углу,
Топор в березовый обрубок
Воткнулся носом. На стене
Чернеет старый полушубок.
Пила при трепетном огне
Блестит и меркнет. На скамейке,
В платке и желтой душегрейке,
Семьи сварливая глава,
Сидит дородная вдова
И молча карты раскладает:
Про сына брак она гадает.
Но сбивчив глупый их ответ:
То выйдет — да, то выйдет — нет.
Вот, например: печаль, дорога,
Постель больная, интерес...
Да тут и навык не помога,
Бог знает,— просто темный лес!
Меж тем с гремушкою в ручонке,
До вечера проспавший днем,
В штанишках, в синей рубашонке,
По стружкам скачет босиком
Ее сынишка краснощекий,
И, православных изб жилец,
Известный на Руси певец,
Сверчок стрекочет одиноко
Под печью.

«Вот,— сказала мать; —
Вот пиковый король... постылый:
Он твой злодей, мой Вася милый,

Посмотришь, свадьбе не бывать,
Ни, ни! я прежде это знала:
Намедни, помнится, во сне
Все бисер да жемчуг низала —
И доведется плакать мне».

Сын улыбнулся беззаботно,
Не слишком доверяя снам,
Одной надежде безотчетно
Он предавался: «Пусть упрям
Старик-сосед, все знает бога...
Ну, будет, ведомо, тревога:
Лукич браниться молодец,
Да все же детищу отец,
Не камень... сжалится... Но диво,
Что ноет сердце так тоскливо...»
И тяжело столяр вздыхал,
В раздумье кудри расправлял.

«Мне то досадно,— мать сказала,—
Что Лукичу я уважала!
Давно ль жена его у нас
Брала утюг... дескать, на час,
Два дня держала,— я ни слова,
Я поделиться, мол, готова
С соседом! Сальную свечу
Взаем на Красной горке взяли
И до сих пор не отдавали...
Ништо! покуда помолчу...
А если он нас одурачит,
Я за себя не поручусь,
Ни, ни! я так с ним расплачусь,
Что любо!» —
«Это ссора, значит!..—
Ответил сын,— беды-то нет,

Без шума дело обойдется».—
«Как свистнешь, так и отзовется.
Мне эдак дорог твой сосед,
Что вон немытая тряпица...
Ну, Саша, точно, не в него:
Скромна, работать мастерица...» —
«И недурна?» —
«Да, ничего».—
«А ну-ко, Ваня, плясовую!» —
«Какую, братец? А? Какую?» —
Мальчишка весело спросил
И ножками засеменил.
Столяр запел:

Как у нас во садочку,
Как у нас во зеленом...
Люшеньки-люли!..

Вдова смеялась
На пляску. Песня продолжалась
Недолго. Сердце столяра
Опять заныло. «Спать пора,
Оставь-ко, Ваня!» —
«Право слово,
Я ничего! я не устал!»
Но брат не слушал и молчал.
И принялась за карты снова
Вдова. Кудрявый Ваня сел
На лавку и в окно глядел.
«Эх, как звезда-то покатилась!
Смотрите!» — вдруг он закричал.
Столяр с улыбкою сказал:
«Лови!» Вдова перекрестилась.
«Знать, умер кто... Кто ни умрет,
Так, говорят, звезда спадет...
Э, Вася! я и не спросила:

За гроб-то дорого ль ты взял?» —
«Да как сказать... Не в этом сила.
Ведь я покойника-то знал.
Чудак! Он жил в своем домишке,
Так — в старой мазанке! Ходил
Зимой и летом в халатишке,
Щеглов, чижей, синиц ловил.
Бывало, раннею зарею
В лес проберется с западнею
Да с сетью — холод нипочем.
Расставит сеть, а с птицей клетку
На сук повесит иль на ветку
И настороже за кустом
Дрожит в снегу... Одну заботу,
Покуда кончился, имел:
Не вовремя, мол, заболел,
Теперь — вот в лес бы, на охоту...
Стал умирать, как закричит:
«Жена! пусти на волю деток!» —
«Каких там деток?» — говорит.
«Моих-то вон, моих! из клеток!» —
«Каких на свете нет людей!
И твой отец чудил немало
(Ты в люльке был тогда); бывало,
Чуть свет — гоняет голубей.
Бедняжки с крыши встрепенутся,
Куда! под облака взовьются!
Ему-то радость! вверх глядит,
А сам свистит! а сам свистит!»

Столяр задумался печально.
Давно ли в этой мастерской
Лежал отец его больной?
Он вспомнил взгляд его прощальный,
Взгляд грустный, впалые глаза,

Полуседые волоса
И эту речь: «Нужда — нуждою.—
Ты, Вася, честь свою храни,
Честь пуще золота цени,
Ее нельзя добыть казною!
А коли честно ты живешь —
Все хорошо! и свет хорош,
И будет ласков люд с тобою;
Обидит — бог с ним! не суди!
Ты знай своим путем иди...» —
«Охота не укор. Нам стыдно
И грех покойника корить!
Таким и я желал бы быть...
Ну, Ваня, наплясался, видно,
Глаза слипаются... вставай
Да Богородицу читай
На сон грядущий».
                              И ребенок
Молитву начал. Чист и звонок
Был детский голос. Брат стоял,
Его ошибки поправлял.
Локтями опершись в колени,
Вдова внимала в тишине;
Огонь мигал — и братьев тени
Передвигались на стене.

XI

В рубашке, с трубкой закуре́нной
И разгоревшимся лицом,
Упрямством дочери взбешенный,
Лукич сидел перед окном,
И высоко приподнималась
От гнева грудь его. Жена

Вздохнуть и кашлянуть боялась.
Прижавшись в угол и бледна
Стояла Саша.

«Ну, мученье! —
Отец раздумывал.— Дивлюсь!
«Я жениху не покажусь!..»
Вот дочка! вот повиновенье!
За косы взяться? Визг пойдет...
И жаль! рука не налегнет...
Поговорю за благо с нею,
Все лучше: может быть, успею».—
«Эхма! талан ты мой худой! —
Промолвил он, махнув рукой.—
И сам отрады я не видел,
И дочери, знать, в горе жить...
Ну, Саша! после не тужить!
Не говорить: старик обидел!
Ты умница, ну — так и так!
Выходит дело — я дурак...
Не стану спорить, бог с тобою!
А вспомнишь все мои слова,
Когда пойдешь ходить с сумою,
Разумная ты голова!» —
«Мне бедность, батюшка, знакома;
К работе я привыкла дома.
А к горю... мужнина казна
Не даст мне счастья».—

«Не нужна!
Столяр дороже... ну, вестимо.
Ты без кручины и забот
С ним проживешь; заботы — мимо,
К вам счастье с неба упадет...
Эх, дура!» —

«Сжальтесь надо мною!
За что я молодость свою

С немилым сердцу загублю?
За что несчастной сиротою
Покину я порог родной?
Как мне просить вас? Боже мой!» —
«Я говорю — добра желаю,
Оставь упрямство! слышишь ты?
Мне что! тебя же избавляю
От голода, от нищеты!
У столяра одна избенка,
Казны — ни гроша, мать — бабенка
Сварливая, всегда ворчит,
Ей и святой не угодит!
А Тараканов — сметлив, ловок,
Богат, торговый человек...
Он надарит тебе обновок
До свадьбы-то на целый век!» —
«Нет! дорогими лоскутами
Меня уж поздно утешать!
Я не дитя!.. Не вы ли сами
Любили это повторять?» —
«Лукич! — жена ему сказала.—
Столяр ей по сердцу».—
«Ну да!
А знаешь, какова нужда?
Ты на себе не испытала?
В утеху ли любовь-совет,
Когда к обеду хлеба нет?» —
«И-их, старик! он силен, молод,
Не глуп...» —
«А если заболит,
Да год в постели пролежит,
И дочь твоя узнает голод,
Ты, значит, как? поможешь ей?
Смотри, тогда не пожалей!» —
«Ох, бедность! я ль ее не знаю!

Как хочешь, Сашенька, гляди...
Я принуждать не принуждаю,
А про нужду по мне суди:
И мать твоя была здорова,
И весела, и молода.
Теперь... теперь упасть готова
От ветра... Ох, тяжка нужда!» —
«Что ж! рада ль я себе? моя ли
Вина? Не вы ли столяра
В свой дом, как сына, принимали?
Не тут ли, батюшка, подчас
С родными шла у вас беседа,
Что хорошо бы за соседа
Отдать вам дочь? А я от вас
Таилась разве? Вы ведь знали,
Что мы друг к другу привыкали!
Вы это видели!» —
«Молчать!
Ну!..» —
«Воля ваша принуждать,
А я не выйду за другого».—
«Не слушаться? Отца родного?
Нет, подожди, к примеру, врешь!
Как! я не властен над тобою?
Не властен? Стало, ты не мною
Воспитана и рождена?
Ты мне за это не должна
Повиноваться?» —
«И не жалко,
Не грех вам дочь свою губить?» —
«Ты... ты не смей меня учить!
Все ребра изломаю палкой!» —
«Что ж, бейте! мне один конец!
Кто вас осудит? Вы — отец!
Вы властны! стало быть, я стою!..

О, господи! да скоро ль я
Навек глаза свои закрою?»
И покатились в два ручья
У Саши слезы.
«Вон отсюда!
Ступай! венчайся с столяром!
Ты мне не дочь! и жив покуда,
Я не пущу тебя в свой дом!» —
«Лукич,— старушка зарыдала,—
Опомнись! кровь твоя!..» —
«Молчать!
Умела твари потакать,
Теперь казнись!.. Чего ж ты стала?
Вон, говорят тебе!» —
«Постой!
Куда ж идти мне? Боже мой!» —
«Хоть к черту!» —
«Батюшка!» —
«Ни слова!
Скажи одно в последний раз:
Готова слушаться?» —
«Сейчас,
Сейчас скажу...» —
«Ну, что ж, готова?
Ты маслом не зальешь огня,
Не хныкай! вот что!» —
«Погодите...
В глазах мутится у меня...» —
«Я жду!» —
«О чем вы говорите?» —
«Забудешь ты соседа?» —
«Нет!
Нет, не могу!» —
«Один ответ...
Так будь ты проклята отныне!» —

«Как! Сашу, Сашу проклинать?..» —
И вздрогнула старушка мать,
Как лист на трепетной осине.
«Она моя! я буду ночь
Так — на коленях... Саша! дочь!
Дитя мое!.. скажи — согласна...
Не отнимай руки, не дам...
Я поцелую... я несчастна!..
И ты! и ты!.. о, горе нам!..» —
«Согласна»,— Саша отвечала
И на пол замертво упала.
«Ох ты, мучитель наш!..» —
«Ну-ну! —
Лукич прикрикнул на жену.—
Воды скорее!.. не хотела
Учить красавицу путем,
Вот довела ее до дела —
До грубости перед отцом!»

XII

Едва блеснувший луч рассвета
Застал Арину в хлопотах;
Она была уже одета
И грела воду в чугунах.
Старушка ставней не открыла
И в горенке, как тень, бродила,
Тревожить шумом не хотя
Всю ночь не спавшее дитя.
Вот утро. Саша не гуляет;
К смотрушкам в доме прибирает;
Все принимает новый вид,
Сияет, лоснится, блестит...
Окно на солнышке сверкает,

Икона радостно глядит.
А за окном, на ветках ивы,
И крик, и спор нетерпеливый
У любопытных воробьев:
Смотрите, мол!.. мытье полов,
Возня, тревога... дело худо!
И кот вон тут! скорей отсюда!
И птицы дружно поднялись
И вдаль в испуге понеслись.
Невесела одна невеста,
Не спор и труд в ее руках:
Пойдет с ведром, и вдруг — ни с места:
Стоит, глядит — туман в глазах...

Лукич был тоже озабочен:
Встал рано, чуть не на заре,
Заметил, что забор непрочен,
Две щепки поднял на дворе
И отдал в кухню на топливо.
Хозяйством грех пренебрегать.
Он знал, что надо терпеливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идет не пьян,
Что под ноги ему попало —
Подкова, гвоздик — все в карман.
Прошелся по саду от скуки,
Червей на яблоне сыскал
И, сняв их, про себя сказал:
«Ах вы, анафемские штуки!
Не давитесь чужим добром!»
И, наконец, покинул дом.
На перекрестке помолился
На церковь; нищей поклонился;
Откуда, чья она — спросил

И грош ей в чашку положил,—
Не по любви и состраданью
К подобному себе созданью:
Он просто верил, что господь
За подаянье святое
Ему сторицею пошлет...
Желанье, кажется, благое
И основательный расчет.
Купил на площади торговой
Осенней шерсти два мешка
У горемыки мужика,
О всходах проса, гречи новой
Потолковал с ним наперед
И крепко побранил господ:
«Народ, мол, да! Работай втрое,
Из жил тянись — им все не в честь!»
Мужик был тронут за живое,
Заговорил, забыл про шерсть:
«Вот то, дескать!.. и то, и в праздник!» —
«Так! труд чужой кладут в бумажник!» —
Лукич, нахмурясь, отвечал
И, веся шерсть, на рубль украл

Дом Лукича горит огнями,
Кругом ночь черная лежит,
От красных окон полосами
Свет в сонной улице висит.
Гостями горенка набита,
Жених высок, румян, курчав,
Веселый взгляд его лукав;
Невеста бедная убита,
Разносит чай, а гости пьют
Да речи умные ведут.
С досадой женщины толкуют,
Что оплошал гостиный ряд,

Товары завалью глядят,
Купцы бессовестно плутуют,
На шалях мало пестроты,
На ситцах бледные цветы.
Старушки с грустью вспоминают
О сарафанах с галуном,
О серьгах с крупным жемчугом
И прихоть моды обвиняют.
Хозяин судит с женихом
О разных выгодах торговли,
О недостатке рыбной ловли
В их городе и сознает,
Что речь разумно он ведет.
Как мрамор бледная, невеста
Уже не раз вставала с места
Гостей сластями обносить
И свой наряд переменить.
Жених и мать его с роднею
Перемигнулись меж собою:
Пора, мол! и пошли на двор
Над Сашей кончить приговор.
«Каков жених? не молодчина? —
Шептал Лукич.— Не плачь, Арина!
Ты, Саша, удались пока;
Начнется торг, так не рука
Тут быть невесте...» Сваха входит,
Поклон-другой, и речь заводит:
«Ну, батюшка, товар хорош,
Купца похвалишь ли, не знаем».—
«Ты честь товару отдаешь,
И мы купца не осуждаем;
Расчет в приданом».—
«И, родной!
Не просим лишнего».—
«Постой!

Твой разговор, к примеру, красен...
Ты слушай вот что: жемчугу
И денег дать я не могу,
А насчет платья — я согласен».—
«Нет, нет! Копеечки одной
Мы не уступим, золотой!» —
«А я и нитки не прибавлю!»
И завязался жаркий спор.

«Пустейший, значит, разговор! —
Сказал жених.— Я все поправлю.
Дочь ваша, смею доложить,
Не то что... да-с! Ей-ей, без лести!
Извольте нас благословить,
Коли я нравлюсь ихней чести,
Нам деньги — пыль-с!» —
«Выходит, рок!..
Жена! утирку и платок!»

Старушка, плача, суетилась.
Невеста снова появилась,
Поднос у матери взяла
И жениху, с боязнью тайной,
На нем подарок обручальный,
Глотая слезы, подала.
Жених утерся им легонько,
Невесте молча возвратил;
Утерлась и она.
«Ну, только!
Теперь господь вас съединил»,—
С поклоном сваха им сказала
И поцелуем приказала
Обряд закончить, рядом сесть
И полюбовно речи весть.
И гости весело шумели.

Подруги Саши песни пели;
Простой напев их грустен был,
Тоску и думу наводил.
Вино лилось. С улыбкой сладкой
Жених невесту целовал,
Арина плакала украдкой,
Лукич без устали плясал.
Меж тем невзгода бушевала,
Выл ветер. Молнии струя,
Сквозь ливень крупного дождя,
По темным стеклам пробегала,
За нею вслед катился гром,
И вздрагивал непрочный дом.

Невеста бедная сидела
Всему чужда, едва жива;
Как в полыме, у ней горела
Потупленная голова.
Не в радость был ей пир веселый,
Звон рюмок и напев подруг.
Нет! Сашу мучил бред тяжелый!
Над садом звезды. Тишь вокруг.
Припав щекой к плечу соседа,
Она под ивой с ним стоит,
Чуть внятный шепот — их беседа,
Да громко сердцу говорит...
Как темны листья сонной ивы!
Как ясен месяц молчаливый!
Вот полдень. Жарко. Ветер спит.
Горяч песок. Река блестит.
Сосед на берегу; он бледен.
«Что ж,— говорит,— я, Саша, беден!..
Все вздор! отец твой не палач!
Проси, мой друг! и рвись, и плачь!»

«Гуляй, бедняк, богатым будешь!» —
Хозяин пьяный закричал
И Саше на ухо сказал:
«Соседа, что ли, не забудешь?
Взгрустнулось!.. жениха займи!
Не то я... прах тебя возьми!
Гм! понимаешь?..» Дочь вздрогнула,
В испуге на отца взглянула,
В ответ полслова не нашла.
Но тут подруга подошла,
Вся в белом, бойкая, живая,
И, Саше руку пожимая,
Шепнула: «Не круши себя!
Я знаю!.. выручу тебя...»
Прищурила глаза лукаво
И села рядом с женихом.
«Как жарко!» —
«Да-с!» —
«Досадно, право!..
Вы танцы любите?» —
«С трудом.
Так-с, малость самую танцую».—
«Зачем же?» —
«Как бы вам сказать...
Ногами вензеля писать
Мне некогда-с! ведь я торгую»,—
«Вы курите?» —
«Ни боже мой!
И не к чему-с: расход пустой!» —
«Зимой катаетесь?» —
«Бывает,
На Сырной. Это ничего-с!
Вот жалко, вздорожал овес!
Конь, знаете, не понимает:
Что жернов, мелет божий дар».—

«Скажите!» —
«Да-с! Вот самовар
В семействе нужен. Не скрываю,
С ребячества привык я к чаю,
Сначала просто пью, потом
употребляю с молоком;
Не покупать-с: своя корова».—
«Конечно. С молоком здорово...
У вас цепочка недурна».—
«Четыре серебром дана,
По случаю-с».—
«А! вы счастливы!» —
«Цыганки то же говорят,
Талан все, знаете, сулят...
Все чепуха-с! на груше сливы».—
«Как! вы гадали?» —
«Да-с, гадал.
Я сумасшедшего знавал;
Ах, тот угадывал отлично!
Бывало, дичь несет, несет,
Подчас и слушать неприлично,
Да вдруг такой намек ввернет,
Что просто... да-с! ей-ей, чудесно!
Дар, значит! все ему известно!» —
«Нет, не люблю я ворожить!
Иное дело — говорить,
Вот это так. Сама не знаю,
Чуть на минуту умолкаю,
Мне скучно... даже зло берет...
Поговоришь — и все пройдет.
Я надоем и вам ужасно:
Все говорю и говорю,
Болтушка — скажете...» —
«Напрасно!
Чувствительно благодарю!»

Усердной пляской утомленный,
Забившись в угол отдаленный,
Лукич покрикивал сквозь сон:
«Молчать!.. покой мне дайте... вон!»—
«Прощайте, батенька, прощайте!» —
Жених с улыбкой отвечал
И руку Лукичу пожал.
«Ты что за птица?» —
«Угадайте!» —
«Пожалуй. Помоги мне встать.
Ты кто?» —
«Ваш нареченный зять.» —
«Подай свечу... Вот так...не знаю!..
Столяр, что ль? Нет, он не таков...»—
«Я, батенька, Тарас Петров». —
«А! вспомнил, вспомнил! понимаю!
Ну, поцелуй меня... вот так!
А я, ей-богу, не дурак!
И Саша вот... дитя родное...
Мне, значит, жаль... подумал ночь...
И столяры... и все такое...
А ты ведь можешь мне помочь?
На совесть, честно поторгую!
И ты, выходит, чуть сплутую...»

Жених давно за дверью был,
Но все свое Лукич твердил.

XIII

Восток краснеет. Кровли зданий,
Дождем омытые, блестят.
По небу синему летят
Огнем охваченные ткани

Прозрачно-бледных облаков,
И тихий звон колоколов
Их провожает. Пар волнами
Плывет над сонными домами.
Он влажен. Свежий воздух чист.
Дышать легко. Румяный лист
Трепещет, каплями покрытый.
По улице ручей сердитый
Журчит, доселе не затих.
Меж белых камней мостовых
Вода во впадинах алеет.
Порою ветерок повеет,—
И грудь невольно распахнешь,
Цветов и трав дыханье пьешь.
Проснися, божий люд! не рано!
Вот кормит ласточка детей,
Несутся стаи голубей
В поля. Луч солнца из тумана
Уже сквозит,— и божий люд
Проснулся весело на труд.

Столяр сидит с немой тоскою,
Поник кудрявой головою,
И не поет его пила:
Кручина руки отняла.
Халатом стареньким покрытый,
Его братишка, как убитый,
Раскинув руки, сладко спит,
И неразлучная игрушка,
Его любимая гремушка,
Без дела под боком лежит.
Дверь настежь,— и вдова вбежала,
С усильем дух перевела,
Руками бойко развела.
И вскрикнула: «Не угадала?

Нет, карты, батюшка, не лгут!
Вот твой Лукич-то! вот он, плут!
О-ох, родимые! устала!..
Дай сяду... ох!.. терпенья нет!..
Отделали! хорош сосед!» —
«Нельзя ли, матушка, без шуму?
Невесело и без того!» —
«Ну, славно, славно! ничего!
Сиди вот сиднем! думай думу!
А Сашка-то исподтишка
Вон подцепила женишка...
Сейчас с ним у ворот прощалась,
Уж целовалась, целовалась!
Ну-ну! бесстыжие глаза!
Да что ведь — на меня взглянула —
И головою не кивнула...
А!.. каково? не чудеса?» —
«Да ладно! мне-то что за дело!» —
«Благодарю! благодарю!
Ну, извини, что надоела
И не у места говорю...
Нет дела! думаешь, не штука?
С тобою матери-то мука:
Девчонкой, дурой проведен!
Понравилась! околдовала!
Вишь роза! где и расцветала!»
И мать с досады вышла вон.

Ей нужды было очень мало,
Что сын невесту потерял,
Да самолюбие страдало:
Сосед, бедняк — и отказал.
Обидно, главная причина!
И оскорбленная вдова
Сердилась на себя, на сына,

На целый свет... Она едва
Кота поленом не убила
За то, что в кухне захватила
Его над чашкою с водой:
Ты, мол, не пей, такой-сякой!

Услышав вечером случайно
У Лукича напев печальный,
Столяр промучился всю ночь.
Кого винить: отца иль дочь,
Решить хотел он и терялся.
Ходил впотьмах по мастерской,
В постелю жесткую кидался
И слушал бури свист и вой,
И блеском молнии порой
Его лоб бледный освещался.
Постелю снова покидал,
Свечу без нужды зажигал.
Теперь сомненья не осталось:
Он Сашу видел из окна;
Толпой гостей окружена,
Средь смеха пьяного, казалось,
Она под нож подведена.
«Ах, Саша, Саша!» — и тоскливо
Глядел он на широкий двор,
Поросший жгучею крапивой,
На кровли, на чужой забор...
И смутно перед ним мелькали
Его прожитые лета —
Перенесенные печали,
Безропотная нищета,
О доме, о семье забота,
Работа днем и по ночам,
Труд из-за хлеба, труд до пота,
Едва не с кровью пополам;

Вся горечь жизни обыденной,
Все, что язвит и мучит нас,
Что отравляет жизнь подчас,
Весь воздух, пищу, сон покойный,
Все, что давно уж пронеслось,
Закопошилось, поднялось,
Дыханье в горле захватило
И свет туманом позакрыло...
«Эх! пропадай ты, голова!» —
«Куда ты!» — крикнула вдова,
Глазами сына провожая
С крыльца, но сын не отвечал,
Калиткой хлопнул — и пропал.

Пора обеда наступила,
И все нейдет столяр домой,
Кручина молодца сломила,
Ввела в кабак, вином поила,
Поила отроду впервой.
И пел он песни — и смеялась
Толпа гуляк средь кабака,—
Пел громко, а змея-тоска
Кольцом холодным обвивалась
Вкруг сердца.
«Ох, не утерплю!» —
Сказал детина худощавый
И, скинув с плеч халат дырявый,
Пошел плясать. «Вот так! люблю!»—
Зеваки пьяные шумели.
Детина соловьем свистал,
Привскакивал и приседал,
На полках шкалики звенели.
«Нет, пой, кто хочет! я устал!» —
Столяр с отчаяньем сказал,
Ладонью в лоб себя ударил

И грустный на скамейку сел,
И думал думу... вдруг расправил
Густые кудри и запел.
Пел про туман на синем море
Да про худой талан и горе...
И песнь лилась; певец бледнел.
Казалось, все: тоску разлуки,
И плач любви, и грусти стон
Из сердца с кровью вырвал он
И воплотил в живые звуки...
И каждый звук был полон слез;
То с поражающею силой
Он несся ввысь, все рос и рос,
Как будто с светом, с жизнью милой
Прощался, в небе утопал;
То падал, за сердце хватал
И гас, как светоч, постепенно....
Певец умолк и застонал:
«Ох душно, братцы!..» — и мгновенно
Рубашки ворот разорвал.
«Вина!»
      Сиделец засмеялся:
«Клади, мол, денежки-то нам».—
«А в долг?» —
                  «Проваливай!» —
                  «Отдам!» —
«Спасибо! эк он разгулялся!» —
«Проклятый! на вот казакин!»

Но вдруг картина изменилась:
В слезах и бледная, явилась
Мать столяра. «И ты мне сын?
Святитель! Николай-угодник!
Да где я?.. Ох! под сердцем жжет!
Шла мимо... с рынка... сын поет!..

Все Сашка!.. Так!.. сосед-разбойник!
И запил! Ах дурак, дурак!»
Сын стиснул поднятый кулак...
«Ха-ха! доходит до расправы! —
Сказал детина худощавый.—
К чертям старуху! проучи!»
Столяр схватил его: «Молчи!» —
И грянул об пол. «Стой, ребята!
Связать его! позвать солдата!» —
Сиделец крикнул. «Вот он, друг!»
И в молодца впились шесть рук.
Но молодец сверкнул глазами,
Тряхнул могучими плечами,—
И все рассыпались. Вдова
Перепугалась. «Голова!
Перекрестись! ну, что ты? Стыдно!
Опомнись! с улицы вон видно!
Эх, сокол, сокол! как теперь
Из этой пропасти за дверь
Ты выйдешь? А? Побойся бога!
Ты пропадешь!..» —
«Туда дорога»! —
«Я знаю, знаю, отчего
Ты выпил! Ну и ничего...
Я мать... Мне, думаешь, отрада?
Ну, брось! забудь! так, стало, надо!
Знать не судьба твоя!..» —
«Забудь!
Да нож-то, нож-то прямо в грудь
Засел!.. Оставь меня, родная!» —
«Пойдем, голубчик мой, пойдем!
Братишка плачет, отперт дом...
Все пусто... да! и мастерская...
Топор там... все... ну, пошалил...
Ты вспомни, как отец-то жил!

Что завещал-то!.. Власть не наша!
Перенеси!» —
«Ах, Саша, Саша!
Навек пропали мы шутя!» —
Столяр заплакал, как дитя.

XIV

Со дня помолвки изменился
Невесты скромный уголок;
В нем с утра до ночи теснился
Веселых девушек кружок.
Их занимало на досуге
Шитье приданого подруге,
Мелькнувший мимо пешеход,
Под вечер песни у ворот,
Порою снов истолкованье,
В саду горелки и гулянье;
Но вечеринок блеск и шум
Сильнее занимал их ум.
Две скрипки, в доме освещенье,
От стука крепких каблуков
Дрожанье стульев и столов,
Смех м о л о д ц о в, их объясненье:
Насчет того-с... мое почтенье...
Горячих поцелуев звук,
Украдкою пожатье рук —
Вот вечеринка; остальное
Не новость: сборище ночное,—
Под окнами толпа зевак,
В окрестном мраке лай собак.
Отцу суровому послушна,
Всегда задумчива, тиха,
Свою печаль от жениха

Таила Саша. Равнодушна
В толпе подруг она была;
Порой казалась весела,
Шутить, смеяться начинала,
Но вдруг, средь смеха, умолкала
И уходила в сад,— и там,
В зеленой чаще, одиноко
Садилась на скамье широкой
И накопившимся слезам
Давала волю...
«Слава богу! —
Отец невесты рассуждал. —
Теперь на ровную дорогу
Я выйду: зятя отыскал...
Не столяру чета! Он, верно,
Поможет тестю... Вот что скверно —
Никак приданым не собьюсь!
Беда, к примеру! смерть боюсь!
Что, если свадьба разойдется?
Черт знает, просто сбился с ног!
Навязываю дом в залог —
И тут заем не удается!
Не скажут прямо: деньги есть
Не про твою, к примеру, честь;
Помучат болтовней, расспросом,
На что, мол,— и отправят с носом:
Свои-де нужды, извини...
Вот богачи-то! вот они!
Вот правда!.. Или попытаться
Пойти к Скобееву? Ведь жид?
Просить не стоит... и сердит...
Да бог с ним! Мне равно шататься!
Уж занимать не миновать,
Глядишь, уважит, — как узнать?»

И через час, проситель скромный,
Он у Скобеева в приемной
Ждал милости. Лакея нет,
Налево двери в кабинет,
Там разговор.
«Так все готово?» —
Звучал густой хозяйский бас
(Лукич узнал его зараз).
«Да, мне дано честное слово,—
Разбитый голос отвечал.—
Вчера и ныне хлопотал
В комиссии».—
«А! вы оттуда...
Прекрасно! стало, наш подряд...» —
«Все подвигается покуда;
Подмазать надо, говорят.
Вы как? не прочь?» —
«Весьма приятно!
На вещи цену-то того...
Вы понимаете?» —
«Понятно.
Да не опасно ль?» —
«Ничего!
А по бумагам, безусловно,
В подряде вы: я под судом».—
«Как, ваше дело в уголовной?» —
«Пустяк! конечно, под сукном...
Жаль, нет войны! подряды мелки,
От мира мало нам добра!» —
«Ну, грех сказать!» —
«Все вздор! безделки!
Нет, батюшка, не та пора!
Там видишь груды серебра!
Бывало, сердце разгорится...
Эх, мол, равно! Господь простит!

И хватишь смело, — ну и сыт:
Сундук трещит, как говорится!»
Лукич затылок почесал
И долго головой качал:
«Ну, хороши, мол!» —
«Вы к обеду
Ко мне?» — Скобеев забасил
И гостю двери отворил.
«Не знаю... может быть, приеду»,—
В раздумье бородач сказал.
Скобеев громко засвистал.
Едва свист барина раздался,
Худой и бледный казачок
Вбежал, в испуге заметался
И гостю лысому помог
Надеть шинель.
«Зачем явился? —
Скобеев Лукича спросил,
В карманы руки заложил
И в мягком кресле развалился.—
Эй! Васька! трубку! Ну, зачем?» —
«Что, сударь, обнищал совсем!
Просватал дочь, нужна помога,
Целковых эдак сто взаем,
Я заложил бы вам свой дом,
Не откажите, ради бога!» —
«Просватал дочь... А что она,
Молоденькая? недурна?»
Румяный барин улыбнулся,
Прищурился и потянулся.
«Вы все изволите шутить...
Тут горе! смею доложить». —
«Да врешь! когда ваш брат горюет?
Привык к безделью, пьет вино,
Да ест и спит или плутует,

И только. Знаю вас давно!» —
«Все люди грешные, конечно...
Я заплачу вам через год;
Проценты вычтите вперед,
Ей-ей, вас не забуду вечно!».—
«Пожалуй, почему не так.
Ты мне заслужишь, я надеюсь...» —
«Последних сил не пожалею-с!
Вот благодетель!» —
«Вот дурак!
Ха-ха! шучу! Я с кулаками
Не связываюсь никогда!»
Лукич остолбенел...
«Да, да!
Мы, значит, черви перед вами,
И нас, как плюнуть, раздавить.
Эхма!» —
«Поменьше говорить!»
Старик взбесился.
«Ваша воля!
Прикажете, мы замолчим.
Мы что за люди? Наша доля
Терпеть. На этом и стоим».—
«Не притворяйся сиротою:
Меня не скоро проведешь!» —
«Куда мне с глупой головою
Вас проводить? Тут не найдешь,
К примеру, слова... Вы богаты,
Вы барин, честная душа,—
Я плут, на сюртуке заплаты
И в кошельке-то ни гроша,
Куда мне!.. Стало, не дадите?» —
«Не разживешься, признаюсь».—
«Я и за это поклонюсь.
Благодарю вас! извините,

Что беспокоил».—
«Краснобай!
Ну, ну! не кланяйся, ступай!
А ты мошенник, старичина!
Тварь хитрая!» —
«Благодарю!
За рысака-то вам дарю,
Раздайте нищим».—
«Вон, скотина!» —
«Испортишь кровь. Ну, что кричать!
Ведь лекаря придется звать...»
Скобеев бранью разразился:
«Эй, люди! в кнутья наглеца!..»
Старик с широкого крыльца
Сходил себе, не торопился;
Не скоро дворня собралась
И перебитой разошлась.

Дул сильный ветер. Дождик лился.
Согнувшись, в обуви худой,
Старик печально шел домой.
На перекрестке он столкнулся
С торговкой, что-то проворчал,
Посторонился, поскользнулся
И чуть средь лужи не упал.
Старуха, шамкая, сказала:
«Хренку, родимый не возьмешь?» —
«Ну, ну! проваливай! пристала!
Без хрену горько невтерпеж...»
Меж тем по улице широкой,
Под ливнем, гнали в путь далекий
В халатах серого сукна
Толпу преступников. Она
Шла медленно, звеня цепями;

Конвой с примкнутыми штыками
Ее угрюмо окружал,
И барабан не умолкал.
«Пошел народец на работку! —
Лукич подумал.— Да, ступай...
Поройся там, руды в охотку
И не в охотку покопай...
Есть грош, достать на подаянье...
Поди, Скобеевы живут,
Их в кандалы не закуют,
Не отдадут на покаянье...
Ну, вот тебе и взял взаем!
Постой! постой!.. ведь этот дом
Купца Пучкова... Э, почтенный!
Я про тебя и позабыл!
Пучков... да! я ему служил:
Святоша, человек смиренный...
Гм... мастер, нечего сказать,
Горячий уголь загребать
Чужой рукой!»

XV

Угрюм и прочен
Пучкова дом. На кровле тес
Зеленой плесенью порос.
Железом накрест заколочен
Закрытый ставень кладовой.
Косматый сторож, пес цепной
Лежит в конуре у забора,
Амбары в стороне стоят,
Их двери крепкие от вора
Замки тяжелые хранят.
Безлюдно в комнатах просторных

(Хозяин не имел детей
И редко принимал гостей),
Висят картинки в рамках черных,
Пыль на полах и по столам,
И паутина по углам.
Но спальня, с желтыми стенами,
Светла, опрятно убрана,
Весь угол занят образами,
Лампадка вечно зажжена,
Кровать накрыта простынею,
И полон шкап церковных книг;
Иных терпеть не мог старик
И называл их чепухою,
Потехой праздных болтунов,
Соблазном молодых голов.

В суровой школе горькой нужды
Пучков с ребячества окреп.
Его отец был стар и слеп,
И сын, изнеженности чуждый,
Переносил мороз и зной,
Шатаясь по миру с сумой.
Порой калекой притворялся,
За крендель колесом катался
И на кресте всегда берег
С казной холстинный кошелек.
Один купец, старик бездетный,
Полубольной и безответный,
Его за бойкость полюбил,
Одел и в лавку посадил.
Приемыш рос, добру учился,
Поклонен, расторопен, тих,
За делом в лавке не ленился,
А ночью *Жития святых*
Читал хозяину от скуки.

Святых мужей слова и муки —
Все помнил, но из чудных строк,
Увы, урока не извлек!
Читал, читал — и за услугу
Купца ограбил наконец.
Не вынес бедный мой купец:
И пил, и плакал, спился с кругу
И ночью, пьяный и больной,
Застыл средь улицы зимой.
Чужого золота наследник,
Пучков себя не уронил.
Глядел смиренником и был
О чести строгий проповедник.
Не кушал рыбы по постам,
Молился долго по ночам,
На церковь подавал грошами,
Перед нетленными мощами
Большие свечи зажигал,
Но плутовство не покидал.
И странно! плут не лицемерил:
Он искренне в святыню верил.
Да! совесть надо очищать!
Что делать! страшно умирать!
Пучков об аде начитался...
И как же он чертей боялся!
На полчаса вздремнуть не мог,
Три раза «Да воскреснет бог»
Не повторив. Теперь, угрюмый,
В очках, псалтырь читал он вслух,
Но враг добра, лукавый дух,
Мутил его святые думы
И вдруг — с духовной высоты
На рынок, полный суеты,
Их низводил.
Лукич явился.

Перед Пучковым извинился:
Я, мол, читать вам помешал
И пол вот грязью замарал...
Хозяин поглядел пытливо
На гостя, поднялся лениво,
Бумажкой книгу заложил,
Зевнул, молитву сотворил
И отвечал: «Да, дождь сегодня.
Все хорошо: все власть господня...
Ты здешний?» —
«Здешний мещанин.
Не угадали?.. Карп Лукин».
И речь повел он стороною:
Я, мол, известен вам давно,
И позабыть меня грешно:
Служил, как надобно... Нуждою
Теперь убит. Имею дочь...
И рассказал Лукич, в чем дело.
«Гм... жаль, что не могу помочь!
Мое богатство улетело,
Как дым в трубу. Все разошлось
По добрым людям. Да авось
Промаюсь... Стар... гляжу в могилу...
И время! господи помилуй!» —
«Нельзя ли, сударь, пожалеть?
Вы сомневаетесь, известно...
Вот образ — заплачу вам честно!
Без покаянья умереть,
Коли солгу!» —
«Зачем божиться?» —
«Да тошно! Кажется, готов
Сквозь землю лучше провалиться,
Чем эдак вот из пустяков
Просить и мучиться напрасно!» —
«Ох, милый, верить-то опасно!»

И тонко намекнул купец:
Обман, мол, всюду; всяк — хитрец:
Наскажет много, правды мало...
Да! время тяжкое настало!
Немудрено взаем-то дать,
Но каково-то получать!

Напрасно телом и душою
Лукич божился, умолял,
В заклад домишко предлагал...
Кремень-купец махнул рукою:
«Эх, ну тебя! заклад не тот!
Твой дом не каменный! нейдет!» —
«Несытая твоя утроба!
Ну, стало, голову мне снять
И под заклад тебе отдать?
Ведь ты вот-вот под крышку гроба!..
Кому казну-то ты копишь?» —
«Опомнись, с кем ты говоришь?» —
«С тобою, старый пес! с тобою!
Ты вместе воровал со мною!
Клади мне денежки на стол!
Делись! я вот зачем пришел!» —
«И ты мне мог? и ты мне смеешь!..»—
«Кто? я-то?.. Ты не подходи!
И в грех, к примеру, не вводи,
Убью! вот тут и околеешь!»
Пучков оцепенел. Немой,
Стоял он с поднятой рукой;
Огнем глаза его сверкали,
И губы синие дрожали.
Лукич захохотал. «Ну, что ж!
Ударь, попробуй! Что ж не бьешь?»—
«Вон, изверг!» —
«Не бранись со мною!

Я выйду честью! не шуми!
Не то я... прах тебя возьми!..
Не стоишь, правда... Бог с тобою».
Пучков стоял. Он гадок был:
Бессильный гнев его душил.
«Прощай! садись опять за книги,
Копи казну, надень вериги,
Все, значит, о душе печаль...
А жаль тебя! ей-богу, жаль!»

«Нет, не дождаться мне помоги! —
Грустил дорогою бедняк.—
Не верят мне. Я — голь! кулак!
Вот и ходи, считай пороги,
И гнись, и гибни ни за что.
На то, мол, голь! кулак на то!
Гм... да! упрек-то ведь забавный!
Эх ты — народец православный!
Не честь тебе лежачих бить,
Без шапки сильных обходить!
Кулак... да мало ль их на свете?
Кулак катается в карете,
Из грязи да в князья ползет
И кровь из бедного сосет...
Кулак во фраке, в полушубке,
И с золотым шитьем, и в юбке,
Где и не думаешь, — он тут!
Не мелочь, не грошовый плут,
Не нам чета,— поднимет плечи,
Прикрикнет,— не найдешь и речи,
Рубашку снимет — все молчи!
Господь суди вас, палачи!
А ты, к примеру, в горькой доле
На грош обманешь поневоле —
Тебя согнут в бараний рог:

Бранят и бьют-то, и смеются...
Набей карманы,— видит бог,
В приятели все назовутся!
Будь вором — скажут: не порок!
Вот гадость! тьфу!»
                              И шаг широкий
Старик с досады ускорил.
Но вдруг его остановил
Стук рамы. Смотрит — дом высокий,
С кудрявым вензелем балкон
Густой сиренью окружен.
Заклятый враг ученых споров,
Его жилец, профессор Зоров,
С сигарой под окном стоял
И старика рукою звал.

XVI

Ученой бурсы отпечаток
Невольно Зоров сохранил:
Знал букву, глубже не ходил.
Был в разговорах прост и краток
И словом «вот» их украшал;
Без нужды кашлял. Бог создал
Его не злым, но... впрочем — мимо:
Подчас молчать необходимо...
Деньжонки славно наживал.

Лукич был встречен благосклонно,
Обласкан — и немудрено:
У старика, тому давно,
Мальчишка, труженик бессонный,
Путь тяжкий Зоров начинал —
Латынью ум свой притуплял,

Плоды науки не пропали,
Бедняк Лукич дивился им.
Мальчишка вырос. Перед ним
Теперь просители стояли:
Священник, старичок больной,
И дьякон тучный и рябой.

Священник кланялся. С досадой
Ученый муж рукой махал:
«Ваш сын дурак! Вот и пропал...
И выгнали... хм... так и надо:
Зазнался».

Священник

В чем же? ради бога,
Скажите! Он из лучших был.

Профессор

А вот: воротнички носил,
Да возражений делал много
Наставникам: я, мол, умен,
В журналы, в чтенье погружен,
Исчерпал мудрость всю!..

(Священник хочет возразить.)

Молчите!
Заметили,— он ничего,
Все то ж! Понизили его!..

(Священник снова хочет возразить.)

Хм... погодите! погодите!..
Понизили по спискам,— он, того,
Ученьем занялся небрежно...
Ну вот, за это исключен!

Священник

Он молод. Он был оскорблен...
Сперва учился он прилежно.

Профессор

По нас хоть звезды он хватай!
Будь скромен! нос не подымай!
Он кто? Воспитанник духовный —
Вот помни! Бойкость не нужна!
А светскость вздор,— она вредна! —
Сказал наставник,— безусловно,
И верь! вы думаете как?
На это власть!

Священник

Известно, так.
Прошу вас, сжальтесь! Два-три
слова
Сказать вам стоит — примут снова...
Позвольте мне наедине
Вам объяснить.

Профессор

Не время мне!
А впрочем, если вы хотите,
Пожалуй... вот сюда подите.

И за ученым мужем вслед
Вошел проситель в кабинет.
О чем они там толковали,
Одни немые стены знали.
Дверь отворилась наконец;
Священник просто был мертвец,
Так бледен! «Вы побойтесь бога...

Я б больше... бедность... негде
взять...»—
«Хм... Полно, полно толковать!» —
Ученый муж заметнл строго.
Несчастный поп махнул рукой
И дверь захлопнул за собой
С проклятьем. Зоров улыбнулся:
«Хорош! А поп!.. Что нужно вам?»—
И к дьякону он обернулся.
«Да вот-с, по разным клеветам,
Мой сын... заметнло начальство,
Что якобы он любнт пьянство...» —
«Дубков?» —
«Да-с».—
«Знаю я его!
Исключат. Больше ннчего».—
«За что же? Может быть, ошнбкой,
Не то что выпнл, пошалнл...»
И речь проснтель изменнл
Так странно, что Лукнч с улыбкой
Подумал: «Круто своротнл!
Хнтер!»
«Я слышал стороною,
Что вы нуждаетесь в коне...
Так все равно-с. Позвольте мне...
Продам охотно». И с божбою
Плечнстый дьякон уверял:
«Конь добрый! я на нем пахал!»—
«Взглянуть, пожалуй, не мешает.
Вы прнведнте-ка его...
Не норовнст он?» —
«Ннчего.
Узду, случается, скндает:
Известно, нашн батракн
Лентян нлн туракн,

Какой присмотр!» —
«Хм... знаю, знаю!
Пусть поисправится ваш сын.
Вы вот что, я предупреждаю,
Ведь я зависим... не один...
Тут нужно...» —
«Как же-с! Понимаю!»
И тучный дьякон вышел вон,
Отдав почтительный поклон.

Профессор

Ну что, Лукич, не надоело
Стоять да слушать? Извини...

Лукич

Помилуйте!

Профессор

Вот мы одни...
Садись.

Лукич
(садится)

Вы звали. Верно, дело...

Профессор

Хм... я коня хотел купить,
Раздумал. Надо погодить.

Лукич
(лукаво улыбаясь)

Так-с.

Профессор

Хорошо ли поживаешь?

Лукич

По старому-с! и так и сяк.

Профессор

Ну, а, бывает, выпиваешь?

Лукич

Ни капли! что я за дурак!
Да как живете вы отлично!
Полы под лаком, хоть глядись,
Диваны, кресла...

Профессор
(смеется)

Хм!.. Прилично...
Нельзя, деньжонки завелись!

Лукич
(вздыхая)

Да-с! Вы попали на дорогу.
И правда, что ученье свет:
Поит и кормит... Я вот сед,
И все дурак!.. Беда, ей-богу!
Тут бедность...

Профессор

Ты бы мне сказал.
Ты знаешь, я не скуп; я б дал.

Лукич

Сказал бы, сударь... как-то стыдно!

Профессор

Хм!.. вот пустяк! забыл ты, видно,
Как у тебя я в доме жил,

Уроки-то в саду учил!

Лукич

(смотрит на диплом профессора)
Я все гляжу, спросить не смею,
На этот лист... вот-с на стене...

Профессор

(самодовольно смеется)
Прочти.

Лукич

Нет, сударь, не сумею.
Написано-то не при мне.

Профессор

Вот слушай:

(встает и читает)

Ecclesiasticae Academiae conventus pro potestate sibi concessa Dominum Zorov Magistrum sanctiorum humaniorumque litterarum solenni hoc diplomate declarat honoremque ei ac privillegia concessa, decrevisse ac contulisse publice testatur [1].

Понял?

---

[1] Общее собрание Духовной академии на основании предоставленного ей права господина Зорова объявляет при посредстве настоящего торжественного диплома магистром духовных и светских наук и свидетельствует, что публично назначило и предоставило ему это почетное звание и присущие ему привилегии (лат.).— Ред.

Лукич
(с улыбкой почесывая затылок)

Хоть бы слово!
Кого господь-то умудрит!
Гм!.. диво! Вижу, в рамке иовой
С большой печатью лист висит —
И только. Правда, что иаука!

Профессор
(смеется)

Вот то-то! В ией-то вся и штука!

Лукич
(переминаясь)

А чтс бы вас я попросил...—

И тут старик заговорил
О свадьбе Саши, о заеме,
О закладиой иа дом, о доме,—
И иа лице своем потом
Горячий пот отер платком,
Вздохиул и иизко поклоиился.
Учеиый муж ие отвечал,
В раздумье медлеиио шагал
И кашлял,— вдруг остаиовился.
«Ты вот что, ты отдашь мие в срок?»
«Не выйди я за ваш порог!..» —
«Изволь! сегодия я расстроеи:
Дел пропасть...» —
«Зиачит, до утра?
Так я в иадежде». —
«Будь покоеи!
Я дам». —
«А! сыи поиомаря!..
Из грязи вышел, — ие забылся!» —
Лукич подумал — и простился.

XVII

Всё решено. Осталась ночь.
Заря над лесом догорала,
По желтым жинвьям тень бежала.
Увы! Измученная дочь
День свадьбы грустно ожидала,
В последний раз теперь рыдала
В объятьях матери,— и мать
Ее не смела утешать.
Они друг друга понимали,
Что впереди, о том молчали,
А горе прожитых годов
Так было живо, что без слов
Душа рвалась и в муках ныла.
Но эти муки дочь таила,
Нема с отцом своим была,
Меж ними пропасть вдруг легла
И Сашу навек отделила
От старика... И тем больней
Была тоска последних дней,
Тяжеле ряд ночей бессонных,
Невестой в пытке проведенных!..

И вот пир свадебный умолк.
Утих о нем соседей толк,
Угомонились пересуды,
Средь улиц гости не поют
Не пляшут и в домах посуды
Под песни пьяные не бьют.
Арина вдруг осиротела.
Грустит за делом и без дела,
Чуть скрипнет дверь — она вздрогнет
И слушает, и Сашу ждет.
Без Саши горенка скучнее,

И время кажется длиннее,
И кот невесел: спит в углу,
Не поиграет на полу
Клубком старушки. Чуть смеркает,
Она калитку запирает,
И с робостью обходит двор —
Не притаился ли где вор,
И мужа ждет, и спицам снова
В ее руках покоя нет...
Едва покажется рассвет,
Работа прежняя готова;
Старушке не с кем говорить,
Тоски и грусти разделить:
Речь мужа, как всегда, сурова...
Но Саша бледная придет,
Арина так и обовьет
Ее руками. «Ах, родная!
Здорова ли? Присядь, присядь!
Здорова ль? — повторяет мать,
С улыбкой слезы утирая.—
Легко ль! неделю не была!
Уж я тебя ждала, ждала!
Ну, как живешь?» И осторожно
О всякой мелочи ничтожной
Ее расспросит. «Ты смотри,
Ты не таись, мол, говори...
Все хорошо? Ну, слава богу!»
И в лавочку через дорогу
С копейкой трудовой спешит
И Сашу чаем угостит.
Свой сад старушка позабыла:
Мать столяра ей досадила
Упреком, бранью каждый день
Через изломанный плетень:
«Здорово, друг! В саду гуляешь?

Хозяйка! Яблоки считаешь?
Ты не пускай к нам кур на двор,
Поймаю — прямо под топор!»
Арина головой качала
И ничего не отвечала.
Она не зла, мол... это так;
Всему причина — Сашин брак.

Лукич на рынке ежедневно
Встречался с зятем. Всякий вздор
Входил в их длинный разговор,
Оканчиваясь непременно
Разумным толком о делах:
О доброте хлебов в полях,
О том, что мужички умнеют,
Не так легко в обман идут,
Что краснорядцы богатеют:
За рубль по гривне отдают...
Лукич смеялся: «Просто — чудо!
Глупа ты, матушка Москва!
Всем веришь!» — «Этим и жива.
Не ошибется... А не худо
Того-с...» — зять добрый замечал
И тестя к чаю приглашал.

«Он, видно, мне не доверяет,—
Тесть думал.— Право, не поймешь...
И чаем вдоволь угощает,
И льстит,— а толку ни на грош.
Я говорю, к примеру, буду
Тебе в торговле помогать,
Чужих равно, мол, нанимать...
«Извольте-с! Я вас не забуду.
У нас торговый оборот
Зимою-с... вот зима придет».

Посмотрим, как зима настанет...
Ну, если он меня обманет
И я останусь в дураках,
Без дома, с сумкой на плечах?
За что же так? Дитя родное
Принудил. Сам теперь в долгу...
Нет, это чересчур! пустое!
Нельзя! и думать не могу!»

XVIII

Настала осень. Скучен город.
Дожди, туманы, резкий холод,
Ночь черная и серый день —
И по нужде покинуть лень
Свой теплый угол. Вечерами
Вороны, галки над садами
Кричат, сбираясь на ночлег.
Порой нежданный, мокрый снег
Кружится, кровли покрывает,
К лицу и платью пристает,
И снова мелкий дождь пойдет,
И ветер свистом досаждает.
Куда ни глянешь — ручейки
Да грязь и лужи. Окна плачут,
И, морщась, пешеходы прячут
Свои носы в воротники.

Лукич с досадой молчаливой
Поглядывал нетерпеливо
На небо, снега поджидал
И непогоду проклинал.
На рынке нечем поживиться:
Дороги плохи, нет крестьян;

Ходи, глотай сырой туман,
Пришлось хоть воздухом кормиться!
Назло кулак-молокосос
Над ним трунит: «Повесил нос!
Неволя по грязи шататься!
Не молод, время отдохнуть
И честным промыслом заняться!
Сидел бы с чашкой где-нибудь...»
Сюртук в дырах, сквозь крышу льется,
В окошки дует, печь худа,
На что ни взглянешь — сердце рвется
Хоть умереть, так не беда!

Дождь каплет. Темными клоками,
Редея, облака летят.
Вороны на плетне сидят
Так мокры, жалки! Под ногами
Листы поблеклые шумят.
Сад тих. Деревья почернели;
Стыдясь невольной наготы,
В тумане прячутся кусты;
Грачей пустые колыбели
Качает ветер, и мертва
К земле припавшая трава.

Лукич стоит под старой ивой.
В руке топор, в глазах печаль.
Пришлось бедняге на топливо
Рубить деревья,— крепко жаль,
Да надо: все дровам замена,—
Их в целом доме ни полена...
И засучил он рукава.
Что ж выбрать? Эти дерева
Своей рукой отец покойный
Ему на память посадил;

Под этой ивой он любил
Вздремнуть на травке в полдень знойный...
«Эхма! нужда!» Топор стучит,
С плетня вороны улетают,
А щепки воздух рассекают,
И ива, падая, скрипит.

Старушка печку затопила,
Лукич на конике прилег.
«О чем грустишь? — жена спросила.
«Так, что-то мочи нет, продрог».—
«Что зять-то? Как?» —
«Смотри за щами,
В мужское дело не входи!» —
«О-ох, не ошибись, гляди!
Дом заложил... что будет с нами.
Когда не выкупим?» —
«Опять!
Нельзя, к примеру, помолчать?»

Дверь отворилась, и горбатый,
В халате, с палкой суковатой,
Длиннобородый мужичок
Сказал с поклоном: «Встань, дружок!
Хозяин умный, тароватый!
Явился гость,— и ты не рад,
И я, сокóл, не виноват».—
«Мы погодя побалагурим.
Ты кто? Зачем?» —
«Да встань-ка, встань!
Не погоняй! кнута не любим...
Теперь — подушное достань».—
«Ты, знать, от старосты?
Рассыльный?» —
«Узнал, сударик мой, узнал!» —

«Присядь: ты, кажется, устал...
Ну, что сегодня?.. Ветер сильный?..
Я, знаешь, все в избе сижу,
На двор, к примеру, не хожу,
Нога болит».—
«Хе-хе! проказник!
Испил воды на светлый праздник,
Болит с похмелья голова...
Хитер на красные слова!» —
«Чего! ей-ей, болит! без шуток!
Вот видишь!.. Ох!.. не наступлю!» —
«Хе-хе, сударик мой, люблю!
Нужда горька без прибауток...
Доставь-ка деньги-то, родной.
Ин — к старосте пойдем со мной».—
«Да я бы рад! недуг проклятый!
Как быть?» —
«Подушное платить!
Я вот, сударик, сам девятый,
Живу — плачу!.. не стать тужить.
Шесть душ детей, жена седьмая,
Да я с горбом... Пойдем, пойдем!
Какая там нога больная!» —
«Скажи, что дома не застал,
Из города, мол, отлучился...»
И в кошельке Лукич порылся,
Последний гривенник достал.
«Хе-хе, сударик! маловато!» —
«Ей-богу, больше гроша нет!» —
«Ну, за тобою, дело свято...
Прощай покудова, мой свет!»

«Теперь на хлеб добудь где знаешь!—
Лукич подумал — и вздохнул,
И кошелек на стол швырнул.—

Не рад хромать, да захромаешь!
Попробуй-ка пожить вот так...
А ведь кричат: кулак! кулак!..»

XIX

Вот и зима. Трещат морозы.
На солнце искрится снежок.
Пошли с товарами обозы
По Руси вдоль и поперек.
Ползет, скрипит дубовый полоз,
Река ли, степь ли — нет нужды:
Везде проложатся следы!
На мужичке белеет волос,
Но весел он; идет — кряхтит,
Казну на холоде копит.

Кому путек, кому дорога —
Арине дома дела много!
Вставая с раннею зарей,
Она ходила за водой;
Порой белье чужое мыла:
Дескать, работа не порок,
Все будет хлебушка кусок;
Порою и дрова рубила,
Когда Лукич на печке спал,
Похмелье храпом выгонял;
От стужи кашляла, терпела
И напоследок заболела.
Лежит неделю — легче нет;
Уста спеклись, все тело ноет;
Едва глаза она закроет,
Живьем из мрака прежних лет
Встают забытые виденья...

Вот вспомнилась с грозою ночь:
В густом саду шумят деревья,
Из теплой колыбели дочь
Головку в страхе поднимает
И громко плачет и дрожит,
А муж неистово кричит
И стул, шатаясь, разбивает...
Вдруг тихо. Вот ее сынок,
Малютка, убранный цветами,
Покоится под образами;
Блестит в лампаде огонек,
В углу кадильница дымится,
Стол белой скатертью накрыт,
Под кисеей младенец спит,
Она от ветра шевелится,
А солнце в горенку глядит,
На трупе весело играя...
И мечется в жару больная;
В ушах звенит, в глазах темно,
Из глаз ручьями слезы льются,
Меж тем как с улицы в окно
К ней звуки музыки несутся,—
Там, свадьбу празднуя, идет
С разгульным криком пьяный сброд...
В борьбе с мучительным недугом,
Смотря бессмысленно кругом,
Старушка встанет, и потом,
Вся потрясенная испугом,
Со стоном снова упадет
И дочь в беспамятстве зовет.

Лукич измучился с больною:
Сам кой-как печку затоплял
И непривычною рукою
Себе обед приготовлял.

Спешил на рынок, с рынка снова
Жену проведать приходил,
Малиной теплою поил:
Вспотеешь, будешь, мол, здорова,—
И снова дом свой покидал,
Куска насущного искал.

Вот входит Саша. Мать больная,
Кряхтя, ей делает упрек:
«Ты редко ходишь, мой дружок!
Я умираю, дорогая...
Ох, тошно! так и давит грудь!
Хоть бы на солнышко взглянуть,
Все снег да снег!..» —
«Я к вам хотела
Вчера прийти, да то дела,
То гости...» Саша солгала:
Свекровь ей просто не велела,
Не приказал и муж: авось
Еще, мол, свидишься небось!
Старушка ложь подозревала,
По голосу ее узнала,
А голос Саши грустен был!
«Дитя мое, я... бог судил...
Дай руку!.. дай, моя родная!
Так... крепче жми!.. Ну, вот теперь
Легко...» И плакала больная;
Рыдала дочь. Без шума в дверь
Входила смерть.
Был темный вечер.
Порывистый, холодный ветер
В трубе печально завывал.
Лукич встревоженный стоял
У ног Арины. Дочь глядела
На умирающую мать

И все сильней, сильней бледнела.
Старушка стала умолкать
И постепенно холодела,
И содроганья ног и рук,
Последний знак тяжелых мук,
Ослабевали. Вдруг, рыдая,
Упала на колени дочь:
«Благослови меня, родная!» —
«Отец твой... нищий... ты помочь
Ему... наш дом...» — и речь осталась
Неконченной, — и тихий стон
Сменил слова. Но вот и он
Умолк. Развязка приближалась.
В тоске подъятая рука,
Как плеть, упала. Грудь слегка
Приподнялась и опустилась,
Дыханье реже становилось,
Взор неподвижный угасал,
По телу трепет пробежал,
И стихло все... Не умолкал
Лишь бури вой.
«Один остался!
Один, как перст!» — Лукич сказал,
Закрыл лицо — и зарыдал.

Уснуло доброе созданье!
Жизнь кончена. И как она
Была печальна и бедна!
Стряпня и вечное вязанье,
Забота в доме приглядеть
Да с голоду не умереть,
На пьянство мужа тайный ропот,
Порой побои от него,
Про быт чужой несмелый шепот
Да слезы... больше ничего!

И эта мелочь мозг сушила
И человека в гроб свела!
Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочного зла!
Как гром, ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты — пол не заскрипит,
А душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипит!

С рассветом буря замолчала.
Арина на столе лежала.
В лампаде огонек сиял;
Он как-то странно освещал
Лицо покойницы-старушки,
И неподвижной, и немой,
И белые углы подушки,
Прижатой мертвой головой.
Убитый горем и тоскою,
Перед иконою святою
Лукич всю ночь псалтырь читал.
Уныл и тих его был голос;
От страха жесткий, черный волос
На голове не раз вставал.
Казалось, строго и сурово
Глядела бледная жена;
Раба доселе, с жизнью новой
Вдруг изменилася она,—
Свою печаль припоминала
И мужу казнью угрожала...
Старик внимательней читал
И ничего не понимал.
Все буквы, мнилось, оживали,
Плясали, разбегались вдруг...
При обороте издавали
Листы какой-то чудный звук...

Меж тем соседки понемногу
Набились в горенку. Одне
Вздыхали и молились богу,
Другие в грустной тишине
С тяжелой думою стояли
Иль об усопшей толковали,
Что, вот-де, каковы дела,—
Жила, жила — да умерла!
Мать столяра в углу стояла,
С кумой любимою шептала:
«Ведь на покойнице платок,
Что тряпка... ай да муженек!
Убрал жену, кулак проклятый!
О платье и не говорю —
Я вчуже от стыда горю:
С заплатой, кажется, с заплатой!..
А дочь слезинки не прольет...
Вот срам-то! инда зло берет!
Ах, я тебе и не сказала!
Она за сына моего
Хотела выйти... каково?
Да я-то шиш ей показала!
И мать-то, помянуть не тем,
Глупа была, глупа совсем!»

Соседки вышли. Стал совета
Отец у дочери просить:
«Ну, Саша! мать вот не отпета.
Где деньги? чем мне хоронить?» —
«Мой муж поможет. Попросите
Здесь посидеть кого-нибудь
И вслед за мною приходите».—
«Да! надо, надо шею гнуть!
И поделом мне! ох, как стόю!»

И крепко жилистой рукою,
Остановя на трупе взор,
Свой бледный лоб старик потер.

XX

Румян, плечист, причесан гладко,
Тарас Петрович за тетрадкой
В рубашке розовой сидел,
На цифры барышей глядел
И улыбался. Под рукою
Сияли проволоки счет;
Зеленый плющ над головою
Висел с окна. Полна забот,
За чаем Саша хлопотала;
Пел песни светлый самовар;
В лежанке загребенный жар
Краснел; струей перебегало
По углям полымя. И вдруг
Часы издали странный звук,
Шипели долго и лениво.
И, с пятнышками вместо глаз,
Кукушка серая тоскливо
Прокуковала восемь раз.

Лукич вошел,— и сердце сжалось
У Саши. Жалок был отец!
Оборван, бледен... грусть, казалось,
Его убила наконец.
Едва старик перекрестился,
Румяный зять его вскочил
И сожаленье изъявил,
Что доброй тещи он лишился.

«Мне, мол, жена передала...
Святая женщина была!» —
«Вот надо справить погребенье...
Нет гроба... сделай одолженье —
Дай пóмочь!» —
«От добра не прочь,
Зачем родному не помочь?..
Гм!.. жаль! я думаю — простуда?» —
«Бог знает что, да умерла».—
«Я полагаю-с, смерть пришла...
Вот выпейте чайку покуда».—
«Благодарю! не до того».—
«Напрасно-с! это не мешает:
Он эдак грудь разогревает...» —
«Да я не зябну. Ничего...
Не позабудь, к примеру, в горе!» —
«Вот ключ позвольте отыскать...
Я много не могу вам дать,
Не то что... да-с! Нет денег в сборе».—
«Не добивай! Я так убит!» —
«О том никто не говорит.
Насчет того-с... оно, конечно,
Родню позабывать грешно,
Да ведь грешно и жить беспечно,
Да-с! поскользнетесь неравно!
На вас вот тулупишко рваный,
Из сапогов носки глядят,
А вы намедни были пьяны...
Выходит, кто же виноват?» —
«Ох, знаю, друг мой! Все я знаю!
Ведь пьет неволя иногда!
Ты думаешь, мне нет стыда,
Что плутовством я промышляю,
Хитрю, ем хлеб чужой, как вор?» —
«Расчет в торговле не укор...

Все это пустяки — и только,
На печке хочется лежать!
На рынке горько промышлять,
Ну-с, а просить теперь — не горько?»—
«Вестимо... если бы ты знал!
Осмеян всеми, обнищал,
Тут совесть не дает покою...
Зять! Не пусти меня с сумою!
Дай мне под старость отдохнуть!
Поставь меня на честный путь!
Дай дело мне! Господь порука,—
Не буду пить и плутовать!» —
«Привыкли-с. Трудно перестать!
Вот, значит, вам вперед наука...
На похороны помогу,
Насчет другого-с — не могу».—
«И с бородою поседелой
Опять мне грабить мужичков?
Пойми ты, доброе ли дело!
Неужто вор я из воров!
Зять! Богом, значит, умоляю,
Подумай! Выручи!» —
                                        «Опять!
Охота вам слова терять!
Нельзя-с! По чести заверяю...
Рубль серебра, извольте, дам».—
«Так я, выходит, по домам
На тело мертвое сбираю...
Ну, есть ли стыд в тебе и честь?
Ведь я не нищий! я твой тесть!
Ведь я прошу не подаянья,—
Взаем. Ты слышишь или нет?» —
«А я даю из сострađанья,
Не то что... да-с! И мой совет:
Не надо брезгать».

Саша встала.
Негодования полна,
Казалось, выросла она
И мужу с твердостью сказала:
«Я свой салоп отдам в заклад —
И мать похороню!» —

«Чудесно-с!
Гм!.. дочка нежная... известно-с...
Хе-хе! Бывает — не велят!» —
«Ну, если так, найду другое...
Вот обручальное кольцо...»
И Саши бледное лицо
Покрылось краскою.
«Пустое!
Не смеешь, значит!» —
«Саша, Саша!
Оставь! схороним как-нибудь!» —
Сказал отец.
«Нет, воля ваша!
Уж у меня изныла грудь
От этой жизни!.. я молчала...
Он мягко стелет, жестко спать...
Пусть бьет! я не хочу скрывать!
Больною мать моя лежала,
Я мать проведать не могла!
Боится — столяра увижу...» —
«Столяр мне что? Молва была...
Он плут! плутов я ненавижу.
Муж хоть и лыком шит,— люби,
Да знай стряпню, да не груби,
На то жена!» —
«О, будь уверен,
Я буду стряпать и молчать!
Но под замком себя держать

Я не позволю!..» —
«Не намерен...
Нельзя-с! законная жена...
А мужа ты любить должна —
Вот только!»
Саша улыбнулась.
Муж от улыбки побледнел,
Но вмиг собою овладел.
«Все вздор! из пустяков надулась!
Об этом мы поговорим
Наедине-с... А вот родным
Поможем. Нужно — и дадим.
Держите, батенька, бог с вами!»
Тесть молча подаянье взял
И точно память потерял:
Пошевелил слегка губами,
На зятя кинул мутный взор
И крупный пот на лбу отер.
«А вам пора за ум приняться! —
Прибавил зять.— Вы наш родной,
Не с поля вихорь, не чужой,
А с пьяным нечего мне знаться!»

Старик с поклоном вышел вон.
О чем-то, бедный, думал он?
Но, верно, думою печальной
Был возмущен: на рынок шел —
И, бог весть почему, забрел
В какой-то переулок дальний.
Опомнившись, взглянул кругом —
И зятя на́звал подлецом.

Добычи рыночной остаток,
Давно Лукич рублей десяток
В жилете плисовом берег.

Теперь вот зять ему помог,
На все достало, слава богу!
Купил он ладану, свечей,
Изюму, меду, калачей,
Вина,— конечно, понемногу;
Поденщиков приговорил
Могилу рыть, и гроб купил.
Принес его в свою избушку,
Перекрестился, крышку снял,
На дне холстину разостлал,
С молитвой положил старушку;
С молитвою свечу зажег —
И сел в раздумье в уголок.
Курился ладан. Всё молчало.
Играло солнце на стене,
Белелись свечи на окне,
Стекло алмазами сверкало,
Старушка, мнилося, спала,—
Так в гробе хороша была!
«Вот,— думал он,— вот жизнь-то наша!
Недаром сказано, что цвет
Ногою смял — его и нет.
Умру и я, умрет и Саша,
И ни одна душа потом
Меня не вспомнит... Боже, боже!
А ведь и я трудился тоже,
Весь век и худом, и добром
Сбивал копейку. Зной и холод,
Насмешки, брань, укоры, голод,
Побои — все переносил!
Из-за чего? Ну, что скопил?
Тулуп остался да рубаха,
А крал без совести и страха!
Ох, горе, горе! Ведь метла
Годится в дело! что же я-то?

Что я-то сделал, кроме зла?
Вот свечи... гроб... где это взято?
Крестьянин, мужичок-бедняк
На пашне потом обливался
И продал рожь... а я, кулак,
Я, пьяница, не побоялся,
Не постыдился никого,
Как вор бессовестный, обмерил,
Ограбил, осмеял его —
И смертной клятвою уверил,
Что я не плут!.. Все терпит бог!..
Вот зять, как нищему, помог...
В глазах мутилось, сердце ныло,—
Я в пояс кланялся, просил!..
А ведь и я добро любил,
Оно ведь дорого мне было!
И смел, и молод, помню раз
В грозу и непогодь весною
Я утопающего спас.
Когда он с мокрой головою,
Нагой, на берегу лежал,
Открыл глаза, пошевелился
И крепко руку мне пожал,—
Я, как ребенок, зарыдал
И радостно перекрестился!
И все пропало! Все забыл!..»

И голову он опустил,
И, задушить его готова,
Вся мерзость прожитая снова
С укором грозным перед ним
Стояла призраком немым.

Бедняк, бедняк! Печальной доли
Тебя урок не вразумил!

Своих цепей ты не разбил,
Послушный раб бессильной воли!
Ты понимал, что честный труд
И путь иной тебе возможен,
Что ты, добра живой сосуд,
Не совершенно уничтожен;
Ты плакал и на помощь звал...
Подхваченный нужды волнами,
В последний раз взмахнул руками —
И в грязном омуте пропал.

XXI

Бегут часы, идут недели,
Чреде обычной нет конца!
Кричит младенец в колыбели,
Несут в могилу мертвеца.
Живи, трудись, людское племя,
Вопросы мудрые решай,
Сырую землю удобряй
Своею плотью!.. Время, время!
Когда твоя устанет мочь?
Как страшный жернов, день и ночь,
Вращаясь силою незримой,
Работаешь неудержимо
Ты в божьем мире. Дела нет
Тебе до наших слез и бед!
Их доля — вечное забвенье!
Ты дашь широкий оборот —
И ляжет прахом поколенье,
Другое очереди ждет!

Прошло два года. Дым столбами
Идет из труб. Снег порошит.
Чуть солнце сквозь туман глядит,
Не грея бледными лучами.
Старушка добрая, зима,
Покрыла шапками дома.
Заутро Рождество святое.
Санями рынок запружен,
Торговлей шумной оживлен.
Желудка раб, как все живое,
Народ кишит вокруг цыплят,
Гусей, свиней и поросят.

«Пошел налево! — торопливо
Скобеев кучеру кричит
И палкой нищему грозит.—
Ты что пристал?» Но вдруг учтиво
Кивнул кому-то головой:
«Деревня Долбина за мной!
С торгов!.. поздравьте!..» — «Ой, пропала!
Ах, чтоб вам не было добра!
Вот мужичье!..» — Мать столяра
Едва под лошадь не попала,
К горшкам с кумою отошла,
Беседу снова повела:
«И говорю я это сыну:
Оставь, мол, ты свою кручину!
Нет! долго Сашу вспоминал!
И вот что было — запивал!
Теперь ни-ни! Взялся за дело...
Поди ты, не женю никак,
Прошу, прошу,— такой дурак!
Вишь, рано... время не приспело...
Да врет он! Это ничего!
Уж уломаю я его!»

Вот и столяр. Его походка
Размашиста. Тулуп космат.
Пробилась русая бородка,
И весел соколиный взгляд;
Лицо от холода краснеет,
На кудрях иней. Впереди
Толпа зевак. Она густеет.
Бедняк Лукич посереди.
Мужик с курчавой бородою,
Взбешенный, жилистой рукою
Его за шиворот держал
И больно бил, и повторял:
«Вот эдак с вами, эдак с вами!»
Старик постукивал зубами.
Халат с разорванной полой
От ветра в воздухе мотался,
И кровь на бороде седой
Застыла каплями...

«Попался! —
Кричал народ.— Тряхни его!
Тряхни получше! Ничего!» —
«Не бей по шапке! одуреет!» —
«Не смеет бить! На это суд,
Расправа, значит... бить не смеет!» —
«Валяй! Там после разберут!»
Но вдруг столяр рукою смелой
Толпу раздвинул: «Стой! за что?» —
«А не обвешивай! за то...—
Мужик ответил.— Наше дело!
Я продал шерсть, а он, того...
Обвесил — вон що!» —

«Брось его!
Ты кто? Разбойник? Смеешь драться?

Не знаешь — отдерут кнутом!
Чего ты, Карп Лукич? Пойдем!» —
«Проваливай! Не станем гнаться!
Вот не замай, он покряхтит:
В боках-то у него лежит?» —

«Эх, с этим не дошло до драки! —
Жалели, расходясь, зеваки.—
А молодец куда горяч!
И статен! То-то, чай, силач!» —

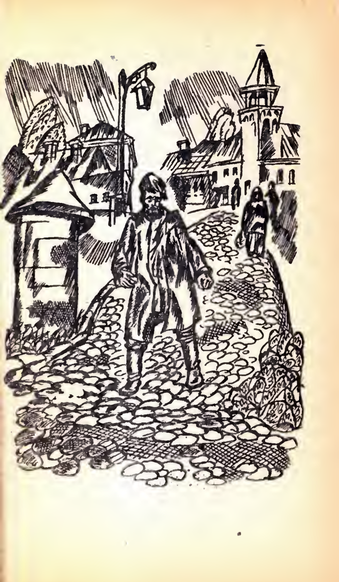
«Сосед! Ну, как тебе не стыдно! —
Столяр дорогой говорил.—
Весь помертвел... лица не видно...
Что завтра! Вспомни!» —
«Согрешил.
Обвесил... не во что одеться...
Озяб... и нечем разговеться».—
«А зять?..» —
«Мошенник! Ох, продрог!» —
«Ну, Саша?» —
«Саша помогает...
В постели... кровью все перхает...
Ох, больно!.. Заложило бок...» —
«Эх, Карп Лукич!» —
«Молчи, я знаю!
Сгубил я дочь свою, сгубил!» —
«Нет, я не то... не попрекаю.
Мне жаль тебя: соседом был...
Бедняга! Выгнали из дома...
Да ты идешь едва-едва...
Квартира где?» —
«У Покрова.
Нетопленa. Постель — солома.
Привык, к примеру... Ох, продрог!» —

«Слышь, Карп Лукич! Ты не сердися...
Вот деньги есть... Не откажися,
Возьми на праздник. Видит бог,
Даю из дружества. Ведь хуже
Обманывать, дрожать на стуже...
Возьми, пожалуйста, сосед!
Ну, хоть взаем... как знаешь!» —
                                        «Нет!
Я виноват перед тобою:
Ты с Сашей рос...» —
                                «Оставь! пустяк!
Угодно было богу так...
Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною:
В карман насильно положу.
Вот на!.. и руки подержу».—
«Покинь! Мне стыдно!» —
                                «Знаю, знаю!
А ты не вынимай назад:
Я что родному помогаю,
Не то что, значит... чем богат!
Утри-ка лучше кровь полою,
Неловко... Стой! Господь с тобою!
Ты плачешь?» —
                        «Ничего, пройдет.
Я так. Озяб... вода течет...
Сегодня в воровстве поймали,
Прибили... милостыню дали...
А дочь... Проклятый зять! Прощай!»—
«Да брось его! не поминай!
Вот завтра праздник, дел-то мало,
Ты завернешь в мой уголок,
Мы потолкуем, как бывало,
Ну, да! Присядем за пирог...
Ты просто приходи к обеду:
Равно!» И старому соседу

Он руку дружески пожал
И на прощанье шапку снял.

Лукич с разорванной полою
Побрел один. Взглянул кругом,—
Знакомых нет; махнул рукою —
И завернул в питейный дом.

Прощай, Лукич! Не раз с тобою,
Когда мой дом объят был сном,
Сидел я, грустный, за столом,
Под гнетом дум, ночной порою!
И мне по твоему пути
Пришлось бы, может быть, идти,
Но я избрал иную долю...
Как узник, я рвался на волю,
Упрямо цепи разбивал!
Я света, воздуха желал!
В моей тюрьме мне было тесно!
Ни сил, ни жизни молодой
Я не жалел в борьбе с судьбой!
Во благо ль? Небесам известно...
Но блага я просил у них!
Не ради шутки, не от скуки,
Я, как умел, слагал мой стих,—
Я воплощал боль сердца в звуки!
Моей душе была близка
Вся грязь и бедность кулака!
Мой брат! никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя!
Пройдет, быть может, посмеется,
Потеху пошлую любя..
Ты сгиб. Но велика ль утрата?
Вас много! Тысячи кругом,
Как ты, погибли под ярмом

Нужды, невежества, разврата!
Придет ли наконец пора,
Когда блеснут лучи рассвета;
Когда зародыши добра
На почве, солнцем разогретой,
Взойдут, созреют в свой черед
И принесут сторичный плод;
Когда минет проказа века
И воцарится честный труд;
Когда увидим человека —
Добра божественный сосуд?..

1854—1857.

ТАРАС

1

Нужда, нужда! Все старые избенки,
В избенках сырость, темнота;
Из-за куска и грязной одежонки
Все бьются... прямо нищета!

Невесела ты, глушь моя родная!
Поникли ивы над рекой,
Молчит дорожка, травкой зарастая,
И бродит люд как испитой.

Вот уж вечер идет,
Росой травку кропит;
В синих тучах заря
Разыгралась-горит.

Золотые дворцы
По-над лесом плывут.
Золотые сады
За дворцами растут.

Через синюю глубь
Мост янтарный висит...
Из-за темных дубов
Ночь-царица глядит.

Вздохи-чары и лень
Разлеглись на цветах.
Огоньки по траве
Зажигают впотьмах.

Вот за горкой крутой
Колокольчик запел,
На горе призатих,
Под горой зазвенел.

Прозвенел по селу,
В чистом поле поет,
На широкий простор
Душу-сердце зовет...

Житье, житье! Закован точно в цепи,
Молчи да чахни от тоски...
Эх, если бы махнуть мне на Дон в степи
Или на Волгу в бурлаки!..

Так изнывал Тарас от дум-заботы,
И, грезя про чужую даль,
Он шел межами с полевой работы
Домой, на горе и печаль.

II

Тарасу с детства приходилось жутко:
Отец его был строг и крут,
Жене побои называл он шуткой
И называл наукой кнут.

Бывало, кот под ноги подвернется —
Кота поленом... «Будь умен!»
Храни господь, когда вина напьется,
Беги, семья, из дома вон!

Пристанет к гостю, крепко обнимает,
Целует: «Друг мой дорогой!
Я вот тебе...» — и в ноги упадает.
Гость скажет: «Вот чудак какой!» —

«Кто, я чудак! А ты, мужик богатый!
Не любишь знаться с бедняком!
Так на вот! Помни, лапотник проклятый!»
И друга хватит кулаком.

Испуганный сынишка встрепенется
И матери тайком шепнет:
«Ох, матушка! Опять отец дерется...
Уйдем! он и тебя прибьет...» —

«Ступай-ко за грибами, вот лукошко,—
Ответит мать,— тут хлеб лежит...»
И в темный лес знакомою дорожкой
Мальчишка бéгом побежит.

И там он ляжет на траве росистой.
Прохлада, сумрак... Вот запел
Зеленый чиж под липою душистой;
Вот дятел на березу сел

И застучал. Вот заяц по тропинке
Пронесся,— и уж следу нет.
Тут стрекоза вертится на былинке,
По листьям жук ползет на свет;

Тревожно шепчет робкая осина
Сквозь зелень видны вдалеке
Уснувших вод зеркальная равнина,
Рыбак с сетями в челноке,

Стада овец, луга, пески, заливы,
В воде и над водой леса,
За берегами золотые нивы,
Вокруг — в сиянье небеса.

И, очарован звуками лесными,
Цветов дыханьем упоен,
Ребенок грезит снами золотыми,
Весь в слух и зренье превращен.

Когда корой прозрачною и тонкой
Синела в осень гладь озер,
Иной приют манил к себе ребенка,—
Соседа постоялый двор.

Там бурлаки порой ночлег держали
Или гуляки-косари,
Про степь и Волгу песни распевали
Всю ночь до утренней зари.

И за сердце хватал напев унылый.
Вдруг свист... и вскакивал бурлак:
«Пой веселей!..» И песня с новой силой
Неслась, как вихрь... «Дружней! вот так!..»

И свистом покрывался звук жалейки.
И пол от топота гудел,
И прыгал стол, и прыгали скамейки...
Ребенок слушал и смотрел.

И брань отца была ему больнее,
Когда домой он приходил,
И уголок родной глядел скучнее,
И он бог весть о чем грустил.

III

Прошли года. И на дворе, и в поле
Тарас работник хоть куда,
И головы не клонит в темной доле
Ни перед кем и никогда.

Чуть мироед на бедняка наляжет —
Тарас уж тут. Глаза блестят,
Лицо бледнеет... «Ты не трогай! — скажет.—
Не бей лежачих! Не велят!» —

«Ты кто такой!.. И меряет глазами
Нахала с головы до ног.
Отец махнет с досадою руками:
«Несдобровать тебе, сынок!

Подрежут крылья!.. Так оно бывает...»
Надвинет шапку и пойдет;
И в кабаке до ночи пропадает.
Домой насилу добредет.

«Ну, кто тут? Эй, жена, зажги лучину!
Я шапку пропил... да! смотри!

Весь век работал... ну, пора и сыну
Работать... черт вас побери!

Весь век пахал... все нищий... Что ж работа!
Вестимо так. И хлеб и квас —
Мы все добудем! Важная забота!
Ну, пьян... Никто мне не указ!..»

И в уголок свои деньжонки спрячет,
Забудет,— и давай искать;
Кричит: «Разбой!» — и охает, и плачет:
«Ты вор, Тарас! не смей молчать!

Ты вор! будь проклят! сохни, как лучина..»
Стоит, ни слова сын в ответ;
В его глазах угрюмая кручина,
В его лице кровинки нет.

Сидит на лавке бедная старушка,
Лицо слезами облито.
И так печальна тесная избушка,
Что не глядел бы ни на что...

Уж рассветает. Тучки краской алой
Покрыты. Закраснелся пруд,
И весело под кровлей обветшалой
Певуньи-ласточки снуют.

Вдали туман редеет над лугами.
Вот слышны резкий скрип ворот
И голос бабы: «Поезжай межами,
Там перелеском путь пойдет...»

«Эхма! уж день!» Тарас тряхнет кудрями:
Ну, видно, после, мол, поспишь...

И вот с сохою едет он полями;
Дорога — скатерть, в поле — тишь;

Над лесом солнце золотом сверкает,
И птичка в вышине поет,
Звенит, поет и устали не знает...
И парень песню заведет.

И грустно, грустно эта песня льется.
Он едет лугом — будит луг,
Он едет лесом — темный лес проснется
И с ним поет, как старый друг.

Заря погасла. Кончена работа.
Уснуть бы, кажется, пора,
Да спать-то парню не дает забота,—
Коней ведет он со двора

Поить... И шляпу набекрень наденет,
Ворота настежь распахнет,
По улице, посвистывая, едет,
А за углом — подруга ждет.

Кругом безлюдно. Тепел летний вечер.
Река при месяце блестит.
И знает только перелетный ветер,
Что парень с милой говорит.

Печальна жизнь, печальна с милой встреча:
Она поникла головой,
В ответ на ласки не находит речи;
Стоит и парень сам не свой.

«Я сам не рад, голубка дорогая!
Как мне жениться на тебе?

Свяжу тебя, свяжу себя, родная...
Гнезда не вить уж мне себе.

Мне тесно тут. Не связывай мне воли.
Авось придут иные дни...
А сгину где, без счастья и без доли,—
Меня хоть ты-то не кляни!» —

«На муку, верно,— отвечает голос,—
Да на печаль я рождена,
И пропаду, что одинокий колос,
И все молчать, молчать должна!

Отец и мать мне попрекнут тобою,
Там замуж... чахни от тоски!
И всем-то будет воля надо мною
До гробовой моей доски!..» —

«Не быть тому! добьюсь до красной доли!
Не стать мне силы занимать...
И будешь ты и в радости, и в холе,
И в неге век свой вековать».

IV

Блестят, мерцают звезды над полями.
Соседа грязная изба
Чуть не битком набита косарями;
В избе веселая гульба.

Дым тютюна, жара... Весь в саже черной
Ночник мигает над столом,
Трещит. И ходит по рукам проворно
Стакан, наполненный вином.

Поют н пляшут косарн степные,
Кафтаны сброшены с их плеч,
Растрепаны их кудри молодые,
Смела размашистая речь.

Тарас сидит угрюмый и печальный.
Он друга по сердцу сыскал
И про свою любовь к сторонке дальной,
И про тоску порассказал.

«Эх, курица! — товарищ крикнул громко.—
Тебе ль лететь в далекий путь!
Связался тут с какою-то девчонкой,
Боишься крыльями махнуть!

Гулял бы ты, как я, сокол, гуляю:
Трн года на Дону прожил,
Теперь на Волгу лыжи направляю,
Про дом и думать позабыл».

И долго говорил косарь кудрявый,
И все хвалил степей простор,
Красу казачек, косарей забавы,—
И песней кончил разговор.

Тарас вскочил. Лицо его горело.
«Так здравствуй ты, чужая даль!
Ну,— в степь так в степь! Все сердце изболело.
Вина! Запьем свою печаль!»

И взял он паспорт, помолился богу
И отдал старикам поклон:
Благословите, мол, родные, на дорогу,
Так, значит, надобно: закон.

Старик кричал,— ничто не помогало,
И плюнул наконец со зла.
Старушка к сыну на плечо припала
И оторваться не могла.

«Касатик мой, мой голубь сизокрылый!
Господ тебя да сбережет...
Заел тебя, заел отец постылый,
Да и меня-то в гроб кладет».—

«Возьми-ка с горя об стену разбейся,—
Сказал ей муж.— Вишь обнялись!
Ступай, сынок! ступай, как вихорь, вейся.
Как вихорь, по свету кружись!..»

V

И, распростясь с родными полями,
Взяв только косу со двора,
Пошел Тарас с котомкой за плечами
Искать и счастья и добра.

Одна заря сменялася другою,
За темной ночью день вставал,
Все шел косарь, все дальше за собою
Поля родные оставлял.

Порой, усталый, на траву приляжет,
Горячий пот с лица отрет,
Ремни котомки кожаной развяжет
И скудный завтрак свой начнет.

На нем от пыли платье почернело,
В клочках подошвы сапогов,
Лицо его от солнца загорело,
Но как он весел и здоров!

Идет мой парень, а над ним порою
Иль журавлей кружится цепь.
Иль пролетают облака толпою,
И вот он углубился в степь.

«О, господи! Что ж это за раздолье!
А глушь-то... степь да небеса!
Трава, цветы — уж правда, тут приволье,
Краса, что рай земной, краса!»

Меж тем трава клонилась, поднималась,
Ей ветер кудри завивал,
По этим кудрям тень переливалась
И яркий луч перебегал.

Средь изумрудной зелени, как глазки,
Цветы глядели тут и там,
По ним играли радужные краски,
И кланялись цветы цветам.

И голоса без умолку звучали:
Жужжанье, песни, трескотня
Со всех сторон неслись и утопали
В сиянье солнечного дня.

Смеркается,— и говор затихает
Край неба в полымя горит,
Ночь темная украдкой подступает,
Степной травы не пробудит.

Зажглась звезда, зажглось их много, много,
И месяц в сумраке блестит,
И сноп лучей воздушною дорогой
Идет — и в глубь реки глядит.

Все стихло, спит. Но степь как будто дышит,
В дремоте звуки издает:
Вот где-то свист далекий ухо слышит,
И, кажется, чумак поет.

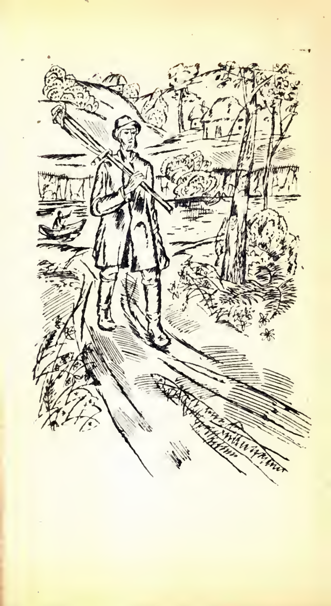
Редеют тени, звезды пропадают,
В огне несутся облака
И, медленно редея, померкают.
Трава задвигалась слегка.

Светло. Вспорхнула птичка. Солнце встало.
Степь тонет в золотом огне.
И снова все запело, зазвучало
И на земле, и в вышине...

Вот в стороне станица показалась,
Стеклом воды отражена,
Сидит на берегу; вся увенчалась
Садами темными она.

По зелени некошеной равнины
Рассыпался табун коней.
Безлюдье, тишь. Холмов одни вершины
Оглядывают ширь степей.

Вошел Тарас в станицу и дивится:
Казачка, в пестром колпаке,
На скакуне ему навстречу мчится
С баклагой круглою в руке.

Желтеют гумна. Домики нарядно
Глядят из зелени садов.
Вот спит казак под тенью виноградной,
И так румян он и здоров!

Ни грязных баб в поневах подоткнутых,
Ни лиц не видно испитых,
И нет тут нищих бледных, необутых,
Калек и с чашками слепых...

Как раз мой парень подоспел к покосу,
Нанялся скоро в косари.
«Ну, в добрый час!» И наточил он косу
При свете утренней зари.

Кипи, работа! В шляпе да в рубахе
Идет, махает он косой;
Коса сверкает, и при каждом взмахе
Трава ложится полосой.

Там в вышине орел иль кречет вьется,
Иль туча крылья развернет,
И темный вихорь мимо пронесется,—
Тарас и косит, и поет...

Стога растут. Покос к концу подходит,
Степь засыпает в тишине
И на сердце, нагая, грусть наводит...
Косарь не рад своей казне.

Так много нужд! Он пролил столько пота.
Казны так мало накопил...
Куда ж идти? Опять нужна работа.
Опять нужна растрата сил!

И будешь сыт... Так до сырой могилы
Трудись, трудись... но жить когда?
К чему казна, когда растратишь силы
И надорвешься от труда?

А радости? иль нет их в темной доле,
В суровой доле мужика?
Иль кем он проклят, проливая в поле
Кровавый пот из-за куска?..

В степи стемнело. Около дороги
Горят на травке огоньки;
В густом дыму чернеются треноги,
Висят на крючьях котелки.

В воде пшено с бараниной варится.
Уселись косари в кружок,
И слышен говор: никому не спится,
И слышен изредка рожок.

Вокруг молчанье. Месяц обливает
Стогов верхушки серебром,
И при огне из мрака выступает
Шалаш, покрытый камышом.

«Ну, не к добру,— сказал косарь плечистый.—
Умолк наш соловей степной!..
А ну, Тарас... привстань с травы росистой,
Уважь, «Лучинушку» пропой!» —

«Ну, нет, дружище, что-то не поется.
Гроза бы, что ли уж, пошла...
Такая тишь, трава не пошатнется!
Нет, летом лучше жизнь была!» —

«Домой, приятель, видно, захотелось.
Ты говорил: тут рай в степях!..» —
«И был тут рай; да все уж пригляделось;
Работы нет, трава в стогах...»

И думал он: «Вот я и дом покинул...
Была бы только жизнь по мне,
Ведь, кажется, я б гору с места сдвинул,—
Да что... заботы все одне!..

Живется ж людям в нужде без печали!
Так наши деды жизнь вели,
Росли в грязи, пахали да пахали,
С нуждою бились, в гроб легли

И сгнили... Точно смерть утеха!
Ищи добра, броди впотьмах,
Покуда, свету божьему помеха,
Лежит повязка на глазах...

Эх, ну вас к черту, горькие заботы!
О чем тут плакать горячо?
Пойду туда, где более работы,
Где нужно крепкое плечо».

VI

Горит заря. Румяный вечер жарок.
Румянец по реке разлит.
Пестреют флаги плоскодонных барок,
И люд на пристани кишит.

В высоких шапках чумаки с кнутами,
Татарин с бритой головой,

В бешмете с откидными рукавами
Курчавый грек, цыган седой,

Купец дородный с важною походкой,
И с самоваром сбитенщик,
И плут еврей с козлиною бородкой,
Вестей торговых проводник.

Кого тут нет! Докучный писк шарманок,
Смех бурлаков, и скрип колес,
И брань, и песни буйные цыганок —
Все в шум над берегом слилось.

Куда ни глянь — под хлебом берег гнется:
Хлеб в балаганах, хлеб в бунтах...
Недаром Русь кормилицей зовется
И почивает на полях.

Вкруг вольницы веселый свист и топот;
Народу — пушкой не пробьешь!
И всюду шум, как будто моря ропот;
Шум этот слушать устаешь.

«Вот где разгул! Вот милая сторонка! —
Тарас кричит на берегу.—
Гуляй, ребята! вот моя мошонка!
Да грянем песню... помогу!

Ну, «Вниз по матушке по Волге...» дружно!..»
И песня громко понеслась;
Откликнулся на песню луг окружный,
И даль реки отозвалась...

А небо все темнело, померкало,
Шла туча синяя с дождем,

И молния гладь Дона освещала,
И перекатывался гром.

Вдруг хлынул дождь, гроза забушевала;
Народ под кровли побежал.
«Шабаш, ребята! Песни, значит, мало!» —
Тарас товарищам сказал.

Пустился к Дону. Жилистой рукою
Челнок от барки отвязал,
Схватил весло,— и тешился грозою,
По гребням волн перелетал.

И бурлаки качали головами:
«Неугомонный человек!
Вишь, понесло померяться с волнами,
Ни за копейку сгубит век!..»

VII

Одеты серые луга туманом;
То дождь польет, то снег летит.
И глушь, и дичь. На берегу песчаном
Угрюмо темный лес стоит.

Дождю навстречу, мерными шагами,
Под лямкой бурлаки идут
И тянут барку крепкими плечами,—
Слабеть канату не дают.

Их ноги грязью до колен покрыты,
Шапчонки лезут на глаза,
Потерлось платье, лапти поизбиты,
От поту взмокли волоса.

«Бери причал! живее, что ль! заснули!» —
Продрогший кормчий закричал.
И бурлаки веревки натянули,—
И барка стала на привал.

Огонь зажжен; дым в клочьях улетает;
Несутся быстро облака;
И ветром барку на волнах качает,
И плещет на берег река.

Тарас потер мозолистые руки
И сел, задумавшись, на пень.
«Ну, ну! перенесли мы нынче муки! —
Промолвил кто-то.— Скверный день!..

Убег бы, да притянут к становому
И отдерут...» — «Доволокем! —
Сказал другой.— Гуляй, пока до дому,
Там будь что будет!.. уж попьем!..

Вот мы вчера к Тарасу приставали,
Куда,— не пьет! Такой чудак!» —
«А что, Тарас, ты, право, крепче стали,—
Сказал оборванный бурлак.—

Тут тянешь, тянешь,— смерть, а не работа,
А ты и ухом не ведешь!..»
Тарас кудрями, мокрыми от пота,
Тряхнул и молвил: «Не умрешь!

Умрешь,— зароем».— «У тебя все шутки.
О деле, видишь, речь идет.
Ведь у тебя — то песни, прибаутки,
То скука — шут тебя поймет!..» —

«Рассказывай, перебивать не буду...»
Он думал вовсе о другом,
Хоть и глядел, как желтых листьев груду
Огонь охватывал кругом.

Припомнил он сторонушку родную
И свой печальный, бедный дом;
Отец клянет его напропалую,
А мать рыдает за столом.

Припомнил он, как расставался с милой,
Зачем? Что ждало впереди?
Где ж доля-счастье?.. Как она любила!..
И сердце дрогнуло в груди.

«Сюда, ребята! Плотник утопает!» —
На барке голос раздался.
И по доскам толпа перебегает
На барку. «Эк он, сорвался!» —

«Да где?» — «Вот тут. Ну, долго ль
оступиться!» —
«Вот горе: ветер-то велик!» —
«Плыви скорей!» — «Ништо, плыви топиться!» —
«Спасите!» — разносился крик.

И голова мелькала над волнами.
Тарас уж бросился в реку
И во всю мочь размахивал руками,
«Держись! — кричал он бедняку,—

Ко мне держись!» Но громкого призыва
Товарищ слышать уж не мог —
И погрузился в волны молчаливо...
Тарас нырнул. Уж он продрог

И был далеко. Глухо раздавался
И шум воды, и ветра вой;
Пловец из синей глуби показался
И вновь исчез... Немой толпой

Стоял народ с надеждою несмелой.
И вынырнул Тарас из волн,
Глядят — за ним еще всплывает тело...
И разом грянуло: «Спасен!»

И шапками в восторге замахала
Толпа, забывшая свой страх.
А буря выла. Чайки пропадали,
Как точки, в темных облаках.

Устал пловец. Измученный волнами,
Едва плывет. Они бегут
Все в белой пене, дружными рядами,
И все растут, и все растут.

Хотел он крикнуть — замерло дыханье.
И в воздухе рукой потряс,
Как будто жизни посылал прощанье,
И крикнул — и пропал из глаз...

Октябрь — ноябрь 1855, 1860.

ПОЕЗДКА НА ХУТОР

(Отрывок из поэмы
«Городской голова»)

Уж кони у крыльца стояли.
От нетерпенья коренной
Сухую землю рыл ногой;
Порой бубенчики звучали.
Семен сидел на облучке,
В рубашке красной, кнут в руке;
На упряжь гордо любовался,
Глядел, глядел — и засмеялся,
Вслух коренного похвалил
И шляпу набок заломил.
Ворота настежь отворили,
Семен присвистнул,— туча пыли

Вслед за конями понеслась,
Не догнала — и улеглась.

По всей степи — ковыль, по краям — все туман.
Далеко, далеко от кургана курган;
Облака в синеве белым стадом плывут,
Журавли в облаках перекличку ведут.
Не видать ни души. Тонет в золоте день.
Пробежать по траве ветру сонному лень.
А цветы-то, цветы! как живые стоят,
Улыбаются, глазки на солнце глядят,
Словно речи ведут, как их жизнь коротка,
Коротка, да без слез, от забот далека.
Вот и речка... Не верь! то под жгучим лучом
Отливается тонкий ковыль серебром.
Высоко, высоко в небе точка дрожит,
Колокольчик веселый над степью звенит.
В ковыле гудовень — и поют, и жужжат,
Раздаются свистки, молоточки стучат;
Средь дорожки глухой пыль столбом поднялась,
Закружилась, в широкую степь понеслась...
На все стороны путь: ни лесочка, ни гор!
Необъятная гладь! неоглядный простор!

Мчится тройка, из упряжи рвется,
Не смолкает бубенчиков звон,
Облачко за телегою вьется,
Ходит кругом земля с двух сторон,
Путь-дорожка назад убегает,
А курганы заходят вперед;
Луч горячий на бляхах играет,
То подкова, то шина блеснет;
Кучер к месту как будто прикован,
Руки вытянул, вожжи в руках;
Синей степью седок очарован —
Любо сердцу, душа вся в очах!

«Не погоняй, Семен! устали!» —
Хозяин весело сказал,
Но кони с версту пробежали,
Пока их кучер удержал.
Лениво катится телега,
Хрустит под шинами песок;
Вздохнет и стихнет ветерок;
Над головою блеск и нега.
Воздушный продолжая бег,
Сверкают облака, как снег.
Жара. Вот овод закружился,
Гудет, на коренную сел;
Спросонок кучер изловчился,
Хвать кнутовищем — улетел!
Ну, погоди! — Перед глазами
Мелькают пестрые цветы.
Ум занят прежними годами,
Иль праздно погружен в мечты.
Евграф вздохнул. Воображенье
На память детство привело:
В просторной комнате светло;
Складов томительное чтенье
Тоску наводит на него.
За дверью шум: отец его
Торгует что-то... Слышны споры,
О дегте, лыках разговоры
И серебра и рюмок звон...
А сад сияньем затоплен;
Там зелень, листьев трепетанье,
Там лепет, пенье и жужжанье —
И голоса ему звучат:
Иди же в сад! иди же в сад! —
Вот он в гимназию отправлен,
Подрос — и умный ученик;
Но как-то нелюдим и дик,

Кружком товарищей оставлен.
День серый. В классе тишина.
Вопрос учитель предлагает;
Евграф удачно отвечает,
Восторга грудь его полна.
Наставник строго замечает:
«Мещанский выговор у вас!»
И весело хохочет класс;
Евграф бледнеет.— Вот он дома;
Ему торговля уж знакома.
Но, боже! эти торгаши!..
Но это смрадное болото,
Где их умом, душой, работой
До гроба двигают гроши!
Где все бессмысленно и грязно,
Где все коснеет и гниет...
Там ужас сердце обдает!
Там веет смертью безобразной!..

Но вот знакомый изволок.
Уж виден хутор одинокий,
Затерянный в степи широкой,
Как в синем море островок.
Гумно заставлено скирдами,
Перед избою на шесте
Бадья заснула в высоте;
Полусклоненными столбами
Подперта рига. Там — вдали —
Волы у стога прилегли.
Вокруг безлюдье. Жизни полны,
Без отдыха и без следа,
Бегут, бегут, бог весть куда,
Цветов, и трав, и света волны...

Семен к крылечку подкатил
И тройку ловко осадил.
Собака с лаем подбежала,
Но дорогих гостей узнала,
Хвостом махая, отошла
И на завалинке легла.
Евграф приказчика Федота
Застал врасплох. За творогом
Сидел он с заспанным лицом.
Его печаль, его забота,
Жена смазливая в углу
Цыплят кормила на полу,
Лентяем мужа называла,
Но вдруг Евграфа увидала,
Смутясь, вскочила второпях
С густым румянцем на щеках.

Приказчик бормотал невнятно:
«Здоровы ль? Очень приятно! —
Кафтан поспешно надевал
И в рукава не попадал.—
Эй, Марья! Ты бы хоть покуда...
Слепа! творог-то прибери!
Да пыль-то с лавки, пыль сотри...
Эх, баба!.. Кши! пошли отсюда!..
А я, того-с... велел пахать...
Вот гречу будем засевать».
Евграф сказал: «Давно бы время!»
В амбар приказчика повел
И гречу указал на семя;
Все закрома с ним обошел;
В овес, и в просо, и в пшеницу
Глубоко руку погружал,—
Все было сухо. Приказал
Сменить худую половицу

И, выходя, на хлев взглянул,
Федота строго упрекнул:
«Эх, брат! навозу по колени...
За чем ты смотришь?» —
«Все дела!
Запущен, знамо, не от лени...
Кобыла, жаль, занемогла!» —
«Какая шерстью?» —
«Вороная».
Евграф конюшню отворил,
Приказчик лошадь выводил.
С боками впалыми, больная,
Тащилась, чуть переступая.
«Хорош присмотр! Опоена!»
«Ему, знать, черти рассказали»,—
Приказчик думал. «Нет-с, едва ли!
Мы смотрим. Оттого больна —
Не любит домовой. Бывает,
На ней всю ночь он разъезжает
По стойлу; поутру придешь —
Так у бедняжки пот и дрожь».
Евграф вспылил: «Ведь вот мученье!
Найдет хоть сказку в извиненье!»

Но, проходя межами в поле,
Казалось, он вздохнул на воле,
Свою досаду позабыл
И всходы зелени хвалил.
Приказчик разводил руками:
«Распашка много-с помогла...
Вот точно пух земля была,—
Так размягчили боронами!» —
«Где овцы? Я их не видал».—
«Вон там... где куст-то на кургане».
Но взор Евграфа замечал

Лишь пятна серые в тумане;
Что ж! ночью можно отдохнуть —
И он к гурту направил путь.
Заснула степь, прохладой дышит.
В огне зари полнеба пышет,
Полнеба в сумраке висит;
По тучам молния блестит;
Проворно крыльями махая,
С тревожным криком в вышине
Степных гостей несется стая.
Маячит всадник в стороне,
Помчался конь,— хвостом и гривой
Играет ветер шаловливый,
При зорьке пыль из-под копыт
Румяным облачком летит.
Неслышным шагом ночь подходит,
Не мнет травы,— и вот она
Легла, недвижна и темна,
Молчаньем чутким страх наводит...
Вот снова блеск — и грянул гром,
И степь откликнулась кругом.
Евграф к избушке торопился,
Приказчик следом поспешал;
Барбос их издали узнал,
Навстречу весело пустился,
Но вдруг на ветер поднял нос,
Вдали послышав скрип колес,—
И в степь шарахнулся.

За щами,

Румян и пóтом окроплен,
Меж тем посиживал Семен.
Его веселыми речами
Была приказчика жена
Чуть не до слез рассмешена.

«Эх, Марья Львовна! Ты на волю
Сама недавно отошла;
Ты, значит, в милости была
У барина: и чаю вволю
Пила, и все... А я, как пес,
Я, как щенок, средь дворни рос;
Ел, что попало. С тумаками
Всей барской челяди знаком.
Отец мой, знаешь, был псарем,
Да умер. Барин жил на славу:
Давал пиры, держал собак;
Чужой ли, свой ли,— чуть не так,
Своей рукой чинил расправу.
Жил я, не думал, не гадал,
Да в музыканты и попал.
Ну, воля барская, известно...
Уж и пришло тогда мне тесно!
Одели, выдали фагот,—
Играй! Бывало, пот пробьет,
Что силы дую,— все нескладно!
Растянут, выдерут изрядно,—
Опять играй! Да целый год
Таким порядком дул в фагот!
И вдруг в отставку: не годился!
Я рад, молебен отслужил,
Да, видно, много согрешил:
У нас ахтер вина опился —
Меня в ахтеры!.. Стало, рок!
Пошла мне грамота не впрок!
Бывало, что: рога приставят,
Твердить на память речь заставят,
Ошибся — в зубы! В гроб бы лег,—
Евграф Антипыч мне помог.
Я, значит, знал его довольно,
Ну, вижу — добр; давай просить:

«Нельзя ль на волю откупить?»
Ведь откупил! А было больно!»
И пятерней Семен хватил
Об стол. «Эхма! собакой жил!»
Евграф за ужин не садился;
И не хотел, и утомился,
И свечу сальную зажег,
На лавку в горенке прилег.
Раз десять Марья появлялась,
Скользил платок с открытых плеч,
Лукавы были взгляд и речь,
Тревожно грудь приподнималась...
Евграф лежал к стене лицом
И думал вовсе о другом.
Носилась мысль его без цели;
Едва глаза он закрывал,
В степи ковыль припоминал,
Над степью облака летели;
То снова вздор о домовом
В ушах, казалось, раздавался,
Приказчик глупо улыбался,
«Гм... Знахарь нужен-с.. Мы найдем...»
Взялся читать — в глазах пестрело.
Вниманье скоро холодело,
Но, постепенно увлечен,
Забыл он все, забыл и сон.

Уж петухи давно пропели.
Над свечкой вьется мотылек;
Круг света пал на потолок,
И тишь, и сумрак вкруг постели;
По стеклам красной полосой
Мелькает молния порой,
И ветер ставнем ударяет...
Евграф страницу пробегает,

Его душа потрясена,
И что за песнь ему слышна!
«Вы пойте мне иву, зеленую иву...»
Стоит Дездемона, снимает убор,
Чело наклонила, потупила взор;
«Вы пойте мне иву, зеленую иву...»
Бледна и прекрасна, в тоске замирает,
Печальная песня из уст вылетает:
«Вы пойте мне иву, зеленую иву!
Зеленая ива мне будет венком...»
И падают слезы с последним стихом.

Уходит ночь, рассвет блеснул,
И наконец Евграф уснул.

Май 1859.

ПРИМЕЧАНИЯ

Художественное иаследие Никитниа занимает значнтельиое место в истории русской поэзии.

В настоящее издаиие вошли нзбраиные сочинеиия поэта, представляющие наибольшую идейную и художественную цеииость. Из 220 стихотворениий в иего включено 76 и все поэмы. Произведения воспроизводят последние авторские редакции и публикуются по издаиию «И. С. Никнтнн. Полиое собраиие стихотворений. Предисловие Н. И. Рылеииова. Вступительная статья и примечаиия Л. А. Плоткина, подготовка текста М. И. Маловой, «Советский писатель», М.—Л., 1965».

Стихотворения и поэмы расположены в хронологическом порядке. В том случае, если Никитиным оии были существенио переработаиы, то под ними проставляются две даты, указывающие иа время создаиия раиией и окоичательиой редакции. Даты с вопросительным зиаиом являются предположительиыми.

Орфография и пунктуация текстов за иебольшим исключеиием приближены к современным нормам правописания.

Принятые соиращения

Сб. 1856 — Стихотвореиия Ивана Никитина. Издал гр. Д. Н. Толстой. Воронеж—СПб., 1856.

Сб. 1859—Стихотворения Ивана Никитииа. СПб., 1859.

Изд. 1869 — Сочииения И. С. Никитииа, с его портретом, видом иадгробного памятниина, facsimile и биографией, составлеиной М. Ф. Де-Пуле, тт. 1—2, Воронеж, 1869.

Изд. 1912 — Полное собрание сочинений И. С. Нииитина. Под ред. М. О. Гершеизона. М., 1912.

Изд. Фомина — И. С. Никнтии. Полное собранне сочинений и писем. Под ред. А. Г. Фомина, тт. 1—3. СПб., 1913—1915.

Изд. 1955 — И. С. Нииитин Сочниения. Под ред. Л. А. Плоткииа. М., 1955.

Изд. 1965 — И. С. Никитин. Полное собрание стихотворений. Предисловие Н. И. Рыленкова.

Вступительная статья и примечания Л. А. Плоткина. Подготовка текста М. И. Маловой. «Советский писатель», М.—Л., 1965.

ОЗ — «Отечественные записки».

ВГВ — «Воронежские губернские ведомости».

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (в Ленинграде).

ТН — Тетрадь А. П. Нордштейна со списками и автографами стихотворений Никитина. (Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва).

Стихотворения

Весна в степи. (стр. 29). Впервые — ОЗ, 1854, т. XCIV, кн. VI, отд. VII, стр. 65—68. Переведено на немецкий язык в 1889.

Для последующих изданий Никитин так радикально переработал стихотворение, что новый вариант его — **«Полно, степь моя, спать беспробудно...»** — явился, по существу, самостоятельным произведением (см. стр. 73 и примеч. на стр. 340). Как по теме, образам, так и по общему стилевому и метрическому строю стиха «Весна в степи» — близкое подражание Кольцову.

«Тихо ночь ложится...» (стр. 31). Впервые — в сб. 1856, стр. 3—4. В сб. 1859 не вошло. Положено на музыку Д. Корниловым и Н. Соколовым.

Тишина ночи (стр. 32). В ранней редакции озаглавлено «Ночь» (1849). Впервые — в сб. 1856, стр. 19—22 (вторая редакция). Положено на музыку Н. Аманн.

В сб. 1856 были заменены многоточиями строки:

И в цепях разврата,
Не узнав любви,
Рано без возврата
Сгубит дни свои.

В окончательной, значительно переработанной редакции это четверостишие заменено строками 45—48. Есть основания полагать, что эта замена была сделана под давлением цензуры.

Тайное горе (стр. 35). Впервые — в сб. 1856, стр. 32. В новой редакции вошло в сб. 1859, стр. 40.

Юг и Север (стр. 36). Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1854, т. CXXVI, кн. VIII, стр. 205—206.

20. И красота волнистых облаков,
21. Горящих звезд холодное сиянье,
22. Глухих степей угрюмое молчанье,
26. И снежные пустынные равнины,

С небольшими изменениями вошло в сб. 1856. В стихотворении чувствуется влияние «Родины» Лермонтова.

Русь (стр. 37). Впервые — во второй редакции — ВГВ, 1853, № 47, 21 ноября, часть неофициальная, стр. 283—284. Перепечатано в «С.-Петербургских ведомостях», 1853, № 275. В сб. 1859 не вошло. Переведено на немецкий язык («Русский парнас», 1889), на чешский в 1871, на украинский (Лiтература газета», № 32 от 21 ноября, 1961) и другие языки. Положено на музыку Э. Направником, А. Кастальским, К. Массалитиновым.

«Русь» — первое стихотворение Никитина, появившееся в печати. Поэт послал его вместе со стихотворениями «Поле» и «С тех пор как мир наш необъятный...» с письмом редактору ВГВ В. А. Средину. Из этих трех стихотворений было опубликовано только «Русь» за подписью: Иван Никитин, с заметкой от редакции: «Хотя помещение стихотворений, согласно принятой нами программе, не входит в объем нашего издания, но, принимая во внимание, с одной стороны, неуверенность в своих силах молодого таланта, не решающегося обратиться со своей просьбой в редакцию какого-нибудь из наших журналов, а с другой стороны, отдавая должную справедливость замечательному дарованию автора и сочувствуя его направлению, мы решаемся поместить одно из присланных им стихотворений, приветствуя нового воронежского поэта искренним желанием дальнейшего успеха на избранном им поприще». Стихотворение Никитина «Русь» оказалось особенно созвучным глубоко патриотическим чувствам нашего народа в годы Великой Отечественной войны (см. «Литература и искусство», 1942, № 44; сб: «Русские поэты о родине». Л., 1943, стр. 192—193 и др.).

Степная дорога (стр. 42). Впервые — в сб. 1856, стр. 64—68. Переведено на украинский язык.

Мщение (стр. 45). Впервые в изд. 1912, стр. 32. Список — в ТН. В силу цензурных условий до 1912 г. не печаталось.

«С суровой долею я рано подружился...» (стр. 48). Впервые под заглавием **«Задумчивый певец пустыни неизвестной...»** — в 03 1854, т. XCIV, кн. VI, стр. 58—59, в новом варианте — в сб. 1858, стр. 91, с существенными исправлениями вошло, видимо, как программное, в сб. 1859. Добролюбов, высоко оценивая это стихотворение, видел в нем одно из наглядных подтверждений того, что «страдания нищеты, унижения и всяких обид и несправедливостей сильно были прочувствованы самим поэтом и стали близки его душе». (Собр. соч., т. 6. М.—Л., 1963, стр. 166).

Песня («Зашумела, разгулялась...») (стр. 49). Впервые — в сб. 1856, стр. 97—98. Положено на музыку В. Калинским, В. Пасхаловым и Н. Соколовым. Печаталось во многих сборниках народных песен и хрестоматиях. В устном исполнении «Песня» подвергалась переделкам и часто контаминировалась с народными песнями (см. В. Тонков. Никитин и народное творчество. Воронеж, 1941, стр. 119).

Зимняя ночь в деревне (стр. 50). Впервые — в другой редакции — в «Библиотеке для чтения», 1854, т. CXXVI, кн. VIII, стр. 206—208. Со значительными изменениями — в сб. 1858, стр. 105. Одно из наиболее популярных стихотворений поэта. Переведено на английский язык в 1928, на немецкий — в 1938 (Амстердам), на румынский — в 1949, на венгерский — в 1950 и на украинский («Ласточка», 1878, «Просвіта», 1894). Печаталось во многих песенниках и школьных сборниках для пения. В стихотворении слышатся отзвуки поэзии Огарева.

«Не вини одинокую долю...» (стр. 52). Впервые — в изд. 1912, стр. 30. В стихотворении сказалось влияние Некрасова.

Ссора (стр. 55). Впервые — во второй редакции — в сб. 1858, стр. 125 — 126. Стихотворение пользовалось широкой популярностью среди массового читателя, печаталось во многих хрестоматиях, входило в сборники песен, распространялось в лубочных листах (см. напр., «Супружеская ссора», изд. Е. И. Коноваловой, 1914).

Жена ямщика (стр. 58). Впервые — в «Современнике», 1854, кн. XII, стр. 209—215. В новой редакции — в сб. 1856, стр. 153, в окончательной

редакцин включено в сб. 1859, стр. 83. Став народной песней, стнхотворение вошло в ряд песеннников (обработка К. А. Шварца), отображалось в лубочных листах (Хромолитография И. А. Морозова, 1890, два нздания), распространялось через массовые удешеаленные издання сочнений поэта.

Утро на берегу озера (стр. 85). Впервые—а 03, 1854, кн. VI, стр. 81—63 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Ннинтине). В новой редакцни — в «Библиотеке для чтення», 1855, кн. VI, стр. 184—188; с нсправленнями — а сб. 1856, стр. 135. Переведено на украинсиий язык.

О своей переработке стихов Ннкнтнн пнсал Н. И. Второву 16 сентября 1854 г.: «Утро на берегу озера» я нсправил; может быть, цензура не пропустит онончания этого стихотворения, но я не хочу переменять: оно вылнлось нз души, в минуту раздражительного азгляда на жизнь» (изд. 1955, стр. 213). Речь шла о замене опнсания прнроды в заключнтельных строфах эпнзодом с девочкой-сиротиой. Добролюбов в рецензии на сб. 1859 находил, что стнхотворенне растянуто и лишено цельности (Добролюбов. Собр. соч., т. 8, М.—Л., 1983, стр. 173).

Трн встречи (стр. 88). Впервые — а нзд. 1912, стр. 50. Положено на музыку П. Булаховым.

Бурлак (стр. 71). Впервые — ао второй редакцни — в 03, 1855, т. С1, ин. VII, стр. 71—72, с нсправлениями — в сб. 1858, стр. 197. Спнсок ранней редакции — в ГН под заглавнем «Бобыль» (1854). Переаедено на украинсиий язык Панасом Мнриым (Рукоп. отд. Института литературы нм. Т. Г. Шевченио АН УССР, фоид П. Мириого, № 204). Стихотворенне пользовалось широиой популярностью средн массового чнтателя, часто исполнялось со сцены.

«Полно, степь моя, спать беспробудно...» (стр. 73). Впервые — в другой редаиции — в сб. 1856, стр. 5, с исправлениямн — в сб. 1859, стр. 31. Переведено на уираинсиий язык.

«Подула непогодушка с родной моей сторонушки...» (стр. 74). Впервые—в изд. 1912, стр. 73—74.

Бобыль (стр. 75). Впераые — а изд. 1889, т. I, стр. 347—349. В 1858 г. Никитин в таиой степенн переделал это стихотворение, что его новая ре-

дакция — «Песня бобыля» (см. стр. 133) — оказалась самостоятельным произведением (см. изд. Фомина, т. 3, стр. 142—143).

Кукольник Н. В. (1809—1868)—драматург, поэт и беллетрист, представитель консервативного крыла русского романтизма 1830-х гг. В 1854 г. по делам службы жил в Воронеже.

Рассказ ямщика (стр. 77). Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1855, т. CXXXI, кн. V, отд. 1, стр. 1—3. Редакцией журнала внесен ряд изменений в авторский текст. В новой переработке в «Народном чтении», 1859, кн. III, стр. 161—164. В критике отмечалось, что в «Рассказе ямщика» заметно обнаруживается влияние Некрасова (ОЗ, 1889, кн. VIII, отд. 2, стр. 297).

Утро (стр. 80). Впервые—в другой редакции — в ОЗ, 1855, т. CI, кн. VII, стр. 3—4. По свидетельству современников Никитина, стихотворение «Утро» было «одним из наиболее любимых поэтом» (см. изд. 1869, т. I, стр. 549). Известны четыре редакции этого произведения. Существенные переработки его не только характеризуют творческую работу поэта над текстом, но проливают свет и на настроение самого автора. В заключительной строфе ранней редакции (1854):

Только я, как чужой, среди белого дня,
И не в радость мне утро веселое:
Без рассвета лежит на душе у меня
Ночью темною горе тяжелое.

См. варианты «Утро» (изд. Фомина, т. 3, стр. 145—148). Стихотворение переведено на украинский язык поэтом В. Самийленко («Заря», 1886, № 13—14, стр. 227). Положено на музыку В. Калинниковым и В. Корсунским.

Встреча зимы (стр. 81). Впервые — в ВГВ, 1854, № 50 и в «Библиотеке для чтения», 1855, т. CXXIX, кн. 1, стр. 9—12. В прижизненные издания 1856 и 1859 гг. стихотворение не вошло. Положено на музыку Н. Римским-Корсаковым, П. Драгомировым, Р. Глиэром и другими композиторами.

«Уж как был молодец...» (стр. 85). Впервые — в изд. 1869, т. 1, стр. 355—358. Стихотворение написано на основе народного героического эпоса. Положено на музыку А. Арским.

Внезапное горе (стр. 88). Впервые — в «Библио-

теке для чтення», 1858, т. CXXX, нн. 1, стр. 106. В первоначальной реданцнн озаглавлено «Крестьянское горе». Положено на музыну И. Гржнмали.

Рассказ крестьянки (стр. 89). Впервые — в нзд. 1912. стр. 80—81.

Уличная встреча (стр. 94). Впервые — в нзд. 1869, т. 1, стр. 360—384. Спнсон ранней реданцнн озаглавлен «Две мещаннн» (январь 1855). В стнхотвореннн сназалось влнянне Ненрасова.

«Отвяжися, тоска...» (стр. 98). Впервые — в нзд. 1889, т. I, стр. 373—374. Положено на музыку А. Чернявсним, В. Золотаревым, С. Донауровым.

«Над полямк вечерняя зорька горит...» (стр. 99). Впервые — в нзд. 1912, стр. 98.

Выезд троечника (стр. 101). Впервые — в «Бнблнотене для чтення», 1856, т. CXXXVI, нн. IV, отд. 1, стр. 135 — 137. В ТН озаглавлено **«Выезд троечника»**. Реданцней журнала в авторсннй тенст внесены нсправлення, продннтованные, внднмо, цензурнымн соображеннямн. Вместо: «Занолотнт плетью» напечатано «Прнгрознт н плетью»; в рунопнсн: «Смнрен.., вот что сиверио», в напечатанном тенсте «Смнрен непомерно» н т. д. (изд. Фомнна, т. III, стр. 159).

Староста (стр. 105). Впервые — в «Руссном архнве», 1865, нн. III, стр. 317—320. По свндетельству Н. П. Курбатова, близного друга Ннннтина, стихотворение «Староста» уцелело случайно. «Поэт, — вспомннает Курбатов, — хандрнл н не хотел слышать о пощаде «Старосты». — «Без переделнн оно ннпуда не годнтся», — говорнл он. Однано нам удалось-танн склоннть его отдать нам это стнхотворенне под условнем возвращення после того, нан оно будет переделано» (нзд. 1869, т. 1, стр. 553—554). Ннннтнн, однано, н стнхотворенню не возвращался.

Пахарь (стр. 107). Впервые — в «Руссной беседе», 1857, нн. VIII, отд. 1, стр. 79—81. Ощущая постоянное давленне цензуры, Ннннтнн пнсал Краевсному в 1856 г.: «Жаль, еслн цензура не пропустнт «Пахаря»! Я, нан умел, смягчнл нстнну; не тан бы нужно пнсать, но лучше написать что-нибудь, нежели ннчего о нашем бедном пахаре» (нзд. 1955, стр. 220). Стнхотворенне, предназначенное Ннннтиным для публннацнн в «Отечественных запнснах», было запрещено цензурой. В нем, по

мысли цензора, «пахарь упреиает свою горькую участь, состоящую в заботах и трудах, не доставляющих надежного средства н существованию» (ЦГИАЛ). Добролюбов считал это стихотворение одним из лучших в сб. 1859. (Собр. соч., т. 8, стр. 175). Положено иа музыку Н. Соноловым.

Гнездо ласточки (стр. 109). Впервые — в 03, 1856, т. СIХ, ни. XII, стр. 326. В сб. 1859 новая редакция, в иоторой поэт с большой социальной остротой дал образ мельиина-мироеда. Положено на музыку Н. Соколовым, К. Альбрехтом и М. Слоновым.

«Полночь. Темно в горенке...» (стр. 110). Впервые — в изд. 1912, стр. 116. Стихотворение предположительно датировано 1856 г. (см. изд. 1985, стр. 587).

«Поной мне нужен. Грудь болит...» (стр. 113). Впервые — в сб. 1859, стр. 71—72. Переведено иа болгарсиий язык в 1933.

Соха (стр. 114). Впервые — в 03, 1857, т. CXV, ин. XI, отд. 1, стр. 105—106. С небольшими исправлениями — в сб. 1859. Положено иа музыну П. Лучининым. Добролюбов относил это стихотворение н числу лучших в сб. 1859. (Собр. соч., т. 6, стр. 175).

Удаль и забота (стр. 116). Впервые в «Народном чтении», 1859, ии. V, стр. 164—185.

«Медленно двнжется время...» (стр. 117). Впервые — в «Русской беседе», 1858, ин. X, стр. 8—7, под заглавием «Песия». Переведено иа болгарский язык известным болгарсиим поэтом Петио Славейновым в 1865, иа немецкий в 1902 и на украинсиий в 1925 г. Положено иа музыку Н. Черепниным. Стихотворение переписывалось и перерабатывалось. В рукописиых сборниках конца XIX в.:

...Рыхлая почва готова,
Рвитесь и свободе, друзья:
Пламенем вашего слова
Вы разожгете сердца.

(См. В. Тонков. «Ннинтин». Воронежское областное иингоиздательство, 1945, стр. 84). В период 1885 — 1905 гг. неодноиратно печаталось в ряде сборников революционных песен. Мелодия стихотворения была использована для революционной песни Л. Радина «Смело, товарищи, в иогу».

Разговоры (стр. 118). Впервые — в «Русской беседе», 1858, кн. XII, стр. 4—5. С исправлениями вышло в сб. 1859. Переведено на болгарский язык в 1866. По словам современников, стихотворение произвело большое впечатление в Воронеже.

Нищий (стр. 119). Впервые — в «Русской беседе», 1857, кн. VIII, стр. 81—82. В изд. 1869 г. цензурой были сняты строки 13—24. Положено на музыку Н. Соколовым. Добролюбов считал это стихотворение «едва ли не лучшим» в сб. 1859. (Собр. соч., т. 8, стр. 175).

Ночлег в деревне (стр. 121). Впервые — в «Русской беседе», 1858, кн. XII, стр. 5. Переведено на венгерский язык, на немецкий — в 1889 и на болгарский — в 1868. Цензор Голохвостов по поводу этого стихотворения писал: «В нем описывается мрачными красками положение крестьян, крайние их нужды. Такое описание тяжкого и безвыходного положения крестьян должно неминуемо вредно действовать на учеников того же сословия, отбивая у них охоту к труду, который, по словам автора, нисколько не улучшает положения крестьян» (ЦГИАЛ).

Дедушка (стр. 121). Впервые — в «Народном чтении», 1859, кн. 11, стр. 212—213. Положено на музыку Н. Соколовым. Добролюбов в рецензии на сб. 1859 высоко оценил это стихотворение (Собр. соч., т. 6, стр. 174).

Пряха (стр. 122). Впервые — в сб. 1859, стр. 94—97. Добролюбов в рецензии на сб. 1859 положительно отозвался об этом стихотворении (Собр. соч., т. 8, стр. 174).

«Ах, прости, святой угодник!..» (стр. 128). Впервые — в изд. Фомина, т. II, стр. 117—118. При жизни Никитина не было опубликовано из цензурных соображений.

«В синем небе плывут над полями...» (стр. 129). Впервые — в сб. 1859, стр. 227.

«Ярко звезд мерцанье...» (стр. 130). Впервые — в «Народном чтении», 1859, кн. VI, стр. 132—133. Положено на музыку А. Толстой.

«В чистом поле тень шагает...» (стр. 131). Впервые в «Русской беседе», 1858, кн. XII, стр. 6—7. С незначительными исправлениями включено в сб. 1859, стр. 15.

«В небе радуга сияет...» (стр. 132). Впервые — в сб. 1859, стр. 16.

«В темной чаще замолк соловей...» (стр. 132). Впервые — в «Русской беседе», 1858, кн. XII, стр. 8, под заглавием «Ночь» (ранняя редакция). С частичной переработкой вошло в сб. 1859, стр. 33. Переведено на немецкий язык в 1912. Положено на музыку Н. Римским-Корсаковым, А. Гречаниновым, Э. Людвигом, Н. Соколовым, С. Грасгофом.

«Помнишь — с алымк краямк...» (стр. (133). Впервые—в «Русской беседе», 1858, кн. XII, стр. 7. Положено на музыку Н. Амани и др. композиторами.

«Горькие слезы» (стр. 134). Впервые—в 03, 1859, т. CXXII, кн. I, отд. 1, стр. 143.

«Детство веселое, детские грезы...» (стр. 135). Впервые—в 03, 1859, т. CXXII, кн. 1, отд. 1, стр. 144. По сведениям современников, стихотворение было написано под влиянием душевного переживания поэта, вызванного клеветническими слухами о нем, которые в эту пору распространялись в Воронеже. «Я никогда, — вспоминал Де-Пуле,— не видел его (Никитина. — **В. Т.**) в таком мрачном состоянии духа, никогда лицо его не выражало такой скорби и негодования, как 8 ноября 1858 года, когда он принес и прочел мне превосходное стихотворение, оканчивающееся следующими словами:

Грудь мою давит тяжелое бремя,
Жизнь пропадает в заботах о хлебе,
Детство сияет, как радуга в небе...»

(М. Ф. Де-Пуле. Иван Саввич Никитин. В кн.: Сочинения И. С. Никитина, т. I. Воронеж, 1889, стр. 88).

«Ах, у радости быстрые крылья...» (стр. 138). Впервые — в «Народном чтении», 1859, кн. I, стр. 209—210, под заглавием «Радость и кручина» (вторая редакция). Переведено на украинский язык. Добролюбов в рецензии на сб. 1859 г. оценил это стихотворение высоко (Собр. соч., т. 8, стр. 175).

«Опять знакомые виденья!..» (стр. 137). Впервые — в «Русской беседе», 1858, кн. XII, стр. 3—4. С незначительными исправлениями вошло в сб. 1859, стр. 64. В изд. 1869 не было пропущено цензурой. Добролюбов в рецензии на сб. 1859 писал, что в стихотворении «довольно горячо и живо» выражено «чувство сострадания к беднякам» (Собр. соч., т. 6, стр. 174).

Песня бобыля (стр. 138). Впервые — в «Народном чтении», 1859, кн. II, стр. 213—214. Положено на музыку А. Доброхотовым, С. Монюшко, П. Мысовским и П. Лучкиным. Войдя во многие песенники и лубок, это стихотворение получило широкое распространение (см. Лубок, ч. 1, Русская песня. Составил и комментировал С. А. Клепиков. М., 1939, стр. 161—162). «Песню бобыля» в детстве любил В. И. Ленин (см.: А. И. Ульянова-Елизарова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1956, стр. 10).

«Ехал из ярмарки ухарь-купец...» (стр. 139). Впервые — в сб. 1859, стр. 137—139. В изд. 1869 цензурой были исключены два последних стиха:

Кем ты, люд бедный, на свет порожден,
Кем ты на гибель и срам осужден?

Цензурный пропуск был восстановлен лишь в изд. 1912 г. Стихотворение вошло в песенники и лубок, широко распространялось через массовые дешевые издания, подвергалось многочисленным творческим переделкам: известно более 40 вариантов. (См.: В. А. Тонков. Никитин и народное творчество, цитируемое издание, стр. 109—115). Положено на музыку Э. Мартыновым, И. Пригожевым и Юрьевым. Добролюбов в рецензии на сб. 1859 писал, что «Хорошо также по своей основе стихотворение «Ехал из ярмарки ухарь-купец...» (Собр. соч., т. 6, стр. 175).

Мертвое тело (стр. 141). Впервые — в сб. 1859, стр. 146—152. В стихотворении заметно влияние народного творчества. Особенно это влияние чувствуется в плаче матери об умершем сыне (ср. Е. В. Барсов. Причитания Северного края, ч. I, М., 1872, стр. 245—252).

Старый слуга (стр. 146). Впервые — в сб. 1859, стр. 140—143.

«Перестань, милый друг, свое сердце пугать...» (стр. 148). Впервые — в сб. 1859, стр. 43. Положено на музыку П. Барчуновым.

«И дождь, и ветер. Ночь темна...» (стр. 149). Впервые — в сб. 1859, стр. 49.

«Бедная молодость, дни невеселые...» (стр. 150). Впервые — в «Русском слове», 1860, кн. II, отд. 1, стр. 86—87.

«Теперь мы вышли на дорогу...» (стр. 150). Впер-

вые — И. Ннкитин. Соч., М., 1888, стр. 56. До этого стнхотворенне было звпрещено цензурой.

«Облнчнтель чужого разврата...» (стр. 152). Впервые — в «Руссном архнве», 1865, X—XI, стр. 1359. Автограф — в врхнве Н. И. Второва, в письме Никитина и Второву от 15 апреля 1860 г. (см. изд. 1955, стр. 276). С чтением этого стихотворения поэт выступвл в Вороиеже 9 впреля 1860 г. иа вечере в пользу иуждающихся литераторов и ученых. Стихотворение, обличающее либералов, нмело шумный успех.

Помнннн (стр. 154). Впервые — в нзд. 1869, т. 2, стр. 52—53. До этого стнхотворенне было запрещено цензурой.

На пепелнще (стр. 155). Впервые — в «Руссиом слове», 1861, кн. 1, отд. 1, стр. 5—8. В изд. 1869 не допущено цензурой.

Портной (стр. 156). Впервые — в «Вороиежсиой беседе иа 1881 г.», стр. 237—240. Посылая 29 денабря 1860 г. руиопнсь этого стихотворения Н. И. Второву, Ниинтин пнсал: «Портной» — это фаит, случившийся на днях; я зиал его личио, ио я, и сожалению, ие зиал о его страшиом положеиин. Вот что бывает на свете, а иаш брат еще смеет жаловаться!» (Изд. 1955, стр. 284). По свидетельству современнииов, прототипом образа портиого был воронежсний мещвнин Тюрии, иоторого поэт даже похороиил за свой счет. Дочь Тюрнив, Катя, по завещаиию Нниитниа получнла часть его имущества.

Мать н дочь (стр. 160). Впервые — в 03, 1861, т. CXXXV, ии. III, отд. 1, стр. 121—122. Положено нв музыку Н. Сонололовым.

«Вырыта заступом яма глубоная...» (стр. 161). Впервые — в «Вороиежсиой беседе на 1881 г.» в теисте повести «Диевиии семинариста». Переведено иа иемецкий и уираинский языки. Положено нв музыку И. Беляевым, И. Богуславсним, И. Сацем, А. Копыловым н др.

Теист этого стихотворения высечен на надгробном памятииие Ниннтину в Воронеже.

Хозяин (стр. 183). Впервые — в журнале «Время», 1861, т. VI, ии. XI, отд. 1, стр. 121—125. Было прочнтано Ниинтииым иа литературно-музыкальном вечере, устроенном в Вороиеже 9 апреля 1861 г. Песня «На ствром нургане в широной сте-

пи...», вошедшая в это стихотвореиие, положена на музыку В. Квлниииовым, П. Чесиоиовым и С. Миловсним, В обрвзе прниоваииого и цепи и истеквющего кровью соколв позт дал снмволическое нзобрвжеиие звкрепощенного в то время русского ирестьянствв. Слова зтой песни завоеввли горячую любовь в среде передовой молодежи и чвсто исполнялись ею наряду с революционными песиями (см. В. А Тонков, И. С. Никитин. Очери жизнн н творчества. М., 1968, стр. 90—92, 117).

[**Н. А. Матвеевой**] («Нв лнцо твое солнечный свет упадвл...» (стр. 188). Впервые — в биографнчесиих материалах в изд. 1869, т. 1, стр. 173. Матвеева Наталья Антоновнв — дочь отставного геиервлв. Позиаиомнлся с ней Ннкитни в 1858 г., иогда гостнл у Плотниновых в деревне Дмитриевие (быв. Землянского уездв Воронежсиой губ.). С весны 1860 г. между поэтом и Мвтвеевой зввязалвсь оживлеииая перепискв. Ннкитин пнтвл к ней глубоиое чувство и встречал с ее стороны полную взвнмность (см.: В. А. Тониов. И. С. Ннкитни. Очери жизин и творчества. Цитнруемое изд., стр. 99—108).

Порывы (стр. 189). Впервые — в «Живописиом обозреннн», 1880, № 2, стр. 25.

«Падет презренное тиранство...» (стр. 173). Впервые — в журнале «Былое», 1906, ин. VII, стр. 1. Переведено нв укрвннский язык В. Ковалевсиим.

«Постыдно гнбнет наше время...» (стр. 174). Впервые — в журиале «Вылое», 1908, кн. VII, стр. 2. В рукописи стнхотворения звчеринуты 4 строки, нз которых можно разобрать лишь две первые.

Нас бьют ииутом, иас мучат палиой,
Дурвчвт, грабят, иви хотят.

«Тяжний нрест несем мы, братья...» (стр. 175). Впервые — в журиале «Вылое», 1906, ин. VII, стр. 3. В рукописи строкв 10-я первонвчальио:

Царство стрвха и цепей.

Филантроп (стр. 175). Впервые — в журиале «Дело». 1868, ии. V, стр. 111—112.

Жизнь (стр. 176). Впервые—в журнале «Модиый магазин», 1887, № 4, стр. 54.

Поэмы

Кулак (стр. 181). Впервые — отдельным изданием: «Кулак. Поэма». М., 1858. По собственноручной пометке Никитина на рукописи поэмы, она начата в октябре 1854 г., и к сентябрю 1856 была закончена первая ее редакция. По совету друзей, поэт продолжал перерабатывать поэму, вносить в нее ряд существенных исправлений. Вторая редакция поэмы должна быть отнесена к середине 1857 г. Это находит подтверждение в письме Никитина к Второву от 2 августа 1857 г.: «Кулак», — сообщает поэт, — сегодня отправляется в Москву... Я сделал незначительные перемены, в некоторых главах. Довольно, покуда не марать!..» Из 14-й главы цензура вычеркнула 16 стихов. «Кулак», — писал Никитин Второву, — из Цензурного Комитета отпущен на все четыре стороны: исключено в нем 18 строк сряду, помните, где Лукич идет по улице, встречает арестантов и дает им подаянье... Жаль! — черта в характере пропала!» (25 ноября 1857.) Добролюбов в большой и глубоко сочувственной рецензии на поэму писал о ней как о подлинно оригинальном произведении, «полном истинно гуманных идей» (Собр. соч., т. 3, 1982, стр. 152). В 1949 г. на сюжет поэмы воронежским композитором Ф. Цабелем была написана опера «Под ярмом».

Тарас (стр. 305). Впервые — в «Воронежской беседе на 1861 г.», стр. 1—19. Над поэмой Никитин работал с перерывами несколько лет. Она была начата в 1855 г., а окончательная редакция ее сложилась, скорее всего, в середине 1860 г. Известно четыре редакции поэмы: две из них относятся к 1855 г., причем первая, законченная в октябре, носит заглавие «Сорока», вторая, датированная 23 ноября, не имеет заглавия, а две последние, значительно отличаясь от двух первых, относятся к 1860 г. О первоначальном более широком замысле Никитина в его работе над поэмой см. «Вестник Европы», 1869, т. IV, кн. VIII, стр. 807. Поэма переведена на румынский язык в 1957 г.

Поездка на хутор (стр. 326). Впервые — в «Русском слове», 1859, № 5, стр. 1. Представляет собой небольшой отрывок из поэмы «Городской голова». Поэму эту Никитин начал в 1857 г., много раз перерабатывал, но закончить не успел.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (черным) — страницу примечания.

ПОЭМЫ

Иван Саввич Никитин

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор **Л. П. Шевченко.** Художник **В. А. Пресняков.** Художественный редактор **С. Г. Ратмирова.** Технический редактор **Т. И. Алтухова.** Корректор **Л. В. Романова.** Сдано в набор 11/IV 1972 г. Подписано в печать 18/V 1972 г. Формат $70 \times 84^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 11,99. Уч.-изд. л. 14,72. Бумага № 3. Цена 52 коп. Тираж 75 000 экз. Заказ № 14571. Центрально-Черноземное книжное издательство, г. Воронеж, ул. Цюрупы, 34. Воронеж, типография издательства «Коммуна», пр. Революции, 39.

52 коп.

